4499

Лидія Чарская.

Ея Величество ЛЮБОВЬ.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Иллюстраціи М. А. Андреева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Волнующій и острый, какъ запахъ экзотическаго цвѣтка, уносится подъ своды бѣлаго зала мотивъ танго.

Толя, въ новомъ, съ иголочки, военномъ кителѣ, узкихъ рейтузахъ и высокихъ ботфортахъ, бережно держитъ въ своихъ объятьяхъ стройную фигуру Зины Ланской и каждый разъ, какъ прелестная вдовушка, извиваясь змѣею, наклоняется совмѣстно съ нимъ къ блестящимъ квадратикамъ паркета, шепчетъ ей что-то значительное въ ея розовое ушко.

А въ большія старинныя окна бѣлаго зала смотритъ ясный іюньскій вечеръ. Алой кровью брызжетъ уходящее солнце и на оконныя стекла, и на китель Толи, и на рыжіе пушистые волосы Зины, кажущіеся сейчасъ огненнымъ пламенемъ костра. Дразнящая мелодія танго, пріобрѣтая какую-то особенную выразительность подъ искусными пальцами корнета Луговского, извлекающаго ее изъ чуть разбитыхъ струнъ стариннаго рояля, и рыжіе волосы Зины, пронизанные умирающими лучами солнца, и раздражающе красивыя движенія на-диво подобранной красивой пары танцоровъ, — все это даетъ впечатлѣніе чего-то первобытно-вакхическаго и утонченно-заманчиваго въ одно и то же время.

Треть зала отгорожена высокимъ помостомъ сцены, устроеннымъ для предстоящаго любительскаго спектакля. Сейчасъ съ высоты его Вѣра, Муся съ Варей, корнетъ Луговской, сидящій за роялемъ, и „любимецъ публики“ слѣдятъ, не спуская взоровъ, за каждымъ изломомъ своеобразно-чарующаго и наивно-безстыднаго танца, твердо обосновавшагося минувшей зимой во всѣхъ „укромныхъ“ уголкахъ Петрограда.

Проносясь мимо сестеръ, Толя поворачиваетъ раскраснѣвшееся лицо съ блестящими глазами въ ихъ сторону и кричитъ съ дурашливой миной: „Дѣвочки, прячьтесь!.. Развѣ не видите? становится неприличнымъ“,—и, тотчасъ же ловкимъ движеніемъ притянувъ свою даму, бросаетъ ей на-ушко:

— Я люблю васъ, Зина, и такъ готовъ былъ бы кружиться съ вами всю жизнь.

Вдовушка смѣется. Она всегда смѣется въ отвѣтъ на такіе „эксцессы“, и

БИБЛІОТЕКА

этотъ смѣхъ волнуетъ офицера не менѣе ея близости подъ мотивъ танго.

А потомъ она начинаетъ возражать ему.

Какой вздоръ!.. Онъ любитъ, маленькій Толя, которому она годится въ прабабушки! Да и умѣетъ ли онъ еще любить? Да, любить онъ умѣетъ, но не ее, Зину, свою старую кузину (она умышленно подчеркиваетъ „старую“, прекрасно сознавая все обаяніе своей пышно распустившейся двадвадцативосьмилѣтней красоты), а свой полкъ, товарищей, семью, сестеръ, „Акваріумъ“, „Виллу Родэ“, „Паласъ-театръ“ и нѣкую крошку Жильберту, которая и научила его такъ безподобно плясать танго.

И Зина опять смѣется своимъ раздражающимъ смѣхомъ, какъ могутъ смѣяться развѣ только русалки на озерѣ въ воздушную лунную ночь.

Ея кавалеръ весь закипаетъ негодованіемъ. Пользуясь каждымъ движеніемъ танца, сближающимъ ихъ фигуры и головы, онъ говоритъ взволнованно и тихо, такъ тихо, что Зина одна только можетъ услышать его:

— Зина!.. Злая, жестокая! И вамъ не стыдно? Мало того, что измучила,— еще дразнитъ, гадкая дѣтка. Ну, да, Жильберта—не выдумка, а — увы! — фактъ неоспоримый... Но чѣмъ же я виноватъ, что эта маленькая француженка подвернулась какъ разъ тогда, послѣ того кутежа на масленой—помните, Зина?—когда вы... когда вы...

— Довольно!.. довольно! Я—не любительница сильныхъ ощущеній и боюсь пробужденія ревности больше всего!—притворно испуганно восклицаетъ она. — Пощадите, мой милый! Не хотите ли вы посвятить меня въ тайну вашихъ отношеній къ маленькой профессоршѣ танго?

И опять смѣхъ, раздражающій, пьянящій смѣхъ русалки.

Въ красивомъ, свѣжемъ лицѣ Анатолія появляется злое выраженіе.

„Подожди! Посмѣешься ты у меня когда нибудь!“ — проносится сладострастно-жестокая мысль въ его мозгу, и онъ до боли сильно сжимаетъ тонкую кисть Ланской.

— Ай! — вскрикиваетъ Зина. — Вы съума сошли, маленькій Толя! Я—не поклонница подчиненія грубой силѣ. Пожалуйста запомните это разъ и навсегда.

Она говоритъ это и въ то же время вся отдается капризному ритму танца, увлекая за собой и кавалера.

Танецъ исполняется безподобно, всѣ восхищенно слѣдятъ за нимъ.

Даже корнетъ Луговской, играющій на роялѣ, не въ силахъ сдержать свой восторгъ. Онъ обрываетъ мотивъ танго на полуфразѣ, выскакиваетъ изъ-за рояля и кричитъ, бѣшено аплодируя:

— Браво! Браво! То есть уди-вительно какъ хорошо! Неподражаемо! Настоящіе профессіональные танцоры! И знаменитая Жильберта въ „Виллѣ Родэ“...

Тутъ блестящій лакированный сапогъ со шпорой незамѣтно нажимаетъ его ногу.

— Тссс! При сестрахъ-то!—шепчетъ Толя съ растерянно-комическимъ лицомъ.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь! Мы—не дѣти и отлично понимаемъ, какъ вы проводите свободное время въ столицѣ. Не правда ли, Варюша? — звенитъ тонкій, мелодичный голосокъ младшей изъ сестеръ Анатолія, его любимицы, шестнадцатилѣтней Муси.

Это—еще не сформировавшаяся, но удивительно миловидная дѣвчурка, съ такими же живыми, сверкающими задоромъ и радостью жизни глазами, какъ и у брата.

Та, къ кому она обращается,—без-

цвѣтная, тихая, застѣнчивая дѣвушка, ея подруга по институту,—молча, съ испуганнымъ смущеніемъ глядитъ въ ея каріе, задорно поблескивающіе глаза.

— Ха-ха-ха! Очаровательно, дѣтка! Молодчинище! Вы прогрессируете, сударыня, — раскатывается безпечнымъ, веселымъ смѣхомъ Анатолій, хватая за руки младшую сестру и кружась съ нею по сценѣ.

— Ну да, конечно молодецъ, если на то пошло,— лукаво и бойко поглядывая на мужчинъ, посылающихъ ей одобряющія улыбки, продолжаетъ Муся. — Ну да, я говорю исключительно только правду и притворяться не желаю. Мы—не дѣти. И танго многія изъ насъ въ дортуарѣ по вечерамъ танцуютъ, и открытки съ Жильбертой, популярнѣйшей его исполнительницей, не стыдятся имѣть у себя. Вѣдь это—красота, а красота и мелкій стыдъ несовмѣстимы.

„— Я люблю васъ, Зина, и такъ готовъ былъ бы кружиться съ вами всю жизнь,—бросаетъ своей дамѣ на-ушко Толя“. (Ст. 2.)

— Браво! Дальше, дѣтка, дальше!

— Муся! Муся! Перестань! Что ты?— съ искреннимъ ужасомъ срывается съ тонкихъ губъ старшей сестры, Вѣры, отъ прямой, худощавой фигуры которой, отъ строгихъ чертъ и темныхъ, безъ блеска, спокойныхъ глазъ, какъ и отъ всего ея смуглаго лица, вѣетъ чѣмъ-то суровымъ, какъ отъ древней византійскаго письма иконы.

— Полно, Вѣрочка, ничего нѣтъ дурного въ томъ, что я говорю!—еще веселѣе и задорнѣе подхватываетъ Муся.—Не хочу притворяться наивной дѣточкой, не хочу лицемѣрить и ханжить, не замѣчать величія красоты тамъ, гдѣ это не принято. И врать не хочу тоже. Ну да, мнѣ нравятся раздражающая, капризная музыка танго—мотивъ его, нѣжащій и какъ будто убаюкивающе-усталый, и ритмъ его, и движенія, какъ нравится всякое другое смѣлое начинаніе, какъ нравятся рыжіе, обезцвѣченные нашатыремъ и перекисью, волосы Зины и...

— Муся! Муся!—и ужасъ вселяется въ невыразительные до этого, молчаливые глаза Вѣры.

— Ничего. Оставь ее, кузиночка!.. Продолжай, Муська! Это прелесть что за дѣвченка, право!—не совсѣмъ искренне и шумно восторгается вдовушка, у которой при упоминаніи о нашатырѣ и перекиси водорода горячій румянецъ выступаетъ на слегка тронутомъ косметиками прелестномъ лицѣ.

— Ахъ, нѣтъ, не буду говорить больше, не хочу! Пожалуй съ Вѣрой ударъ еще сдѣлается. Вѣдь все, что я говорю сейчасъ, не принято, неприлично въ обществѣ, и за это маленькихъ дѣтей сѣкутъ розгами и ставятъ въ уголъ!—и пухлыя губы Муси надуваются, и все лицо становится капризнымъ и совсѣмъ ребяческимъ въ эту минуту.

„Любимецъ публики“ признаетъ этотъ моментъ очень удобнымъ, чтобы подойти къ ней.

„— Мы—не дѣти и отлично понимаемъ, какъ вы проводите свободное время въ столицѣ,—звенитъ голосокъ Муси“.
(Ст. 5.)

— Вы прелестны,—говоритъ онъ неестественнымъ тономъ, наклоняясь къ поэтично растрепанной темно-русой головкѣ,—и дорого бы я далъ—честное слово!—чтобы этотъ маленькій ротикъ, врагъ условностей, трафарета и пережитковъ гнилой традиціонности, сказалъ мнѣ что нибудь такое пріятное, отъ чего... кровь въ моихъ жилахъ забурлила бы, какъ огненная лава.

Его лицо, гладко выбритое, рыхлое лицо старѣющаго актера, съ плотоядной улыбкой и выпуклыми глазами дышитъ на Мусю запахомъ дорогой сигары и цвѣточнымъ одеколономъ, которымъ онъ ежедневно обтираетъ себѣ щеки послѣ бритья. Сладкій и пряный ароматъ какихъ-то исключительно дурманныхъ и крѣпкихъ духовъ исходитъ

цѣлой струей отъ его безупречно сшитаго свѣтлаго костюма и ударяетъ въ голову.

Муся чувствуетъ инстинктивное отвращеніе къ „любимцу публики“—или, вѣрнѣе, къ артисту частныхъ петербургскихъ театровъ, Думцеву-Сокольскому, привезенному братомъ Толей изъ столицы для постановки ихъ любительскаго спектакля.

Думцевъ-Сокольскій чувствуетъ себя здѣсь, въ этомъ чудесномъ уголкѣ Западнаго края, въ старинной усадьбѣ Бончъ-Старнаковскихъ, какъ въ раю. Полный отдыхъ на лонѣ живописной природы, отличная кухня, обиліе интересныхъ женщинъ, какъ вино, дурманятъ мозгъ актера. Очаровательная вдовушка, племянница хозяина, дѣйствуетъ на него, какъ бокалъ шампанскаго, своей эксцентричностью, обаяніемъ красивой, свободной женщины и „шикомъ“. Вторая дочь помѣщиковъ, Вѣра, величавая, строгая, замкнутая, со смуглымъ иконописнымъ лицомъ и суровыми глазами, возбуждаетъ его восторгъ и поклоненіе уже иного свойства, какъ цѣнителя всего сильнаго, какимъ воображаетъ себя Виталій Петровичъ Думцевъ-Сокольскій, не безъ основанія прозванный „любимцемъ публики“ шалуньей Мусей за его полные самохвальства разсказы о бывалыхъ и небывалыхъ театральныхъ успѣхахъ.

Нынче онъ, какъ и всѣ находящіеся здѣсь въ залѣ мужчины, по-уши влюбленъ въ шикарную вдовушку, только что такъ умѣло продемонстрировавшую предъ ними модный танго. Но за вдовушкой ухаживать опасно. Ее безумно и безнадежно любитъ молодой хозяинъ дома, товарищескимъ отношеніемъ съ которымъ, хотя бы случайнымъ, завязавшимся за бутылкой шампанскаго, онъ, Думцевъ-Сокольскій, очень дорожитъ. Все-таки Анатолій Бончъ-Старнаковскій, продолжатель древняго аристократическаго, когда-то польскаго, теперь вполнѣ обрусѣвшаго, рода—богатый, блестящій офицеръ одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ полковъ Россіи, и выступать его конкуррентомъ на поприщѣ достиженія благосклонности очаровательной Ланской и не умно, и опасно. Да и незачѣмъ это, когда подъ рукою находится такая прелесть, какъ Муся! Она будитъ его, Думцева-Сокольскаго, уже притупленное воображеніе, затрагиваетъ пріумолкшіе голоса чувственности и пріятно волнуетъ его затрепанную въ безчисленныхъ закулисныхъ и свѣтскихъ интригахъ натуру.

— Прелесть моя! Дѣтка!—шепчетъ онъ, еще ближе наклоняясь къ поэтичной, съ короткими, какъ у мальчика, кудрями головкѣ.—Прелесть моя, почему вы не желаете провести на практикѣ то, о чемъ такъ смѣло проповѣдуете? А? — нисколько не смущаясь присутствіемъ неотлучной мусиной

„— Вы прелестны!—говоритъ „любимецъ публики“, наклоняясь къ темно-русой головкѣ“. (Ст. 10.)

подруги, тихой, безцвѣтной Варюши, и уставясь своими бычьими глазами въ миніатюрное, неправильное личико, цѣдитъ сквозь зубы Думцевъ - Сокольскій.—А, дѣтка?

Дѣвочка поднимаетъ на него каріе искрящіеся глазки, и сейчасъ они мечутъ пламя.

— Во-первыхъ, не смѣйте называть меня дѣткой! Вамъ уже сто разъ говорилось это,—сердито роняетъ Муся.—А, во-вторыхъ, отодвиньтесь. Терпѣть не могу, когда мнѣ дышутъ въ лицо табакомъ.

Она, демонстративно выскользнувъ изъ-подъ руки опѣшившаго Сокольскаго, отбѣгаетъ въ дальній конецъ сцены, увлекая за собою и свою молчаливую подругу. Отсюда дѣвочки соскакиваютъ на полъ и прячутся въ глубокой нишѣ окна, за шелковой занавѣской. Оно раскрыто настежь, и вѣтерокъ слабо колышитъ занавѣску. Невидимыя никому изъ присутствующихъ въ залѣ подруги могутъ здѣсь перемолвиться словомъ.

— Терпѣть его не могу. Противно мнѣ это ухаживаніе,—все еще сердито говоритъ Муся.—Когда онъ руку цѣлуетъ, чувствуешь, точно жаба тебя коснулась, а вотъ когда Луговской—ничего, ни чуточки не гадко. А вѣдь онъ и некрасивый, и неинтересный, только что играетъ на роялѣ хорошо. Вотъ поди-жъ ты! Почему это, Варюша?—и пытливые каріе глазки такъ и пронзаютъ взглядомъ лицо подруги.

— Не знаю, Мусикъ, право, не знаю. Вѣроятно потому, что съ Луговскимъ ты давно знакома—вѣдь онъ бываетъ у васъ въ домѣ еще со времени своего пребыванія въ корпусѣ, а Думцевъ всѣмъ вамъ чужой,—тихо отвѣчаетъ блѣдная дѣвушка.

— Ахъ, не то, не то!—пылко перебиваетъ ее Муся.—Пойми, я люблю, чтобы за мной ухаживали, люблю видѣть себя окруженной мужчинами, люблю будить въ нихъ того, знаешь, злого звѣрька съ острыми зубами, который называется мужской страстью, и въ ихъ увлеченіи мною находить успокоеніе отъ моей постоянной болѣзни. Да, да, именно болѣзни, Варюша. Или ты не знаешь, что я ранена на-смерть, что о немъ только, о далекомъ и миломъ, моя мечта? Его я буду любить вѣчно. Цѣлыя пять лѣтъ люблю его, съ одиннадцатилѣтняго возраста. Смѣшно сказать даже, а это—святая правда. Еще дѣвченкой я адски втюрилась въ него съ перваго взгляда и съ тѣхъ поръ мечтаю о немъ. Ты знаешь, пройдутъ еще два-три года—и я стану шипѣть, какъ старая дѣва, или ханжить, какъ Вѣрочка. Этого нельзя, того нельзя; это неприлично, то не принято. И все оттого, что онъ не для меня, что онъ—не мой. Я и теперь часто бываю зла, какъ кошка. Зина вѣдь хорошенькая? правда? и адски шикарна, правда? Но вотъ послушай, Варюша, совѣсть ты мол. Вѣдь ты—моя совѣсть, Варечка: только тебѣ одной я всю свою душу выливаю. Да, такъ вотъ нынче я нарочно про обезцвѣченные волосы Зины брякнула... Не вѣришь? Ей-Богу! Думала, если онъ меня не любитъ — мечта моя, сказка моя, греза моя далекая — такъ пускай же и всѣхъ другихъ меньше любятъ всѣ ихъ поклонники—и Китти, и Зину, и всѣхъ... Съ Зины я и начала. Собственно говоря, что въ ней хорошаго? Носъ туфлей, крашеная, рыжая, ротъ до ушей, однако все вмѣстѣ адски шикарно и тонко, и пикантно, и...

Муся хмурится, сжимаетъ крошечные кулачки, и скорбный огонекъ появляется въ ея глазахъ.

— Медамъ и мсье, прошу на сцену. Пора начинать второй актъ. Такъ мы никогда не дотащимся до конца

пьесы,—разносится по залу красивый, немного носовой голосъ „Любимца публики“, привыкшій къ тому, чтобы всѣ имъ восхищались.

Но его на этотъ разъ никто не слушаетъ. Вдовушка стоитъ предъ кресломъ Вѣры и, блестя зеленоватыми глазками и сверкая бѣлыми хищными зубками, говоритъ, обращаясь къ послѣдней, не то искренне, не то шутя:

— Боже мой, Вѣрочка, вотъ ты опять недовольна мною. Ну, да, да, я знаю... Ты — сама корректность, воплощенная добродѣтель и понятно опять осуждаешь безумную Зину за то, что она, насмотрѣвшись на всякихъ Бланшъ, Жильбертокъ и Маргошекъ, рискнула перенести ихъ искусство сюда, подъ сѣнь стариннаго аристократическаго дома, и продемонстрировать здѣсь отчаянное танго, которому мѣсто только въ злачныхъ, укромныхъ столичныхъ уголкахъ. Непростительное легкомысліе, не правда ли, Вѣрочка?

— Ну, знаете, кузиночка, я думаю, что тѣни предковъ, витающія подъ этой кровлей, весьма и весьма не прочь полюбоваться на такую шикарную исполнительницу-диллетантку, и прабабушки — я увѣренъ въ этомъ — уже дѣлаютъ сцену ревности прадѣдамъ за ихъ черезчуръ пылкое увлеченіе вами нынче,—смѣется Толя.

— Вы противный и потому молчите. Я говорю съ Вѣрочкой, а не съ вами. Слышите, Анатоль, молчать!—пухлою ручкой шутливо ударяетъ офицера по плечу вдовушка.

— Я умеръ,—паясничаетъ Толя.

— Ну, Вѣрочка, правду я говорю?— и ласково, по-кошачьи Зина жмется къ своей строгой кузинѣ.

Та взглядываетъ на нее темными, безъ блеска глазами.

— Пустяки, Зина!.. ты же знаешь.

„— Вѣдь ты — моя совѣсть, Варечка: только тебѣ одной я всю свою душу выливаю“. (Ст. 12.)

Я не люблю только, когда ты выкидываешь свои эксцентричныя шутки при дѣвочкахъ. Муся и такъ преждевременно развита. Мама и Китти уѣзжая оставили ее на моемъ попеченіи.

— И останутся конечно вполнѣ довольны результатами такого покровительства,—снова вмѣшивается въ ихъ бесѣду Анатолій.—У нашей Вѣры съ пеленокъ развиты педагогическія способности. Она была бы незамѣнимой воспитательницей въ какомъ нибудь couvent *) за границей. Вторая се-

*) Закрытое женское учебное заведеніе при католическихъ женскихъ монастыряхъ, куда обычно, до закона о закрытіи монастырей, французская аристократія отдавала на воспитаніе своихъ дочерей.

„— Я здѣсь... аккуратенъ, какъ видите,—говоритъ Рудольфъ Штейнбергъ“
(Ст. 16.)

стрица у меня—образецъ строжайшей дисциплины и соблюденія нравовъ.

— А ты все шутишь, Анатолій!— и Вѣра смотритъ на брата своими строгими глазами, но они уже полны выраженія нескрываемой нѣжности.

Мгновенно хорошѣетъ ея холодное, замкнутое лицо и молодѣетъ сразу подъ наплывомъ теплаго чувства.

Всѣ онѣ три — она, Муся и отсутствующая старшая сестра Китти—горячо привязаны къ своему единственному брату, весельчаку, кутилѣ и милому вѣтренику Толѣ. Красавица Китти прозвала брата „Фру-фру“, и это прозвище какъ нельзя больше подходитъ къ юношѣ. Веселый, всегда ровный, общительный, рубаха-парень, что называется, и доброты необычайной, Анатолій Владиміровичъ Бончъ-Старнаковскій слыветъ не только любимцемъ своей семьи, но и своего полка, и того кружка, въ которомъ онъ вращается. Но больше, чѣмъ кто либо другой, его любятъ мать, отецъ и сестры. И, глядя на брата и отвѣчая ему, даже холодная Вѣра находитъ въ себѣ тѣ изумительно не подходящія къ ея типу теплоту и нѣжность, которыя сейчасъ бросаютъ краски въ ея смуглыя щеки и зажигаютъ лаской ея строгіе, молчаливые глаза.

— Господа! Еще разъ призываю васъ всѣхъ къ порядку,—надрывается „любимецъ публики“.—Я начинаю репетицію и прошу васъ молчать,—и онъ отчаянно звонитъ въ колокольчикъ.

— А гдѣ же остальные исполнители? Гдѣ Маргарита Федоровна? Гдѣ „Попугайчики“? Гдѣ Рудольфъ?—пулей вылетая изъ-за шелковой занавѣски, кричитъ Муся.

— Они подойдутъ къ своей сценѣ. „Попугайчики“ дали слово быть непремѣнно.

— А Рудольфъ?

— Я здѣсь.

Всѣ взоры обращаются къ двери.

На порогѣ зала стоитъ высокая, плечистая, съ военной выправкой, фигура молодого человѣка. На немъ прекрасно сшитый штатскій костюмъ, подчеркивающій эту безукоризненную фигуру. Крупная, тщательно причесанная на проборъ бѣлокурая голова, подстриженные рыжевато-бѣлокурые усы холодные, немного выпуклые, цвѣта стали, глаза, смотрящіе какъ-то ужъ слишкомъ прямо и напряженно, и яркій малиновый ротъ съ большими бѣлыми зубами, обнаженными сейчасъ въ улыбкѣ.

— Я здѣсь... аккуратенъ, какъ видите, — говоритъ вновь прибывшій, какъ-то странно, точно не по-русски,

„— Рудольфъ, берегись! Еще одно слово кузины въ твою пользу — и готовь маузеры,—и Анатолій дѣлаетъ трагическое лицо!“ (См. ниже.)

выговаривая слова и все еще улыбаясь однѣми губами, тогда какъ глаза продолжаютъ оставаться серьезными.

— Ага! Мсье Штейнбергъ! Отлично! Прыгайте сюда къ намъ, и начинаемъ репетицію. Живо!—командуетъ „любимецъ публики“, издали театральнымъ жестомъ привѣтствуя вновь пришедшаго.

Рудольфъ Карлъ Августъ фонъ Штейнбергъ—сынъ Августа Карловича Штейнберга, стараго управляющаго Отрадными, имѣніемъ Бончъ - Старнаковскихъ,—красивой и легкой походкой переходитъ залъ и, такъ же легко и красиво, минуя лѣсенку, ведущую на подмостки, поднимается туда, ухватившись руками за доски пола и напрягая и безъ того сильные мускулы.

— Адски ловко! Браво, Рудольфъ, браво!—кричитъ въ восторгѣ Муся и хлопаетъ въ ладоши.

— Что и говорить!.. скульптура!—улыбается Толя.

— Мсье Рудольфъ, сколько пудовъ вы выжимаете одной рукой?—кокетливо стрѣльнувъ въ его сторону чуть подтушеванными глазками, освѣдомляется Зина.

— Рудольфъ, берегись! Еще одно слово кузины въ твою пользу—и готовь маузеры. Двадцать шаговъ разстоянія, завтра, на восходѣ солнца, за садомъ. Луговской — мой секундантъ; твой—„любимецъ публики“, — и Анатолій дѣлаетъ трагическое лицо.

— Ай, какъ страшно! Молчите, молчите! Я не выношу крови!—хохочетъ Зина.

За нею смѣются остальные. Ужъ очень забавенъ Анатолій со своими вращающимися во всѣ стороны глазами и рыкающимъ голосомъ.

Одна Вѣра остается серьезной. Съ минуты появленія Рудольфа Штейнберга здѣсь, на порогѣ бѣлаго зала,

что-то странное происходитъ съ дѣвушкой. Ея черные глаза ярко загораются, тонкое лицо вспыхиваетъ темнымъ румянцемъ смуглянки, и Вѣра Бончъ-Старнаковская въ этотъ мигъ становится настоящей красавицей.

II.

Вотъ уже вторую недѣлю репетируется здѣсь, въ большомъ бѣломъ залѣ Отраднаго, исполнителями - дилетантами чудесная, полная скрытаго трагизма и внѣшне обвѣянная голубыми крыльями поэзіи, популярнѣйшая пьеса Чехова „Вишневый садъ“. Предстоящій спектакль является подаркомъ младшихъ членовъ семьи ея старшему представителю и главѣ, Владиміру Павловичу Бончъ - Старнаковскому, очень крупному чиновнику дипломатическаго міра и помѣщику, владѣльцу одного изъ прекраснѣйшихъ имѣній Западнаго края, расположеннаго неподалеку отъ прусской границы.

Семья Бончъ-Старнаковскихъ, благодаря службѣ и положенію самого Владиміра Павловича, принуждена вести открытую жизнь въ Петербургѣ. Домъ тайнаго совѣтника Бончъ-Старнаковскаго поставленъ на широкую ногу. Высшіе петербургскіе кружки общества считаютъ необходимостью бывать у Старнаковскихъ на ихъ четвергахъ. Ихъ ложу знаютъ всѣ посѣтители перваго абонемента Императорской оперы. На concours hyppiques *) отличаются въ обществѣ брата и его товарищей по оружію обѣ старшія барышни: и красавица Китти, и вторая смуглая, похожая на монахиню, Вѣра. Младшая, Муся, еще учится въ одномъ изъ фешенебельныхъ институтовъ столицы. Всюду, на всѣхъ аристократическихъ балахъ появляются старшія барышни Бончъ-Старнаковскія; ихъ знаетъ весь высшій свѣтъ Петербурга.

Семья Бончъ - Старнаковскихъ является послѣдней представительницей стариннаго польскаго аристократическаго, теперь давно уже обрусѣвшаго, рода. Когда-то предки Бончъ-Старнаковскихъ гремѣли на весь Западный край и во времена свободной Польши являлись маленькими царьками-магнатами.

Увы! отъ всего прежняго магнатства предковъ потомкамъ остались теперь лишь одно славное имя да большое имѣніе въ сердцѣ Польши.

Это имѣніе, сданное на полное попеченіе честнѣйшаго въ мірѣ нѣмца, Августа Карловича Штейнберга, ежегодно и очень охотно въ лѣтнее время посѣщалось, несмотря на далекое разстояніе отъ столицы, его владѣльцами.

Самъ Владиміръ Павловичъ Бончъ-Старнаковскій пріѣзжалъ сюда погостить на какія нибудь двѣ-три недѣли, чтобы отдохнуть на лонѣ деревенской природы; но это случалось тогда, когда ему не представлялась хотя бы малѣйшая возможность ѣхать за границу, гдѣ онъ отъ времени до времени лечилъ разшатанную нервную систему. Его супруга, Марья Дмитріевна („генеральша“, въ устахъ прислуги, постольку, поскольку и самъ онъ, тайный совѣтникъ, являлся для нихъ „генераломъ“), ежегодно лечила въ Карлсбадѣ свои больныя почки. Мужъ обыкновенно провожалъ ее туда и ѣхалъ дальше. Но въ это лѣто совмѣстная поѣздка не удалась; дѣла удержали „генерала“ въ Петербургѣ, и Марья Дмитріевна принуждена была ѣхать въ Карлсбадъ со старшей дочерью, красавицей Китти, и ея же-

*) Состязанія въ верховой ѣздѣ, устраиваемыя обычно въ Великомъ посту въ Михайловскомъ манежѣ, въ Петроградѣ.

„Роль Шарлотты Ивановны репетировала Маргарита Федоровна, старая дѣва, ненавистница мужчинъ". (Ст. 24.)

нихомъ, Борисомъ Мансуровымъ, молодымъ, но уже подающимъ надежды, чиновникомъ.

Несмотря на отсутствіе трехъ членовъ семьи, въ Отрадномъ было исключительно весело въ это лѣто. Главѣ семейства удалось нынче вырваться на нѣсколько дней изъ душной столицы въ старое родовое гнѣздо. Удалось и его сыну Анатолію урваться на короткое время изъ лагеря со своимъ другомъ, Никсомъ Луговскимъ, и прилетѣть въ милое Отрадное, гдѣ съ самаго начала лѣта жили его сестры, Вѣра и Муся, гостили очаровательная вдовушка, ихъ кузина Ланская, и подруга Муси, Варя Карташова. Старый прадѣдовскій палаццо дрожалъ отъ взрывовъ молодого, часто безпричиннаго смѣха, отъ громкихъ, радостныхъ голосовъ, звуковъ музыки и хорового пѣнія.

Весь этотъ домъ со своимъ двухсвѣтнымъ, перерѣзаннымъ большими колоннами, заломъ, со своими хорами и старинными диванами, эффектно дисгармонировалъ съ молодымъ, рѣзвымъ и веселымъ обществомъ, собравшимся въ немъ. А оно чувствовало себя прекрасно и въ бѣломъ залѣ съ колоннами, и въ портретной галлереѣ, и въ билліардной, словомъ, во всемъ этомъ прадѣдовскомъ гнѣздѣ, гдѣ, казалось, въ темныя загадочныя ночи еще витали тѣни умершихъ предковъ. Въ густыхъ, тѣнистыхъ аллеяхъ сада съ его безчисленными затѣями, съ его классическими статуями, гротами и воздушными кружевными бесѣдками, повисшими надъ старымъ прудомъ,—въ этомъ густомъ, тѣнистомъ саду все еще дышало таинственной прелестью старой родовой саги. Она разсказывала о миломъ быломъ, ткала чудесные узоры вымысла, переплетенные съ былью, о гордыхъ паннахъ и паненкахъ со жгучими очами и о блестящихъ рыцаряхъ Свободной Польши, носившихся въ лихой мазуркѣ и удаломъ краковякѣ и умѣвшихъ не одними только боевыми подвигами завоевать себѣ благосклонность кокетливыхъ красавицъ.

Увы! времена прекрасныхъ рыцарей и гордыхъ паненокъ давно миновали, и наглядным воспоминанiемъ о минувшемъ являлись только старые портреты въ полуоблупившихся золоченыхъ рамахъ на стѣнахъ современной портретной галлереи.

Впрочемъ и все Отрадное уже не представляло собою прежняго маленькаго царства польскихъ магнатовъ, вельможъ стараго времени. Оно значительно сократилось въ своихъ размѣрахъ. не имѣло тысячъ даровыхъ

работниковъ, руки которыхъ являлись безконечнымъ источникомъ золота для безпечныхъ пановъ-хозяевъ. Однако оно все же было очень доходно. Нѣмецъ-управляющій сумѣлъ на свой ладъ культивировать обрусѣвшее помѣстье, и—надо отдать ему полную справедливость—ввелъ здѣсь образцовый порядокъ. Въ сравнительно недолгій срокъ подъ его ловкими руками возродилось запущенное было помѣстье. Теплицы и оранжереи наполнились плодами, овощами, цвѣтами; изъ-за границы были выписаны рѣдкія породы розъ, любимыхъ цвѣтовъ „генеральши“; сильныя, сытыя рабочія лошади и породистые граціозные кони подъ-верхъ и запряжку красовались въ тщательно отремонтированныхъ конюшняхъ; рогатый скотъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Не менѣе успѣшно шли и огородничество, плодоводство, и—главное—полевое хозяйство. Пять тысячъ десятинъ, оставшихся потомкамъ былыхъ магнатовъ, давали довольно крупную цифру дохода нынѣшнимъ владѣльцамъ. Словомъ, Отрадное вполнѣ оправдывало свое назначеніе, и притомившіеся въ зимній сезонъ Бонтъ-Старнаковскіе могли съ успѣхомъ отдохнуть въ лѣтніе мѣсяцы на лонѣ природы.

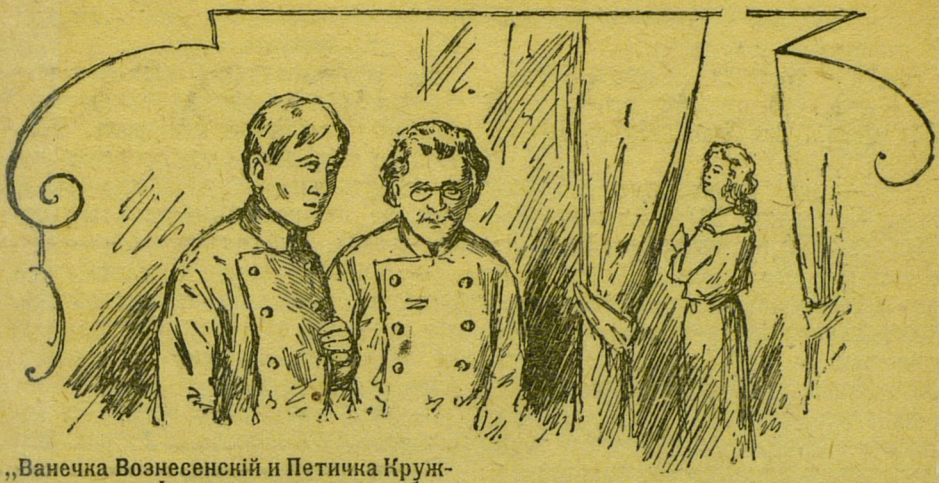
III.

Ночь, душистая, трепетная, ароматная. Кажется, будто темная, душистая влага, пролитая изъ незримаго фіала-колосса, опрокинувшагося надъ землей, такъ и застыла въ воздухѣ, полномъ таинственныхъ, непроницаемыхъ, опьяняющихъ чаръ, нѣжащей, знойной мглы, заставляющей мечтать о серебряной сказкѣ мѣсяца, о золотыхъ огняхъ высокаго неба—гордыхъ и ласковыхъ звѣздахъ.

Но сегодня черная бархатная мгла ревнива. Она грозно стережетъ непроницаемость своего мягкаго покрывала—ни мѣсяца, ни звѣздъ, ни серебряной, ни золотой сказки.

Нашумѣвшись, накричавшись и наспоривъшись вдоволь, молодежь разошлась послѣ ужина по своимъ комнатамъ. Чернота ночи и знойная духота ея помѣшали прогулкѣ. Назавтра рѣшено было подняться пораньше, чтобы репетировать, репетировать и репетировать безъ конца. Спектакль, приноровленный ко дню рожденія главы семейства, былъ не за горами. Послѣ него должна была разъѣхаться вся мужская половина общества: самъ старый хозяинъ дома, Коля, Никсъ Луговой и „любимецъ публики“.

Послѣдній весь отдался сейчасъ постановкѣ спектакля. Онъ мастерски распредѣлилъ роли: самъ взялъ себѣ благодарную, трудную и красивую роль старѣющаго кутилы-барина, разорившагося помѣщика Геева, ту, которую такъ неподражаемо велъ на образцовой сценѣ покойный Далматовъ; его сестру, кокетливую, обаятельную, чуждую предразсудковъ, легкомысленную барыньку, играла Зина Ланская; ея дочь, прелестнаго, поэтичнаго ребенка Аню,—Муся; Варя должна была изображать горничную Дуняшу, типичную вскормленницу господъ. Роль Вари, старой и спокойной пріемной дочери Раевской, поручили Вѣрѣ, великолѣпно подходившей къ ея типу, роль же гувернантки Ани—Шарлотты Ивановны—репетировала экономка Маргарита Федоровна, старая дѣва, ненавистница мужчинъ, крикливое и несноснѣйшее въ мірѣ существо. Безнодобенъ былъ уже и теперь, на репетиціяхъ, лакей Яша въ исполненіи Толи; Трофимова игралъ сынъ священника Вознесенскій, студентъ духовной академіи, а Лопахина—жесткаго, молодого, но „изъ раннихъ“, купца-кулака, скупившаго Вишневый садъ у



„Ванечка Вознесенскій и Петичка Кружка ужасно стѣснялись, держались безотлучно одинъ подлѣ другого и оба въ одинаковой мѣрѣ и силѣ влюбились въ Мусю. Она называла ихъ „Попугайчики“". (См. ниже.)

бывшихъ господъ своего отца-крѣпостного,—Рудольфъ Штейнбергъ. Комическую роль управляющаго взялъ на себя Никсъ Луговской; роль лакея Фирса поручили другому студенту, товарищу Ванички Вознесенскаго, Петру Петровичу, носившему крайне комическую фамилію Кружка. Оба юноши, за неимѣніемъ другихъ исполнителей приглашенные въ аристократическій кружокъ богатыхъ помѣщиковъ, чувствовали себя здѣсь не въ своей тарелкѣ, ужасно стѣснялись, краснѣли, потѣли, держались безотлучно одинъ подлѣ другого и оба съ самаго начала репетицій въ одинаковой мѣрѣ и силѣ влюбились въ Мусю. Она отъ души смѣялась надъ ними и за глаза постоянно называла ихъ „Попугайчиками“.

Весь старый палаццо погруженъ въ глубокій сонъ, и только въ одномъ окнѣ его виденъ привѣтливый огонекъ свѣчи. Вѣра Бончъ - Старнаковская еще не ложилась; она сидитъ предъ зеркаломъ и, машинально глядя въ его шлифованное стекло, заплетаетъ въ толстую косу на ночь свои пышные, длинные, черные, какъ притаившаяся за окномъ ночь, волосы. Эти волосы — единственное богатство внѣшности Вѣры; они примиряютъ ихъ обладательницу съ остальными недочетами ея: съ безжизненнымъ, никогда не отличающимся свѣжестью, старообразнымъ лицомъ, съ сухою, костлявою, слишкомъ прямою фигурой, съ мрачными, суровыми глазами и строго сжатыми губами.

Вѣра доплетаетъ косу, но ея чуткое ухо ловитъ малѣйшій звукъ въ саду.

Даже глаза какъ будто прислушиваются; они темные, обычно спокойные—теперь какъ-то тревожны, напряжены.

„Неужели не придетъ? Неужели что нибудь помѣшаетъ? Неужели, какъ и въ прошлую ночь, помѣшаетъ опять?“— проносится въ ея головѣ, и нервно, сильно, до боли сильно бьется въ груди мятежное сердце.

Все обычное спокойствіе измѣняетъ дѣвушкѣ; она то и дѣло отводитъ гла-

за отъ зеркала и бросаетъ взглядъ въ бархатную мглу ночи.

Что это? Кажется, огонекъ? Ну, да, это — онъ, его огонекъ, его сигара. Или нѣтъ... она ошиблась снова—не онъ...

„Ты — сама воплощенная добродѣтель!“—слышится Вѣрѣ откуда-то издали звонкій голосъ Зины Ланской, и она багрово краснѣетъ. Это она-то—добродѣтель, Вѣра Бончъ-Старнаковская, какъ преступница, выжидающая каждую ночь поздняго ночного часа, чтобы урывкомъ, мелькомъ перекинуться словомъ съ тѣмъ, кого она любитъ пламенно и бурно, со всею страстностью и силой своего рода, въ жилы котораго влита лава, а не кровь? Недаромъ она худѣетъ, недаромъ темные круги замыкаютъ кольцами ея суровые глаза. Которую уже ночь она не спитъ, ожидая, когда все утихнетъ и успокоится въ домѣ, а тамъ безконечныя бесѣды съ любимымъ вплоть до разсвѣта, до первыхъ предразсвѣтныхъ сумерекъ утра.

О, какая мука и какое блаженство—эти ихъ ночи, о которыхъ никто и никогда не узнаетъ, не долженъ знать! Это—ихъ тайна, ихъ счастье. Она, Вѣра, не крадетъ этого счастья ни у кого. Она свободна. Неужели она не имѣетъ права хотя бы на крупицу такого счастья, какимъ пользуется ея сестра Китти, уже ставшая невѣстой любимаго человѣка? Или оттого только не имѣетъ, что она некрасива? Вздоръ какой! При чемъ тутъ красота? Онъ любитъ ее такою, какая она есть, а она, она..

Вѣра, едва не задохнувшись, спѣшитъ къ окну, смотритъ съ минуту и чуть не вскрикиваетъ отъ радости: огонекъ свѣтится теперь совсѣмъ близко отъ ея окна.

— Вы?—шепчетъ она такъ звонко, что этотъ шепотъ достигаетъ до ушей того, кто, окутанный мглою, притаился подъ ея окошкомъ.

На мгновеніе ярче вспыхиваетъ огонекъ и, описавъ искрящійся вольтъ, совсѣмъ исчезаетъ изъ вида. Изъ темноты ночи на площадку предъ домомъ, чуть освѣщенную огнемъ свѣчи, горящей въ комнатѣ Вѣры, выступаетъ рослая, сильная фигура.

— Вы?—еще разъ почему-то спрашиваетъ Вѣра, хотя отлично видитъ, что это—онъ, тотъ, къ кому стремится ея сердце, кого зоветъ неустаннымъ зовомъ душа.

— Фрейлейнъ Вѣра, какъ вы неосторожны! Эта свѣча... Могутъ увидѣть, и тогда... — чуть слышно звучитъ заглушенный мужской голосъ.

— О, я ничего не боюсь! Я васъ люблю, вы же видите. Я люблю васъ безумно, Рудольфъ, и пойду для васъ на все,—со страстью и силой вырывается изъ груди дѣвушки.

— Дорогая фрейлейнъ Вѣра!—странно закругляя своей особенной манерой фразы, отвѣчаетъ Штейнбергъ,— вы же знаете, что я самъ люблю васъ больше жизни. Вы же знаете это. Я каждое мгновеніе готовъ пожертвовать собою для васъ, ради вашего спокойствія и счастья, охотно дамъ выпустить каплю за каплей всю кровь изъ моихъ венъ, милая дѣвушка. Но пока, вы же знаете, я долженъ молчать о своей любви. Кто вы и кто я—подумайте сами, фрейлейнъ Вѣра! Вы—Бончъ-Старнаковская, красавица, богачка, представительница старинаго рода, я же — маленькій офицеръ прусскаго гарнизона, ничтожный, маленькій армейскій офицеръ, живущій на пару жалкихъ сотенъ марокъ въ мѣсяцъ. Что я могу предложить вамъ взамѣнъ того, что вы потеряете, ставъ моей женой? Да и господинъ совѣтникъ не позволитъ вамъ этого. Онъ не допуститъ такой ничтожной партіи

для своей дочери. Сынъ его управляющаго, почти слуги, и вы, фрейлейнъ Вѣра!

— О, молчите, молчите, Рудольфъ! Вы рвете мнѣ сердце... я не могу слышать это. Папа — не звѣрь. Онъ всѣхъ насъ горячо любитъ, и наше счастье для него дороже всего.

— Mein süsses Kind *)!.. моя безцѣнная фрейлейнъ Вѣра! Вы—ангелъ мой, отрада и счастье всей моей жизни, и, когда вы такъ говорите, всѣ мои страхи и колебанія испаряются, исчезаютъ, и я, видя вашу любовь, готовъ идти на все. Да, ждать дольше трудно. Я выберу удачный моментъ и буду просить вашей руки, моя безцѣнная, моя золотая красавица. Въ то же время я буду добиваться карьеры. Я кончилъ курсъ академіи и теперь уже служу въ штабѣ, а тамъ открытый путь дальше. Вы же, моя добрая волшебница, надѣюсь, поддержите меня, вы...

— Я люблю васъ, Рудольфъ, люблю безумно,—шепчетъ въ экстазѣ дѣвушка.

Свѣча давно погашена предупредительной рукой Вѣры. Теперь она полулежитъ на подоконникѣ, и голова ея съ полураспущенной косой покоится на плечѣ Рудольфа. Его высокій ростъ даетъ ему возможность, стоя въ саду по ту сторону окна, держать ее такъ въ своихъ объятьяхъ. Онъ не видитъ ея лица въ темнотѣ ночи, но ощущаетъ горячій огонь ея щекъ; онѣ пышутъ жаромъ, и ея сердце подъ его рукой сильно-сильно бьется. Онъ осторожно прижимаетъ къ своей груди тонкій, худощавый станъ дѣвушки и, склонившись близко-близко къ ея лицу, скорѣе угадываемому, нежели видимому въ совершенномъ мракѣ, спрашиваетъ заискивающимъ голосомъ:

*) Мое милое дитя.

„„Неужели не придетъ? Неужели что нибудь помѣшаетъ?“ — проносится въ головѣ Вѣры“. (Ст. 26.)

— Фрейлейнъ Вѣра, безконечно любимая и дорогая фрейлейнъ Вѣра, хорошо ли вамъ? Счастливы ли вы такъ со мной?

Вся кровь бросается дѣвушкѣ въ лицо отъ этого шепота, отъ знакомаго запаха сигары, которымъ пропитано дыханіе любимаго человѣка.

Вѣра вся вздрагиваетъ. Внезапно безсвязная, почти досадная мысль огненнымъ вихремъ и болью пронизываетъ ея мозгъ:

„Зачѣмъ онъ такъ робокъ, такъ приниженно почтителенъ со мною, онъ, мой король, руки котораго я готова цѣловать! Ахъ, если бы я была не Вѣрой Бончъ-Старнаковской, а какой нибудь маленькой Амальхенъ или Кларой, которую онъ не побоялся бы ласкать и цѣловать!“

Тѣло Вѣры безсознательно тянется къ ласкѣ Рудольфа; ея губы горятъ, томясь по его поцѣлуямъ, и, не владѣя собой, вся зажженная его раздражающей близостью, она шепчетъ:

— Цѣлуй меня, Рудольфъ!.. Цѣлуй же меня!

Но онъ не смѣетъ и теперь коснуться ея лица губами. Онъ только нѣжно и почтительно подноситъ къ нимъ ея руку, и горячіе, пламенные, но все-таки почтительно робкіе поцѣлуи покрываютъ тонкіе, дрожащіе пальцы Вѣры.

IV.

Съ высоко поднятой головой, съ горделивымъ сознаніемъ одержанной побѣды возвращается черными, непроницаемыми подъ бархатной мглой ночи аллеями Рудольфъ фонъ Штейнбергъ. Ему есть отчего радоваться и торжествовать: то, къ чему онъ стремился, то, о чемъ онъ только мечталъ въ своихъ робкихъ, сокровенныхъ грезахъ,—наконецъ случилось, и случилось гораздо скорѣе, чѣмъ онъ этого ожидалъ.

Кому онъ обязанъ всѣмъ происшедшимъ? Бурному ли темпераменту фрейлейнъ Вѣры, унаслѣдованному ею отъ бабушки (онъ кое что слышалъ о покойной старухѣ), или своимъ личнымъ достоинствамъ, достоинствамъ неотразимаго Рудольфа Августа Штейнберга?

Сейчасъ онъ улыбается въ непроницаемой темнотѣ довольной улыбкой и осторожно поглаживаетъ рукою кончики коротко подстриженныхъ, выхоленныхъ усовъ. Онъ, всегда сдержанный и спокойный, сейчасъ готовъ прыгать и скакать, какъ мальчишка. Первое дѣло прошло отлично; теперь бы провести второе, а тамъ...

„О, Рудольфъ Штейнбергъ! если вы будете продолжать въ томъ же родѣ,— то далеко пойдете впередъ!“.

Только мѣсяцъ тому назадъ онъ пріѣхалъ снова сюда, въ это тихое, уютное Отрадное, и сколько перемѣнъ, сколько счастливыхъ измѣненій и прекрасныхъ случайностей принесъ ему этотъ мѣсяцъ! Сначала онъ даже не замѣчалъ пробужденнаго имъ въ душѣ всегда молчаливой и спокойной Вѣры чувства къ нему, такого вулканическаго и бурнаго. Глубина и вулканизмъ, эти два рѣдко совмѣщаемыя понятія въ любви, сейчасъ сочетались превосходно. Страсть къ нему Вѣры онъ сталъ замѣчать только съ первыхъ репетицій ихъ любительскаго спектакля, когда ея черные безъ малѣйшаго блеска глаза останавливались на его лицѣ съ какимъ-то страннымъ и острымъ упорствомъ. Она въ пьесѣ должна была играть влюбленную въ него дѣвушку, и онъ думалъ сначала, что Вѣра умышленно настроила себя въ этомъ направленіи, слишкомъ вошла въ свою роль. Но мало-по-малу онъ проникъ въ истинный смыслъ ея отношеній къ нему и при всей своей сдержанности и характерномъ тевтонскомъ хладнокровіи чуть не сошелъ съума отъ восторга.

Правда, судьба сыграла съ нимъ злую шутку: вмѣсто красавицы Китти, о которой онъ сладостно и пламенно мечталъ еще съ отроческихъ лѣтъ, или свѣженькаго бутона Муси, онъ заполучитъ эту сухую, некрасивую, черную, какъ цыганка, и неженственную Вѣру.

Но вѣдь выбирать не приходится когда само счастье лѣзетъ въ руки. Все же онъ будетъ зятемъ стараго дипломата, такъ или иначе проникнетъ въ интимную жизнь чиновнаго, министерскаго человѣка, и при этой близости будетъ много легче и удобнѣе привести въ исполненіе задуманный имъ планъ. А тогда его карьера обезпечена.

«Прежде чѣмъ Китти успѣла оттолкнуть Рудольфа, онъ обвилъ трясущимися руками ея дивное тѣло».
(Ст. 35.)

Онъ уже видитъ отсюда, какъ ярко впереди загорается его счастливая звѣзда. Онъ — пруссакъ до кончика ногтей и все славянство для него — племя „паріевъ, стадо свиней, проклятыхъ собакъ“, ставшихъ поперекъ горла его славному народу. Но родина родиной, а услугу онъ станетъ казывать ей не только изъ-за свопатріотическихъ чувствъ. Конечно не мѣшало бы въ двадцать шесть лѣтъ получить подполковничьи эполеты. А если ему удастся довести до конца то, что онъ приводитъ медленно къ осуществленію весь этотъ мѣсяцъ, отправляясь прямо съ любовныхъ свиданій, не отдохнувъ ни капли, на свои экскурсіи,— о! тогда обезпечены и подполковничьи эполеты, и прекрасное положеніе при штабѣ.

И тогда посмотримъ еще, чѣмъ молодой полковникъ фонъ Штейнбергъ уступитъ какому нибудь мальчишкѣ молокососу Анатолію Бончъ-Старнаковскому и всѣмъ ему приснымъ. И тогда, прекрасная Китти, вамъ уже не придется выказывать такое презрѣніе сыну вашего управляющаго, которымъ вы заклеймили его шесть лѣтъ тому назадъ.

Мысль, принесшая въ его мозгъ это воспоминаніе, заставляетъ Рудольфа снова задрожать всѣмъ тѣломъ. Опять, какъ утопленникъ на поверхность пруда, всплыло это воспоминаніе, этотъ давно прошедшій и повидимому канувшій въ лету забвенія случай. Съ поразительной ясностью, до мельчайшихъ деталей вспоминаетъ сейчасъ Рудольфъ все-все изъ того, что произошло тогда.

Жаркое іюльское утро. Знойное солнце и лѣниво дремлющій прудъ среди чащи тѣнистаго помѣщичьяго сада. Ни души въ саду. Въ эту чащу никто не заглядываетъ по утрамъ. Только онъ, Рудольфъ, готовившійся тогда къ послѣднимъ испытаніямъ своей военной коллегіи, предъ своимъ производствомъ въ офицеры, съ учебникомъ фортификаціи въ рукахъ забрался въ самую непролазную гущу сада. Плескъ воды внезапно привлекъ его

вниманіе. Онъ раздвинулъ ближайшія вѣтки, вытянулъ шею и, выглянувъ изъ своей зеленой засады, едва не вскрикнулъ отъ восторга и неожиданности, смѣшанной съ какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ. Совершенно нагая, придерживая одной рукой простыню, волочившуюся за нею, прекрасная и нѣжная, какъ мраморная античная статуя, осторожно входила въ прудъ красавица Китти, старшая изъ барышенъ Бончъ-Старнаковскихъ. Юное, гибкое дѣвичье тѣло, маленькія, упругія груди, ослѣпительная кожа и очаровательное, съ темными быстрыми, сверкающими, какъ черные алмазы, глазами личико, обрамленное золотисто-бѣлокурыми волосами,—все это, вмѣстѣ взятое, свело Рудольфа съума. Кровь ударила ему въ голову, въ глазахъ поплыли кровавые круги, однако и сквозь нихъ онъ продолжалъ видѣть и молочно-бѣлую кожу блондинки, изящныя, словно изъ слоновой кости выточенныя, ручки, и ножки прелестной дѣвушки. Красота, великолѣпіе этого чуднаго, безъ единаго дефекта, обнаженнаго тѣла, о которомъ онъ и прежде робко мечталъ, кусая уголъ подушки въ безконечныя безсонныя ночи, теперь угарнымъ шумомъ наполнили ему голову; кипучей, огненной лавой забродило непреодолимое желаніе у него по жиламъ, и, не помня себя, обезумѣвъ отъ страсти, юноша выпрыгнулъ изъ кустовъ и рванулся къ Китти. Прежде чѣмъ она успѣла крикнуть и оттолкнуть его, онъ обвилъ трясущимися руками это дивное тѣло и прильнулъ къ нему губами.

Только звонкая пощечина привела тогда его въ чувство; онъ опомнился лишь подъ ударомъ маленькой ручки.

Теперь Китти стояла предъ нимъ негодующая, возмущенная, какъ богиня гнѣва, и еще болѣе чѣмъ когда либо соблазнительная и прекрасная въ этотъ мигъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, кутаясь въ свою длинную простыню, она бросала ему сдавленнымъ отъ волненія голосомъ:

— Негодяй! Ничтожный мальчишка! И ты осмѣлился! Ты осмѣлился, ничтожная тварь! Или забылъ, кто—ты и кто—я?

Затѣмъ произошло нѣчто кошмарное. Онъ, Рудольфъ, ползалъ въ ногахъ и молча вымаливалъ прощеніе. Онъ униженно молилъ Китти не жаловаться „его превосходительству господину совѣтнику“, не сообщать о его безумномъ поступкѣ и его отцу, а предать этотъ поступокъ забвенію. Онъ оправдывалъ его своей молодостью, необузданнымъ темпераментомъ, пыломъ и наконецъ тѣмъ, что она, фрейлейнъ Китти, такъ прекрасна, такъ непостижимо, божественно прекрасна, что онъ не могъ устоять при видѣ ея красоты.

Но Китти, сгорая отъ стыда и страха, плохо слушала то, что онъ лепеталъ. Она попрежнему съ горящими негодованіемъ глазами мѣрила его уничтожающимъ взглядомъ и только отъ времени до времени повторяла взволнованнымъ, звенящимъ, какъ натянутая струна, голосомъ:

— Я—Бончъ-Старнаковская, а ты, ты кто? Сынъ слуги моего отца! На что же ты расчитывалъ однако, на что, несчастный?

О, онъ не рѣшался тогда сказать ей, что ровно ни на что не расчитывалъ, что просто влюбленъ въ нее безъ памяти, что ея несравненная красота, какъ шампанское, ударило ему въ голову! И, когда она прогнала его, онъ ушелъ, опозоренный, уничтоженный и прибитый, но съ сердцемъ, закаменѣвшимъ въ сознаніи своего права любви и восхищенія предъ ея красотою, съ распаленной отъ обиды душою и жаждою мести.

Китти почему-то такъ и не пожаловалась ни своему отцу, ни Августу Карловичу на его необузданнаго сына, и ни одинъ изъ нихъ двоихъ такъ и не узналъ объ этой сценѣ, разыгравшейся на берегу пруда. Только долго потомъ она презрительно отворачивалась отъ Рудольфа при встрѣчахъ и продолжала демонстративно говорить ему „ты“, хотя до этого злосчастнаго утра называла его на „вы“ и Рудей.

Не забылъ и Рудольфъ оскорбленія, полученнаго имъ отъ разгнѣванной дѣвушки. Мстительное чувство и обида вытѣснили у него изъ сердца прежнее увлеченіе Китти, и оно перешло въ не менѣе острую ненависть къ ней. Но этотъ инцидентъ, происшедшій между ними, привелъ къ тому, что онъ поставилъ себѣ завѣтомъ такъ или иначе добиться положенія, карьеры, богатства, чтобы стать на одну ступень съ этими надменными барами, съ этой зазнавшейся дѣвченкой, а тамъ...

О томъ, что могло быть дальше, Рудольфъ не думалъ. Онъ зналъ лишь ближайшія цѣли своей борьбы. И, когда неожиданно и бурно въ его жизнь ворвалась любовь къ нему Вѣры, той самой Вѣры, съ которой онъ еще въ дѣтствѣ бѣгалъ, играя въ лошадки, Рудольфъ Штейнбергъ обрадовался безъ конца. Его задача теперь значительно упрощалась: будучи мужемъ дочери крупной чиновной единицы, къ тому же богатой, онъ достигнетъ скорѣе и легче тѣхъ высотъ, къ которымъ тянется вся его тщеславная душа.

V.

— У тебя все готово, Фрицъ?

— Такъ точно, господинъ лейтенантъ.

— Краги? хлыстъ? Отлично! Ты осѣдлалъ „Зарницу“, надѣюсь?

— Такъ точно, „Зарницу“, господинъ лейтенантъ.

— А отецъ еще не проснулся?

— Нѣтъ еще. Господинъ управляющій поднимается съ солнцемъ, а сейчасъ еще далеко до него.

Солнца дѣйствительно еще нѣтъ на далекомъ небѣ, и въ природѣ царитъ тотъ блѣдный сумракъ утра предъ восходомъ, когда земля, еще насыщенная сномъ, истомно нѣжится въ предчувствіи знойной ласки солнца. Однако уже ощущаются шорохъ и трепыханіе въ кустахъ пташекъ, почуявшихъ утро, а на горизонтѣ намѣчается заря, алой лентой опоясывающая часть неба.

„Зарница“, любимѣйшая кобыла Рудольфа изъ всѣхъ лошадей конюшни Бончъ-Старнаковскихъ, роетъ отъ нетерпѣнія копытами землю и тихо, радостно ржетъ. Каждое утро денщикъ

Фрицъ и Рудольфъ. (Ст. 39.)

Фрицъ, пріѣхавшій въ отпускъ изъ Пруссіи со своимъ баріномъ, сѣдлаетъ „Зарницу“ еще задолго до восхода солнца для „господина лейтенанта“, и всадникъ, и лошадь послѣ нѣсколькихъ часовъ отсутствія благополучно возвращаются только къ завтраку домой. И такъ каждый день, когда только нѣтъ дождя и ненастья.

Самъ Рудольфъ не сомкнулъ глазъ въ эту ночь, однако не чувствуетъ ни тяжести, ни усталости. Только огромные синяки подъ глазами свидѣтельствуютъ о безсонной ночи. Онъ успѣлъ уже, вернувшись отъ Вѣры, окунуться съ головой въ ваннѣ, выпилъ чашку горячаго чая, приготовленнаго ему Фрицемъ, и теперь чувствуетъ себя свѣжимъ и бодрымъ, какъ никогда.

„Алло, Рудольфъ! Въ путь смѣлѣе!“ — выкрикиваетъ въ немъ избытокъ силъ и энергіи, и онъ пускаетъ съ мѣста въ карьеръ быстроногую „Зарницу“.

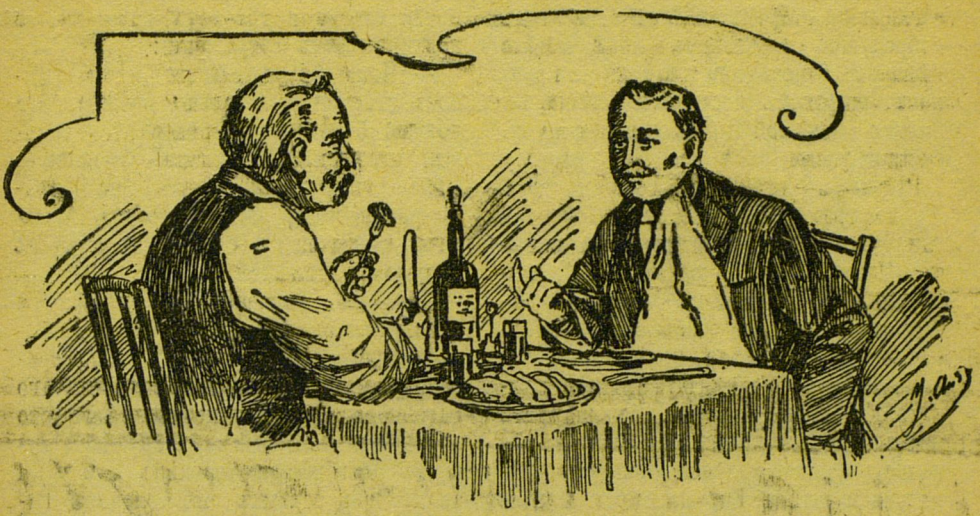
Рудольфъ выѣхалъ изъ усадьбы, миновалъ паркъ, окружающій Отрадное, и углубился въ поля. Море хлѣбовъ окружаетъ теперь коня и всадника; вкусно и пряно пахнетъ свѣжая еще отъ ночныхъ росъ и предутреннихъ сѣдыхъ тумановъ земля. А влѣво темнѣетъ лѣсокъ, и за нимъ вьется широкой лентой проѣзжая шоссейная дорога. (Она ведетъ къ крѣпости.)

Рудольфъ даетъ шпоры „Зарницѣ“ и вихремъ мчится по направленію дороги, убѣгающей вдаль. Къ сѣдлу за спиною у него прикрѣпленъ небольшой ящикъ—крошечный аппаратъ, неизбѣжная принадлежность каждаго фотографа-любителя. Развѣ не естественно, что онъ любитъ природу, ея ни съ чѣмъ несравнимыя красоты, которыя онъ считаетъ положительно грѣхомъ не занести на пластинку? А тутъ, вокругъ Отраднаго, эта природа такъ богата видами! Эти поля, сверкающія золотомъ колосьевъ, эта змѣящаяся между ними дорога и, словно игрушечная издали, но мощная и хорошо защищенная естественными преградами, крѣпость.

Рудольфъ ѣдетъ сейчасъ межою, параллельно дорогѣ, временами пріостанавливается, щелкаетъ аппаратомъ, а потомъ что-то отмѣчаетъ на страницахъ записной книжки.

Вотъ онъ въѣхалъ въ небольшой лѣсокъ. Здѣсь, притаившись близъ лѣсного болотца, незамѣтная для взоровъ прохожихъ, чуть свѣтлѣетъ маленькая избенка, „охотничій домъ“, какъ они съ Фрицемъ называютъ между собою это зданіе. Еще только четыре недѣли тому назадъ здѣсь было гладкое мѣсто, были заросли жимолости, папоротника и крапивы, а теперь, словно грибъ, выросъ этотъ срубъ. Это Рудольфъ и Фрицъ собственноручно сработали его.

Рудольфъ соскакиваетъ на землю, привязываетъ „Зарницу“ на длинномъ поводу къ дереву и, открывъ американскимъ ключемъ дверь, входитъ въ избенку. Внутренность ея убога: столъ, два табурета, походная постель въ углу, наброшенная на простыя, грубо сколоченныя козла. Закрывъ дверь за собою, Штейнбергъ быстро сдвигаетъ эти козла съ мѣста. Подъ ними двѣ половицы, плотно пригнанныя одна къ другой. Рудольфъ вытаскиваетъ изъ бокового кармана небольшой ножъ-стилетъ и, воткнувъ его въ одну изъ досокъ, приподнимаетъ ее. Подъ доскою оказывается глубокая яма, конусомъ уходящая внизъ. Оттуда несетъ сыростью и землей. Штейнбергъ засучиваетъ рукава своего моднаго, изысканнаго пиджака и, стоя на колѣнахъ предъ ямой, запускаетъ въ нее руку. Тихій, легкій шорохъ бумаги — и на свѣтъ Божій извлекаются одинъ за другимъ нѣсколько свернутыхъ въ трубку листовъ, ящикъ съ готовальней,



«Фрейлейнъ Вѣра, дочь твоего патрона, любитъ меня и желаетъ, чтобы я въ самомъ недалекомъ будущемъ сталъ ея мужемъ». (Ст. 44.)

линейка и масштабъ. Въ маленькое окошко, прорѣзанное подъ самой крышей, слабо проникаетъ блѣдный свѣтъ довосходнаго утра, но его слишкомъ достаточно для того, чтобы Рудольфъ могъ, разложивъ на некрашеномъ полу бумаги и планы, занести на нихъ то, что онъ успѣлъ при помощи фотографическихъ снимковъ, проявленныхъ еще наканунѣ, почерпнуть среди окружающей его мѣстности. Вотъ холмъ, находящійся въ двухъ верстахъ отъ болотца, ближайшаго къ цитадели, вотъ крошечная польская деревушка по эту сторону лѣса, а вотъ дальній помѣщичій фольваркъ. Всѣ они, ввидѣ разъ установленныхъ имъ знаковъ, находятъ свое мѣсто на планѣ.

Солнце съ его брызжущимъ ало-золотымъ заревомъ застаетъ Рудольфа еще за работой. Теперь внутри крошечной избушки все словно смѣется и ликуетъ въ лучахъ пробудившагося свѣтила. Досадливо щурясь, Штейнбергъ сворачиваетъ бумаги и, положивъ ихъ снова въ отверстіе подъ половицей, сдвигаетъ доски и приводитъ въ прежнее положеніе постель. Потомъ онъ завѣшиваетъ оконце непроницаемымъ чернымъ покрываломъ и начинаетъ проявлять сегодняшніе снимки, то и дѣло прислушиваясь къ мѣрнымъ шагамъ „Зарницы“, мирно пощипывающей траву. Быстро, легко и ловко исполнена и эта работа. Теперь только Рудольфъ чувствуетъ, что онъ немного усталъ. Но это не важно—у него цѣлый день впереди въ запасѣ, до ужина онъ можетъ спать, какъ убитый. Главное, онъ счастливъ и доволенъ тѣмъ, что ему удалось использовать и это утро, какъ и всѣ предыдущіе дни.

* * *

За ужиномъ старый Штейнбергъ говоритъ, какъ всегда, по-нѣмецки сыну:

— Послушай, Рудольфъ, тебя видѣли рабочіе подъ окномъ старшей барышни нынче ночью. Что ты дѣлалъ тамъ?

Сѣрые глаза не мигая останавливаютъ спокойный и обычно пристальный

взглядъ на старомъ лицѣ отца, на этомъ добродушно-серьезномъ лицѣ истаго нѣмца, съ синеватыми жилками на крупномъ, широкомъ носу, съ красными, налитыми здоровой кровью щеками, съ сивыми усами надъ твердымъ ртомъ.

Рудольфъ—любимецъ и гордость отца. Въ то время какъ старшіе сыновья Августа Карловича: одинъ — аптекарь въ Шарлотенбургѣ, предмѣстьѣ Берлина, другой — инженеръ-технологъ въ Дрезденѣ—ничѣмъ особеннымъ не зарекомендовали себя,—красавецъ и умница Рудольфъ сумѣлъ уже много сдѣлать для своей карьеры. Въ двадцать шесть лѣтъ онъ уже на виду у начальства, какъ молодой офицеръ генеральнаго штаба. Ему дано уже какое-то отвѣтственное тайное порученіе, о которомъ онъ не заикается даже старому отцу. И при этомъ его внѣшность, его лоскъ и утонченныя манеры. Будто онъ—не сынъ простого бюргера, пришедшаго заработать себѣ честнымъ образомъ хлѣбъ подъ это чужое небо, а переодѣтый баронъ, — такъ умѣетъ держать себя этотъ мальчикъ.

Даже то обстоятельство, что Рудольфа видѣли ночью рабочіе подъ окномъ фрейлейнъ Вѣры, не сулитъ ничего страшнаго Августу Карловичу. Онъ слишкомъ увѣренъ въ благоразуміи сына, слишкомъ убѣжденъ въ его тактѣ и ловкости. И сейчасъ онъ смотритъ на него съ явными признаками одобренія и сочувствія.

Каковъ красавчикъ! И кто бы могъ сказать, что у него будетъ такой блестящій сынъ! Жаль, что рано сошла въ могилу его мать-старуха! Вотъ порадовалась бы душой на своего маленькаго Рудольфа, на своего послѣдыша Веніамина, въ которомъ она не чаяла души.

А онъ, этотъ самый Рудольфъ, этотъ любимецъ и гордость семьи, смотритъ въ самые зрачки отцу пристально и почти строго и говоритъ голосомъ, не допускающимъ возраженій:

— Приготовься услышать нѣчто важное, старина, настолько важное, что должно безспорно измѣнить весь текущій строй нашей жизни. Фрейлейнъ Вѣра, дочь твоего патрона, Вѣра Бончъ-Старнаковская, любитъ меня и желаетъ, чтобы я въ самомъ недалекомъ будущемъ сталъ ея мужемъ.

Казалось, развѣрзшіяся небеса и разступившаяся земля, открывшая нѣдра земного шара, не могли бы поразить большею неожиданностью стараго Штейнберга, нежели поразило его это признаніе сына. Онъ поперхнулся кускомъ ростбифа и выронилъ изъ руки вилку при первыхъ же словахъ Рудольфа. Багровый отъ волненія, радости, смущенія и неожиданности, онъ привсталъ со своего мѣста и потянулся черезъ столъ къ сидящему напротивъ него молодому человѣку.

— А господинъ совѣтникъ? Что скажетъ на все это господинъ совѣтникъ, Рудольфъ, мой мальчикъ?—скорѣе угадалъ, нежели разслышалъ, мгновенно охрипшій и прерывистый отъ волненія голосъ отца молодой Штейнбергъ.

— Успокойся, старикъ! Ты меня не понялъ. Конечно я женюсь не на господинѣ совѣтникѣ, а на его второй дочери, фрейлейнъ Вѣрѣ, которая положительно обезумѣла отъ любви ко мнѣ. Ей уже двадцать два года, у нея свое собственное, самостоятельное приданое, завѣщанное ей бабушкой, и она можетъ, кого желаетъ, признать избранникомъ своего сердца.

— Но... но...

— Не бойся, отецъ! Господину совѣтнику останется только согласиться. У фрейлейнъ Вѣры темпераментъ ея бабушки, сбѣжавшей изъ дома съ польскимъ гусаромъ. Бончъ-Старнаковскіе—бары, настоящіе русскіе бары, которые свою репутацію ставятъ и цѣнятъ

выше всего. Если теперь ты слышалъ отъ рабочихъ о моихъ ночныхъ свиданіяхъ съ фрейлейнъ Вѣрой, то конечно о нихъ постараются довести и до свѣдѣнія господина совѣтника. А ты знаешь, отецъ, что иногда бракъ является избавленіемъ отъ величайшаго несчастья, вродѣ запятнанной репутаціи молодой дѣвушки. Гм... Что ты скажешь на это, отецъ?

Что же могъ еще сказать на все это старый, ничтожный Штейнбергъ своему умному, находчивому и геніальному сыну? Нѣтъ, никакія слова положительно не шли сейчасъ на уста почтеннаго Августа Карловича, и все, что онъ могъ сдѣлать,—это отбросить въ сторону салфетку, предварительно насухо вытерши ею пропитанные пивной пѣной усы, и, широко раскрывъ свои родительскія объятья, заключить въ нихъ своего геніальнаго сына.

VI.

— Я это или не я? Боже мой, до чего мѣняетъ гримъ лицо, Варя! Только вотъ глаза не выходятъ. Варюша, у тебя хорошо вышли глаза? Счастливица! Ты адски хорошенькая нынче. А я не могу справиться. Позови „любимца публики“ ради Бога! Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ! Подите сюда, голубчикъ, сдѣлайте мнѣ глаза! — кричитъ Муся, просовывая въ дверь уборной свою маленькую, всегда поэтично растрепанную головку.

— Сейчасъ! Лечу... бѣгу,—и Думцевъ-Сокольскій, уже совсѣмъ готовый къ своему выходу и дававшій послѣднія инструкціи театральнымъ плотникамъ, выписаннымъ вмѣстѣ съ декораціями и оркестромъ музыки изъ сосѣдняго города, гдѣ подвизалась въ зимнее время профессіональная труппа, спѣшитъ въ билліардную, примыкающую къ залу и превращенную на этотъ вечеръ въ дамскую уборную.—Можно?—стучитъ онъ пальцемъ въ дверь огромной комнаты.

— Входите, голубчикъ, входите!

Голосокъ Муси звенитъ отъ нервнаго волненія. Она даже не замѣчаетъ среди этого волненія, что, помимо желанія, даритъ его, Думцева-Сокольскаго, лестнымъ для него эпитетомъ „голубчикъ“, тогда какъ въ другое время онъ для нея—только „адски противный“ и „самохвалъ“.

— Голубчикъ, глаза сдѣлайте мнѣ!.. Умоляю,—тянетъ она, глядя въ зеркало, и вдругъ вскрикиваетъ пораженная:—какой красавецъ! Адски шикарный! Чудо! Да неужели это—вы?

На поверхности стекла отражается совсѣмъ новое и почти прекрасное лицо мужчины. Кто могъ бы думать, что этотъ сѣдѣющій баринъ-аристократъ съ манерами современнаго русскаго патриція, съ правильнымъ, гордымъ профилемъ и чуть затуманенными поволокой отъ грима глазами, что этотъ обаятельный образъ принадлежитъ Думцеву-Сокольскому, „любимцу публики“, умѣющему только ухаживать за женщинами, врать пошлости и нести ахинею о своихъ небывалыхъ театральныхъ грѣхахъ? Теперь онъ—совсѣмъ не онъ. Такой distingué *), такая прелесть.

Муся съ нескрываемымъ восторгомъ глядитъ ему въ лицо и вдругъ вскрикиваетъ самымъ неожиданнымъ образомъ:

— А носъ?

— Что носъ?

— Да носъ же вашъ, гдѣ вашъ носъ?

Думцевъ-Сокольскій теряется, какъ мальчикъ. Что съ этой безумной дѣвченкой? Какой еще носъ понадобился ей? Онъ осторожно холеной, пухлой рукою дотрагивается до собственнаго

*) Изящный

Но Муся уже заливчато смѣется и неистово бьетъ въ ладоши.

— Голубчикъ, что вы сдѣлали со своимъ носомъ? Не сердитесь только ради Бога! вѣдь онъ у васъ былъ картофелькой, а теперь сталъ адски классическимъ, римскимъ. Что вы сдѣлали со своимъ носомъ, прелесть моя?

— Муся! Sois donc plus intelligente, chérie *)!—слышится изъ-за ширмъ, за которыми гримируется Вѣра.—Богъ знаетъ, что ты говоришь!

— Ничего, Вѣрочка, не бойся! Я его за обиду поцѣлую, если удачно сойдетъ у меня роль и если онъ сдѣлаетъ мнѣ глаза Миньоны, — весело смѣется бойкая дѣвочка.

— Боже мой! Ты неисправима, Муся! — несется съ отчаяніемъ изъ-за ширмъ.

Думцевъ-Сокольскій, сконфуженный и въ первую минуту уколотый напоминаніемъ о своемъ носѣ, дѣйствительно напоминающемъ собою нѣчто среднее между картофелиной и утинымъ клювомъ, сейчасъ вполнѣ вознагражденъ. Онъ плаваетъ, какъ рыба въ водѣ, въ своей любимой стихіи. Специфическая театральная атмосфера, такая неожиданная въ этомъ старомъ барскомъ гнѣздѣ и вслѣдствіе своего диссонанса съ окружающей ее строгой обстановкой еще втрое обостренная для его притупленной впечатлительности,—совсѣмъ опьянила „любимца публики“ въ этотъ вечеръ. Запахъ дорогихъ духовъ, пудры, паленаго на щипцахъ женскаго волоса, свѣжія дѣвичьи лица, наивно испуганные, ярко горящіе глазки, неестественно увеличенные отъ грима,—все это сладкимъ дурманомъ кружитъ ему голову.

Стараясь быть мягкимъ, вкрадчивымъ и скромнымъ, онъ набрасываетъ послѣдніе штрихи туши и румянъ на лицѣ дѣвочекъ, и подъ этими послѣдними штрихами обѣ онѣ — не только миловидная Муся, но и сѣренькая, незамѣтная Варя Карташова—становятся прехорошенькими. Дѣвочки невольно любуются собою, не замѣчая даже, что локти Думцева-Сокольскаго какъ-то ужъ слишкомъ интимно прикасаются къ ихъ плечамъ, а его ласковые глаза словно нѣжатъ ихъ лица.

— Мсье Сокольскій, не откажите взглянуть и на меня!—слышится снова изъ-за ширмъ голосъ Вѣры.

Быстро покончивъ съ гримомъ юныхъ исполнительницъ, Сокольскій несется на зовъ старшей барышни.

„Боже, кто это? Откуда же она? Откуда?“

Онъ останавливается посреди бильярдной, полный восхищенія и какъ будто даже какого-то испуга. Предъ нимъ высокая, худая женская фигура въ черномъ, почти монашескомъ платьѣ; черный же платочекъ, низко повязанный надо лбомъ, дополняетъ это сходство съ инокиней. Но какъ прекрасно ея лицо въ рамкѣ этого подчеркнутаго суроваго костюма! Бархатные, обычно безъ искръ и блеска глаза горятъ теперь яснымъ пламенемъ. Она почти не положила румянъ на свои смуглыя щеки цыганки, но естественный румянецъ волненія пробивается сквозь смуглоту ея кожи, и эта нѣжная кожа теперь пылаетъ. Да, она—красавица, положительно красавица сейчасъ, эта обычно старообразная и некрасивая Вѣра.

— Тамара! Дочь князя Гудала! Тамара, возлюбленная демона, вотъ вы кто! — съ искреннимъ восхищеніемъ, безъ малѣйшаго пафоса на этотъ разъ, шепчетъ Думцевъ-Сокольскій и впивается въ дѣвушку восхищеннымъ взглядомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы находите? Значитъ, я недаромъ старалась гри-

*) Да будь же умнѣе!

мироваться! — говоритъ она и бѣгло улыбается чуть тронутыми кровавымъ карминомъ губами.

А сердце въ это время поетъ:

„Да, да, это хорошо, что ты такъ прекрасна нынче... Онъ увидитъ тебя такою и полюбитъ еще сильнѣе, онъ, твой избранникъ, твой демонъ!“.

* * *

Не обходится и безъ инцидента, одно изъ тѣхъ, что часто повторяются на любительскихъ спектакляхъ. Экономка Маргарита Федоровна, почтенная особа съ крайне энергичнымъ характеромъ и съ замѣтными усиками надъ верхней губой, громко возмущается изъ своего угла за ширмами,

«— Да за кого вы меня считаете, чтобы я этакую нечисть, штаны, съ позволенія сказать, мужскіе на себя напялила? Да никогда въ жизни!—хохотала Маргарита». (Ст. 51.)

когда ей подаютъ мужской костюмъ для третьяго акта.

— Это что за гадость! — кричитъ она, выговаривая „г“, какъ „х“, какъ настоящая хохлушка (она — малороссіянка по мѣсту рожденія и только волею слѣпого случая попала въ Западный край).—Да что вы меня, малѣйшіе, убить хотите, что ли? Да за кого вы меня считаете, чтобы я этакую нечисть, штаны, съ позволенія сказать, мужскіе на себя напялила. Да никогда въ жизни! Да лучше я отъ роли вовсе откажусь!—все больше и больше хорохорилась она, нисколько не смущаясь тѣмъ, что ее можетъ услышать собравшаяся уже въ залѣ публика.

Вѣра, Муся, Варя, Зина Ланская, очаровательно пикантная, какъ француженка, въ своемъ шикарномъ дорожномъ костюмѣ (таковой требуется по ходу пьесы) окружаютъ разбушевавшуюся Маргариту, уговариваютъ, просятъ, молятъ. „Любимецъ публики“ рѣшается даже опуститься предъ нею на одно колѣно и, прикладывая руку къ сердцу, съ утрированнымъ отчаяніемъ произноситъ цѣлую тираду, посвященную ей. Изъ мужской уборной ураганомъ вылетаетъ Толя, очень забавный въ костюмѣ и гримѣ офранцуженнаго русскаго лакея, и снова всѣ хоромъ упрашиваютъ и услащаютъ оскорбленную въ своихъ лучшихъ чувствахъ Маргариту. Наконецъ старая дѣва милостиво соглашается на всѣ мольбы и обѣщаетъ снизойти до „такого“, по ея мнѣнію, „позора“ и облечься въ мужской костюмъ.

Звонокъ за кулисами внезапно прерываетъ эту оживленную сцену.

— Господи! До чего я боюсь, Варюша! Зубъ на зубъ не попадаетъ, ей-Богу. Адски страшно, душка моя. Вѣдь съ перваго же акта у меня такая трудная сцена!—и, тронувъ еще разъ свое преобразившееся до неузнаваемости подъ гримомъ личико пуховкой, Муся птичкой выпархиваетъ за дверь уборной.

Едва касаясь маленькими ножками ступеней, ведущихъ на помостъ сцены, она вбѣгаетъ наверхъ и замираетъ у завѣтнаго выхода на сцену. Здѣсь она быстро крестится мелкими частыми крестиками и робко, безпомощно оглядывается по сторонамъ. Какъ бьется ея маленькое сердечко! Какъ замираетъ душа!

Изъ-за тяжелаго, привезеннаго тоже изъ энскаго городского клуба, занавѣса слышится смутный гулъ собравшейся толпы гостей. Отдѣльныя восклицанія, смѣхъ, стукъ отодвигаемыхъ стульевъ и креселъ, знакомые и незнакомые голоса.

— Мнѣ страшно, Варюша, безумно страшно! — шепчетъ снова съ округлившимися глазами дѣвочка, хватая за руку подругу.

Но и у той, у ея „совѣсти“, какъ называетъ въ шутку младшая Бончъ-Старнаковская Карташову, сердце не на мѣстѣ: она начинаетъ пьесу, а первая сцена у нея не идетъ.

— Играю, какъ сапогъ, по выраженію твоего брата,—съ тоской шепчетъ Варюша.

— Ну, и пускай!—своеобразнымъ способомъ утѣшаетъ ее Муся.—Зато ты—сама прелесть и адски хорошенькая нынче подъ гримомъ.

Откуда-то изъ-за кулисъ, словно изъ-подъ земли, вынырнули двѣ скромныя фигуры „Попугайчиковъ“—Ванечки Вознесенскаго и Кружки. Оба съ явнымъ восхищеніемъ влюбленными глазами смотрятъ въ лицо Муси. Она смѣется и роняетъ кружевной платочекъ. „Попугайчики“ наклоняются оба сразу и въ попыткѣ поднять его сталкиваются головами.

— Это ничего... это ничего —лепе-

четъ Кружка и третъ покраснѣвшій лобъ.

Гримъ „Попугайчиковъ“ съ неумѣло приклеенными усами, бородами и грубо подведенными глазами нелѣпъ до смѣшного. По всему видно, что они, какъ и Муся, на сценѣ—новички.

Но Мусѣ хочется нынче быть доброй, чтобы всѣ были довольны ею, чтобы она, какъ добрая фея, сѣяла вокругъ себя одну только радость и свѣтъ. Она улыбается смущеннымъ юношамъ и ласково бросаетъ:

— Желаю успѣха.

— Сказка! — восторженно шепчетъ ей вслѣдъ Ванечка.

— Завтра же накатаю ей посвященіе... Такое!..—вторитъ ему не менѣе восторженно Кружка, за которымъ прочно установилась репутація поэта.

Новый звонокъ режиссера сбрасываетъ ихъ съ неба на землю, возвращая къ міру дѣйствительности.

Появляется Думцевъ-Сокольскій, увѣренный, смѣлый, обаятельный въ своемъ новомъ видѣ. Замѣтивъ Мусю, робко прижавшуюся къ кулисѣ, онъ подходитъ къ ней и вкрадчиво шепчетъ.

— Я не забылъ обѣщанія и приложу всѣ усилія, чтобы получить, заслужить его.

Но она только смотритъ ему въ лицо испуганными, съ широко разлившимися зрачками, глазами... Ахъ, ей такъ страшно сейчасъ! Она ничего не слышитъ, ничего не понимаетъ

Мимо проходитъ Зина, обаятельная, увѣренная въ себѣ, прелестная. За нею несется неуловимая струя духовъ, извѣстныхъ ей одной, дурманная смѣсь какихъ-то эссенцій.

— Маленькій Толя! — кричитъ онъ спокойнымъ, „домашнимъ“ голосомъ, за которымъ не чувствуется ни малѣйшаго волненія, — куда вы дѣвали мой зонтикъ? Давайте его сюда скорѣе!

Еще звонокъ—послѣдній, третій, и

«Попугайчики» наклоняются оба сразу и, въ попыткѣ поднять платочекъ, сталкиваются головами». (Ст. 52.)

съ легкимъ шорохомъ ползетъ вверхъ тяжелый занавѣсъ.

VII.

Давно уже старый домъ въ Отрадномъ не видалъ такого громаднаго стеченія публики. На любезное приглашеніе радушныхъ хозяевъ съѣхалось почти все окрестное русское и польское общество, мелкіе и крупные помѣщики, считавшіе за особую честь побывать въ гостиной Бончъ-Старнаковскихъ. Офицеры энскаго гарнизона и артиллеристы изъ недалекой, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, находившейся крѣпости, семейные и холостые, съѣхались на спектакль. Вице-губернаторъ (самъ начальникъ края былъ въ отпуску за границей) съ супругой, предводитель съ предводительшей заняли мѣста въ первомъ ряду креселъ.

Позади толпилась болѣе скромная публика: мелкіе служащіе казенныхъ учрежденій ближайшаго города съ женами и дѣтьми, штатская молодежь, слетѣвшаяся сюда съ намѣреніемъ отъ души потанцовать и повеселиться.

Еще до начала спектакля Вѣра разглядѣла въ круглое отверстіе въ занавѣсѣ яркую, пеструю толпу—блестящій цвѣтникъ провинціальныхъ дамъ и барышенъ, мундиры армейскихъ офицеровъ, свѣжія, молодыя лица, искрящіеся, какъ шампанское, взоры и оживленныя улыбки. Отецъ ея—высокій, статный не по лѣтамъ старикъ съ тонкимъ, породистымъ лицомъ барина и изысканно величавыми манерами—рѣзко выдѣлялся въ всей этой разношерстной толпы. Владиміръ Павловичъ, радушный и хлѣбосольный по натурѣ, пригласивъ, по настоянію дѣтей, все окрестное провинціальное общество, всячески старался не давать скучать своимъ гостямъ. Онъ былъ со всѣми одинаково предупредителенъ и любезенъ.

Вѣра во время хода дѣйствія, даже произнося необходимыя по пьесѣ фразы и подавая реплики партнерамъ, спокойно разглядывала первые ряды креселъ. Она была вполнѣ равнодушна ко всему, что происходило на сценѣ и за рампой, равнодушна и къ результатамъ собственной игры, собственнаго исполненія. Ея спокойный голосъ холодно и ровно чеканилъ по заученному хорошо улегшіяся въ памяти слова, а ея стильное, прекрасное подъ гримомъ лицо не выражало ни тѣни волненія.

Но вотъ появился Рудольфъ въ роли молодого купца Лопахина, и Вѣра широко раскрыла изумленные глаза. Она не успѣла повидать его до начала дѣйствія, и теперь, подъ гримомъ въ этомъ своеобразномъ нарядѣ — въ шелковой косовороткѣ, въ высокихъ сапогахъ, красивый, плечистый, сильный, съ чужимъ, незнакомымъ ей лицомъ, съ завитыми въ кудри волосами, съ курчавою же бородкой, — онъ показался ей настоящимъ красавцемъ.

— Богатырь! Илья Муромецъ! Канальски — passez moi le mot *)!—хорошъ собой! Ой, не смотрите, медамъ, не совѣтую: только свои сердечки погубите, il est impitoyable **),—дурачась успѣлъ шепнуть Толя исполнительницамъ.

Вѣра серьезно и строго взглянула на брата и, пропуская свою реплику, снова подняла взоръ на молодого Штейнберга.

Да, онъ безгранично нравится ей. Она любитъ его, любитъ на смерть и сегодня же постарается улучить минуту переговорить съ нимъ, условиться насчетъ завтрашняго дня. Завтра, конечно завтра онъ долженъ идти къ отцу и просить ея руки; черезъ два дня отецъ долженъ уѣхать, такъ необходимо до его отъѣзда выяснить все. Она не хочетъ больше ждать и томиться, она не можетъ больше страдать.

И, произнося безъ чувства и смысла длинныя и, какъ ей казалось, совсѣмъ ненужныя фразы, дѣвушка то и дѣло поворачивалась въ сторону Рудольфа, который очень добросовѣстно, съ чисто-нѣмецкимъ усердіемъ подавалъ свои реплики.

Вообще этотъ спектакль шелъ слабо, какъ большинство любительскихъ спектаклей. Но Анатолій, совмѣстно съ „любимцемъ публики“ выбравшій эту пьесу, зналъ, что дѣлалъ.

Роль Раевской, главная женская роль, словно написана спеціально для Зины Ланской. Для нея собственно и поставлена вся пьеса, тѣмъ болѣе что въ этой роли очаровательная вдовуш-

*) Простите на словѣ!
**) Онъ неумолимъ.

ка намѣревалась дебютировать на серьезной сценѣ когда нибудь позже, потомъ. И помѣщикъ Гаевъ въ исполненіи Думцева-Сокольскаго безподобенъ. Каждая его фраза сопровождается гомерическимъ смѣхомъ или глубокимъ сочувствіемъ публики. Онъ ни въ чемъ не уступаетъ своей блестящей партнершѣ Ланской. Вловушка прелестна; ея смѣхъ, естественный и гибкій, заражаетъ публику, а пикантная, полная блеска внѣшность опьяняетъ молодой мужской элементъ зрительнаго з а л а. Прелестна и наивна Муся въ роли подростка Ани. Бѣлое воздушное платьице, распущенные по плечамъ локоны, вся ея свѣжая внѣшность невольно возбуждаютъ симпатіи къ этому милому ребенку-дѣвушкѣ. И когда Ванечка Вознесенскій, по ходу пьесы студентъ Трофимовъ, восторженно посылаетъ ей вслѣдъ въ концѣ акта: „Солнышко! Радость моя!“ —присутствующіе въ зрительномъ залѣ охотно вѣрятъ въ то, что она можетъ быть и солнышкомъ, и радостью, и не для одного только нескладнаго и неловкаго чеховскаго студента, но и для многихъ-многихъ людей.

— Провалила! Провалила! Съ трескомъ провалила! Всю роль смяла! — чуть не плача, бросаясь съ ногами на кушетку въ уголку за ширмами, поставленную въ „уборной“, лепечетъ Муся, ломая холодными, дрожащими руками тонкіе пальчики „своей совѣсти“, Вари Карташовой.

— Неправда! Неправда! Отлично сыграла! Не выдумывай пожалуйста! — успокаиваетъ ее Варюша.

— Адски осрамилась! Я вѣдь знаю... Вотъ Зина—та шикарно провела свою роль, а ты и мы съ Вѣрочкой—безумно скверно... Бе-зум-но!

«— Провалила, провалила!—чуть не плача, лепечетъ Муся, ломая дрожащими руками тонкіе пальчики «своей совѣсти», Вѣры Карташовой». (Ст. 57.)

— Послушай, Мусикъ, ты, кажется, и въ самомъ дѣлѣ расхныкаться намѣрена?—и темная фигура Вѣры неожиданно вырастаетъ предъ кушеткой.—Или ты тоже на настоящую сцену собираешься поступить, какъ Зина? Но, дѣвочка, если даже допустить, что ты сыграла такъ скверно, какъ ты говоришь, то вѣдь мы же—не профессіональныя актрисы, а люби...

Она не договариваетъ. Въ уборную стучатъ.

— На сцену, медамъ! Прошу на сцену. Мадемуазель Муся, вы были очаровательны, вы были само совершенство...

— Кто это? „Любимецъ публики“? Ахъ! Неужели правда? А вы не заливаете, голубчикъ?

— Муся!—въ одинъ голосъ ужасаются Вѣра съ Варюшей на специфическое словечко этого „enfant terrible“ семьи Бончей.

— Нѣтъ, серьезно недурно.

— Не провалила? нѣтъ?

— Очаровательно!

Дѣвочка такъ вся и вспыхиваетъ, польщенная.

— Оча-ро-ва-тельно!—рисуется актеръ за дверью.—Вы слышите аплодисменты? Это же вамъ. Вы вѣдь кончили сцену. Идите же раскланиваться. И вы, Вѣра Владиміровна, тоже.

— Ахъ!—Муся въ изнеможеніи счастья всплескиваетъ ручками и птичкой летитъ на сцену.

Ванечка и Петръ Петровичъ Кружка первые привѣтствуютъ ее аплодисментами у кулисъ. Не чувствуя ногъ подъ собою, Муся подъ градомъ этихъ и другихъ аплодисментовъ, несущихся изъ зала, останавливается посрединѣ сцены и низко присѣдаетъ, какъ „всамдѣлишная“ актриса. Молодые крѣпостные офицеры особенно усердно хлопаютъ, не жалѣя рукъ.

Съ тихимъ шелестомъ опускается занавѣсъ. Въ залѣ военный оркестръ начинаетъ какой-то меланхолическій вальсъ. Онъ звучитъ еще и тогда, когда поднимается занавѣсъ для третьяго акта.

Балъ въ усадьбѣ „Вишневаго сада“. Музыка, легкій провинціальный флиртъ, смѣшанное общество. Пришлось привлечь еще кое какихъ исполнителей для этого акта изъ среды окрестныхъ сосѣдей.

„Совсѣмъ какъ у насъ нынче“, — невольно приходитъ молчаливое сравненіе въ голову Вѣры.

И вдругъ въ кулисахъ показывается испуганная голова Думцева-Сокольскаго.

— Шарлотта Ивановна! Гдѣ Шарлотта Ивановна?—спрашиваетъ онъ.— Сейчасъ ея выходъ, а ея нѣтъ.

— Какая Шарлотта Ивановна? Ахъ, да, Маргарита!—съ трудомъ догадывается Вѣра, мысли которой теперь полны Рудольфомъ, только имъ однимъ.—Да гдѣ же и вправду Маргарита Федоровна, гдѣ она?

На сценѣ воцаряется продолжительная пауза, за сценою же разгорается суматоха. Анатолій задними ходами пробирается въ буфетную. Такъ и есть: предчувствіе не обмануло его, Маргарита тамъ. Такъ, какъ была въ костюмѣ и гримѣ, въ невозможныхъ клѣтчатыхъ брюкахъ, отъ которыхъ такъ упорно отказывалась еще до начала спектакля, въ рыжемъ парикѣ, съѣхавшемъ на бокъ, разсвирѣпѣвшая Маргарита Федоровна изступленно кричитъ что-то двумъ вытянувшимся предъ нею въ струнку лакеямъ. При видѣ вошедшаго Анатолія она вся такъ и заходится отъ новаго приступа бѣшенства и, схвативъ со стола какой-то предметъ, суетъ его чуть не подъ самый носъ молодому человѣку.

— Нѣтъ, вы полюбуйтесь, молодой хозяинъ! Нѣтъ, вы полюбуйтесь только, что эти скоты здѣсь натворили!.. Это что?

Анатолій опѣшилъ. Что это въ самомъ дѣлѣ? Какіе-то черепки, кусочки фарфора.

— Дрезденская чашка!—вопитъ неистовымъ голосомъ Маргарита.

— Что чашка?—не понимаетъ Толя, морщась, какъ отъ боли, подъ звуками этого зычнаго, вульгарнаго голоса.

— Нѣтъ, подумать только: генеральшину чашку и вдребезги эти хамы...

— Маргарита, милая... успокойтесь! На сцену вамъ надо. Чашки же, право, не воскресишь.

— Да подите вы, Анатолій Владиміровичъ! Съума тутъ посошли, что ли? Да, пока я играть тамъ буду, они мнѣ здѣсь всю посуду пере...

Но ворчливой экономкѣ не суждено окончить начатую фразу. Съ самымъ галантнымъ и въ то же время энергичнымъ движеніемъ Анатолій просовываетъ ея руку подъ свою и почти силой увлекаетъ ее за кулисы.

— Что вы надѣлали? У насъ тутъ по вашей милости пауза до завтрашней ночи, — хватаясь въ отчаяніи за голову, встрѣчаетъ ее зловѣщимъ шипѣніемъ Думцевъ-Сокольскій.

— Что тамъ пауза, когда дорогую чашку...—ворчитъ неугомонная Маргарита и какъ-то бокомъ, смѣшно и сконфуженно протискивается на сцену.

Публика встрѣчаетъ ее взрывомъ смѣха.

Въ этомъ дѣйствіи Зина Ланская превосходитъ себя. Она безподобна, это—настоящая, законченная актриса. Недаромъ же она мечтаетъ о драматическихъ курсахъ, на которые хочетъ поступить этой осенью. Въ сценѣ кокетства она легка и прелестна Но едва ли не лучше выходятъ у нея и серьезные моменты. Глубокое, искреннее горе звучитъ въ ея голосѣ, когда она узнаетъ о продажѣ съ торговъ своего родового помѣстья, и плачетъ настоящими слезами. Послѣ этого такъ реально выраженнаго горя и слезъ, какъ-то неохотно прислушивается публика къ рѣчамъ другихъ исполнителей, звучащимъ со сцены. И даже блестящій монологъ Лопахина, со словъ и по звуку голоса воспри-

«Такъ, какъ была въ костюмѣ и гримѣ, въ невозможныхъ клѣтчатыхъ брюкахъ, въ рыжемъ парикѣ, разсвирѣпѣвшая Маргарита Федоровна изступленно кричитъ что-то двумъ вытянувшимся предъ нею въ струнку лакеямъ». (Ст. 90.)

нятый отъ Думцева-Сокольскаго, теряется и блекнетъ послѣ ея мастерской игры, какъ блекнетъ алая заря предъ золотомъ восхода. Только одна Вѣра жадно ловитъ каждое слово, каждый звукъ молодого Штейнберга, и сердце ея дрожитъ сильнѣе, это такъ неожиданно пробудившееся страстное сердце.

Спектакль кончается. Въ залѣ двигаютъ стульями. Неистово хлопаютъ исполнителямъ, что-то кричатъ.

„Совсѣмъ, какъ въ настоящемъ театрѣ!“—съ восторгомъ думаетъ Муся

Нѣсколько молодыхъ офицеровъ пробрались на сцену и, окруживъ исполнительницъ, взапуски приглашаютъ ихъ на танцы, расточая похвалы и комплименты ихъ игрѣ.

— Марья Владиміровна, контрдансъ со мною!—словно изъ-подъ земли вырастаетъ предъ Мусей Думцевъ - Сокольскій.

Опьяненная успѣхомъ и влюбленными взглядами окружающей ее молодежи, Муся смотритъ сейчасъ съ вызовомъ въ лицо актера.

— Согласна, но только съ условіемъ: оставайтесь въ гримѣ, слышите? Такъ вы много шикарнѣе, чѣмъ бритый... Да!—говоритъ она и звонко смѣется.

А модная, дразнящая и раздражающая мелодія вальса словно нехотя уже несется подъ сводами стариннаго бѣлаго зала, тамъ, гдѣ столѣтія тому назадъ гремѣли и краковякъ, и мазурки, а очаровательныя паненки носились объ руку съ рыцарями Польши.

Обвивъ рукою талію Зины Ланской, Анатолій, увлекая свою даму, быстро сбѣгаетъ съ подмостковъ и кружится съ нею подъ эти томящіе, страстные звуки. За ними слѣдуютъ остальныя пары.

Ванечка и Кружка оба сразу подлетаютъ къ Мусѣ, но—увы!—она уже уносится въ объятьяхъ артиллерійскаго поручика, и оба юноши съ восторгомъ шепчутъ ей вслѣдъ:

— Сказка! Ты понимаешь, Иванъ, это—сказка, и подобной не найдешь въ цѣломъ мірѣ.

— Эхъ, братъ Кружка,—сказка, да не для насъ... А впрочемъ... Пойдемъ-ка съ горя приглашать исправничьихъ дочекъ.

VIII.

— Какая ночь! Господи, ночь какая! Теплынь и этотъ воздухъ... Онъ весь напоенъ, пропитанъ розами... Я обожаю ихъ пряный ароматъ. А вы, маленькій Толя? Вы любите розы?

— Я люблю васъ, Зина, и только васъ.

— Опять! Но это несносно. И вамъ не наскучило еще подобное однообразіе? Оно вамъ, право, не къ лицу, и потомъ... Я понимаю преслѣдовать цѣль, сколько нибудь достижимую, а вѣдь я для васъ...

— Вы для меня—самое дорогое и самое острое, что я знаю на землѣ.

— Да ну? Неужели? Острѣе Жильберты даже и крошки Ирэнъ? маленькій Толя, да?

— Бросьте этотъ тонъ, Зина! Я его не выношу!

— Не говорите дерзостей, а то я встану и уйду, скверный вы мальчишка.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога только не это! Я буду скроменъ и тихъ, какъ добрый старый сэнъ-бернаръ, увѣряю васъ, Зина...

— И еще условіе: сорвите эту гадкую бородку, она—противная и скрываетъ вашъ подбородокъ. А мнѣ нравится вашъ подбородокъ, Толя... нравился еще съ дѣтства, когда вы были маленькимъ-маленькимъ. Я люблю его упрямую, стальную линію. Мнѣ кажется, у Нерона долженъ былъ быть

такой жестокій, упрямый подбородокъ. А я люблю жестокость... Да... Что вы на это скажете, маленькій Толя?

— Мнѣ нѣтъ дѣла до Нерона, Зина, и еще менѣе—до его подбородка. Мнѣ нѣтъ дѣла ни до кого, ни до чего, кромѣ васъ и моей любви къ вамъ... Зина, Зина! Взгляните жена меня, милая, раздражающе-прекрасная Зина, милая женщинка съ капризной думой, за которую я...

— Тссс! Не надо неистовствъ, маленькій! Взгляните лучше, какая ночь, и пейте ея ароматъ и тишину... Пейте и пустите мои руки, Толя!.. Анатолій! Я не терплю насилія; я—сторонница полной свободы и люблю... нѣтъ, нѣтъ, не васъ, а ее... ее, эту ночь.

«Съ дѣланнымъ спокойствіемъ Зина спрашиваетъ его: «Маленькій Толя, сколько вамъ лѣтъ?»» (Ст. 68.)

И смѣхъ очаровательной вдовушки звучитъ снова, какъ смѣхъ русалки или ночной эльфы, покачивающейся на чашечкѣ цвѣтка.

Да, эта ночь прекрасна. Садъ, опоясанный длинною, извилистою гирляндою цвѣточныхъ фонариковъ, кажется какой-то волшебной фееріей вокругъ бѣлаго стариннаго, стильнаго палаццо. Но выше и дальше черный бархатъ западной ночи поглотилъ въ себя эти пестрые, разноцвѣтные праздничные огни. А здѣсь, у дальней скамейки на берегу, пріютившейся надъ самой водою, подъ кровомъ бесѣдки, воздушной и легкой, какъ готическій замыселъ старины, опять полутьма и нѣжащее вѣяніе тишины.

Лица собесѣдниковъ едва намѣчаются въ этомъ призрачномъ полусвѣтѣ, ближайшіе фонарики бросаютъ причудливый свѣтъ на ихъ черты. А въ ушахъ все звучитъ трепетно и истомно радостная, сладкая мелодія моднаго вальса. И эти розы на куртинахъ такъ чудовищно пахнутъ сей часъ!

— Я—точно пьяная нынче,—не своимъ и словно смягченнымъ голосомъ говоритъ вдовушка.—Я влюблена въ эту ночь и въ эти розы, и еще въ кого-то, сама не знаю, въ кого.

— Увы! не въ меня конечно?

— Увы! не въ васъ, маленькій Толя. И мнѣ это, повѣрьте, досаднѣе, нежели вамъ.

— Да, охотно вѣрю, потому что вы не можете не знать, что я люблю васъ столько времени,—отвѣчаетъ молодой офицеръ безъ тѣни обычной шутливости въ тонѣ.

— А Жильберта? А Ирэнъ Круцкая? А Бэби, ради которой вы чадѣлали прошлою осенью столько долговъ? Вы видите, я освѣдомлена по этому поводу лучше, нежели вы это предполагаете, мой маленькій,—и Зина снова смѣется.

Анатолій смотритъ съ минуту на нее влюбленными глазами, потомъ говоритъ глухо:

— Молчите или сейчасъ вотъ опрокину вашу головку себѣ на руку, Зина, и вопьюсь губами въ вашъ дерзкій ротъ, въ ваши алыя вкусныя губы, которыя столько времени дразнятъ меня...

— И вы о-смѣ-ли-тесь!

— Моя любовь осмѣлится, Зина. Берегитесь!

Голосъ молодого человѣка вздрагиваетъ, его горло сжимается судорогой страсти.

Нѣтъ, довольно однако, пора это пресѣчь!

И хрипло, сдавленно вырывается у него изъ груди слово за словомъ. Да, онъ любитъ Зину, любитъ давно—два, три года. Не все ли равно сколько. Но онъ боленъ, боленъ этой любовью, пусть же она это пойметъ. Онъ хочетъ любить ее всегда, открыто обладать ею, ея душой и тѣломъ, потому что она прекрасна. Жильберта, Бэби, Ирэнъ... Смѣшно, право! Одинъ вздоръ, и только... все это—вздоръ, игра нервовъ и крови... А ее онъ любитъ безумно. И вотъ въ послѣдній разъ спрашиваетъ онъ ее: „да“ или „нѣтъ“? Согласна ли она стать его женою? Онъ ждетъ ея слова, ея послѣдняго, рѣшающаго слова.

Руки Анатолія отыскиваютъ въ темнотѣ пальцы Зины и сжимаютъ ихъ такъ сильно, что она вскрикиваетъ отъ боли.

— Но вы съума сошли!.. Вотъ странный, необычайный способъ дѣлать предложеніе. Да вѣдь мы—не скифы, мой милый.

— Я люблю васъ и жду отвѣта.

Глаза Анатолія горятъ, какъ у кошки, въ темнотѣ, а голосъ попрежнему глухъ и страненъ. Въ немъ таится сейчасъ не то угроза ей, не то...

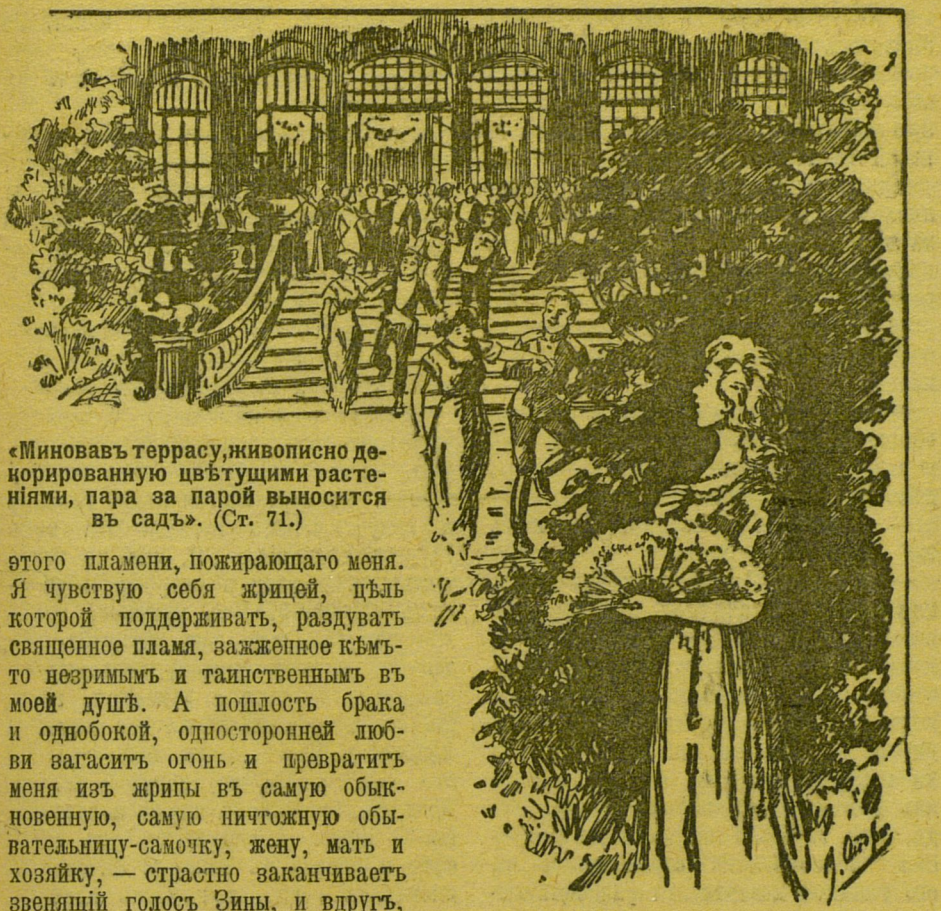
Зинѣ становится не по себѣ сейчасъ, въ эти минуты, и отъ его сильныхъ пальцевъ, продолжающихъ больно сжимать ея кисть, и отъ его голоса. И его обычно жизнерадостное, молодое лицо кажется сейчасъ такимъ новымъ, сумрачнымъ и угрюмымъ въ полутьмѣ, что это заставляетъ ее стать сосредоточенной и сдержанной сразу. Съ дѣланнымъ спокойствіемъ она спрашиваетъ его:

— Маленькій Толя, сколько вамъ лѣтъ?

Молодой человѣкъ съ минуту колеблется, потомъ отвѣчаетъ съ заминкой:

— Двадцать пятый.

— То есть двадцать четыре всего? Такъ? А мнѣ уже подъ тридцать, мой милый. А вы знаете, что приноситъ неравный возрастъ супруговъ въ такомъ случаѣ? И потомъ я не рождена для брака. Я страстно люблю искусство, сцену и мечтаю о ней, она кажется мнѣ желаннымъ, священнымъ храмомъ, и бракъ для артистки по призванію, это — петля. Или я дѣйствительно должна влюбиться, чтобы промѣнять свою царственную стихійную свободу на звенья брачныхъ оковъ. Но теперь, сейчасъ меня еще кружатъ знойные вихри; я мечусь среди



«Миновавъ террасу, живописно декорированную цвѣтущими растеніями, пара за парой выносится въ садъ». (Ст. 71.)

этого пламени, пожирающаго меня. Я чувствую себя жрицей, цѣль которой поддерживать, раздувать священное пламя, зажженное кѣмъ-то незримымъ и таинственнымъ въ моей душѣ. А пошлость брака и однобокой, односторонней любви загаситъ огонь и превратитъ меня изъ жрицы въ самую обыкновенную, самую ничтожную обывательницу-самочку, жену, мать и хозяйку, — страстно заканчиваетъ звенящій голосъ Зины, и вдругъ, какъ бы спохватившись, она вскакиваетъ со скамейки. — А теперь идемъ въ залъ, маленькій Толя! И не смѣйте—слышите? — не смѣйте дуться на меня!.. У каждаго своя планида, какъ говоритъ наша почтенная Маргарита Федоровна, когда ее просишь погадать на картахъ. Ну, бѣжимъ танцовать, маленькій Толя, а то вы можете быть увѣрены, что провинціальныя кумушки тотчасъ же сплетутъ вокругъ насъ цѣлыя гирлянды тѣхъ пышныхъ цвѣтовъ, которые именуются сплетнями. А я этого не хочу, да и вы, я думаю, тоже. Ну, такъ вашу руку, и будемъ свободны и ясны, какъ боги!

А темная, теплая, благовонная ночь колдуетъ попрежнему. Безконечной вереницей по всѣмъ комнатамъ громаднаго стариннаго дома, черезъ картинную галлерею, черезъ грандіозную столовую, черезъ цѣлый рядъ пріемныхъ тянется, вьется пестрая лента танцующихъ. Дирижеръ, Никсъ Луговской, кавалеръ Муси, придумываетъ запутаннѣйшія фигуры безконечнаго котильона.

Но вотъ неожиданно врываются въ контрдансъ удалые звуки бѣшено ми-

хой мазурки. Звенятъ шпоры, стучатъ каблучки, шелеститъ со свистомъ серебристый шелкъ платьевъ и, миновавъ террасу, живописно декорированную цвѣтущими растеніями, пара за парой выносится въ садъ.

Никсъ словно сквозь землю проваливается куда-то, и Муся остается на мгновенье одна. Старый орѣшникъ приходится прямо надъ головой дѣвочки, и она, какъ бѣлая фея среди этой густой, тѣнистой аллеи, стоитъ, озаренная свѣтомъ разноцвѣтныхъ фонарей.

— Марья Владиміровна, а данное обѣщаніе?—и „любимецъ публики“ съ вкрадчивымъ выраженіемъ впивается въ дѣвочку загорѣвшимся взглядомъ.

— Обѣщаніе? Ахъ, да! Но какъ же? Тутъ... Я... мнѣ...

— На одну минуту, мадемуазель, мнѣ нужно сказать вамъ два слова,— говоритъ Думцевъ-Сокольскій громко, такъ, чтобы слышали всѣ, и, какъ власть имущій, продѣваетъ свою руку подъ худенькую дѣтскую рученку Муси, а затѣмъ, не измѣняя темпа и па мазурки, уносится съ нею вмѣстѣ изъ полосы свѣта въ чащу сада, туда, гдѣ глубокій прудъ меланхолически поблескиваетъ отраженными въ его гладкой поверхности разноцвѣтными огнями фонариковъ.

Здѣсь совсѣмъ пустынно. Сказочной кажется сквозная готическая бесѣдка изъ бѣлаго мрамора на ея берегу, волшебными—огни, повторенные водяной бездной.

— Марья Владиміровна... Муся, крошка Муся!—слышитъ страстный шепотъ актера у своего уха дѣвочка.— Разрѣшаете вы поцѣловать васъ? Вѣдь вы мнѣ это обѣщали сами, если роль Ани удастся вамъ. А вы были въ ней—сама весна, сама юная жизнь...

И вкрадчивый голосъ льется прямо въ душу Муси, а глаза, огромные и значительные, нестерпимо блестящіе въ кругахъ полустертой туши, смотрятъ съ плотояднымъ выраженіемъ въ лицо дѣвочки.

Этотъ взглядъ, какъ это ни странно, кружитъ сейчасъ голову Муси. Нѣтъ ничего мудренаго въ этомъ: ночь такъ волшебна, такъ колдовски прекрасна, а бравурная мелодія мазурки, смягченная разстояніемъ, такъ сладко баюкаетъ слухъ, и розы почему-то особенно остро и нестерпимо пахнутъ! Онѣ туманятъ голову и пьянымъ угаромъ наливаютъ мозгъ.

Обезсиленная какимъ-то невѣдомымъ чувствомъ, Муся опускается на скамью. Черные блестящіе глаза приближаются къ ней, къ ея лицу, глазамъ и полуоткрытымъ губамъ. На мигъ гаснетъ сознаніе..... О, она не испытывала еще такихъ острыхъ и знойныхъ ощущеній. Ядъ мужского поцѣлуя не обжигалъ еще ея губъ. Ея любовь къ тому „милому избраннику“ ея души, далекая и туманная, какъ любовь принца Жоффруа къ далекой принцессѣ Грезѣ, такъ непохожа на это чувство. Смутно, горячею лавою бродитъ несознанный еще огонь желанія въ ея крови, и оно стучитъ въ пульсахъ и бьется въ жилахъ. Мгновенно высыхаетъ горло, холодѣютъ кончики пальцевъ и знойно загорается мозгъ. Приближающееся къ ней лицо кажется гордымъ и прекраснымъ. И вдругъ запахъ сигары, вина и еще чего-то чуждаго и непріятнаго доносится до нея.

А вдали, гдѣ-то тамъ въ сторонѣ, вырастаетъ мгновенно другой образъ, другія черты, другіе глаза. Охваченная чувствомъ отвращенія дѣвочка отталкиваетъ актера и шепчетъ съ гадливымъ испугомъ, отчаяніемъ и ужасомъ:

— Оставьте меня! Уйдите! Не смѣйте прикасаться ко мнѣ! Вы—против-

ный, и я люблю другого и никогда—слышите?—никогда не измѣню моей настоящей любви!

И, закрывъ рученками лицо, Муся рыдаетъ, мучительно сотрясаясь всѣмъ тѣломъ...

А музыка все нѣжитъ и баюкаетъ своей истомной мелодіей, то безсознательной и волнующей, какъ первое дѣвичье признаніе, то вновь разрастающей и бурной, съ искрами огненнаго фонтана, съ пламенемъ непреодолимыхъ, жгучихъ желаній, стремящихся къ осуществленію.

Танцующіе снова несутся по широкой каштановой аллеѣ къ дому; въ послѣдней парѣ, умышленно отставъ отъ пестрой и шумной толпы, рука объ руку, небрежно скользя по песку—Вѣра и Рудольфъ. Онъ снялъ съ себя гримъ и костюмъ Лопахина; но она осталась въ своемъ черномъ, такъ похожемъ на иноческое, платьѣ, и подъ темнымъ же, низко надвинутымъ на лобъ, платочкомъ горятъ нынче нестерпимо ея обычно тусклые глаза. Женскимъ чутьемъ Вѣра поняла, что этотъ скромный нарядъ ей присталъ больше и лучше всякаго бальнаго туалета, и съ безсознательнымъ, несвойственнымъ ея натурѣ кокетствомъ она предпочла на все время танцевъ остаться въ немъ. Она крѣпко захолодѣвшими руками сжимаетъ руку Рудольфа и шепчетъ:

— Завтра къ одиннадцати приходите къ намъ. Когда я переговорю съ папá, то позову васъ тотчасъ же. Вы войдете къ нему, когда почва будетъ уже подготовлена, и будете смѣло просить моей руки. Слышите вы меня, Рудольфъ, дорогой мой?

— Тише... во имя Неба тише, фрейлейнъ Вѣра! Если ваши слова услышу не одинъ я, то наше дѣло будетъ проиграно.

— О, не бойтесь! Теперь уже нечего бояться. Я болѣе чѣмъ увѣрена въ согласіи папá... И завтра—о, завтра, Рудольфъ!—я обниму васъ уже какъ своего милаго, безконечно любимаго жениха.

И обычно пустые, суровые глаза строгой дѣвушки сіяютъ мягкимъ, ласковымъ свѣтомъ; въ нихъ словно загорается кусочекъ неба съ его алмазными звѣздами, съ его примиряющей кротостью и тишиной.

IX.

— Къ вамъ можно, папá? Разрѣшите васъ побезпокоить?

— Ты, Вѣра? Войди.

Владиміръ Павловичъ, еще бодрый шестидесятилѣтній старикъ, только что проглотилъ свою обычную порцію подогрѣтаго виши и сдѣлалъ утреннюю прогулку для вящшаго урегулированія дѣйствія воды. Вернувшись изъ сада въ кабинетъ, онъ занялся утренней почтой. На старинныхъ часахъ пробило металлическимъ, разсыпчатымъ звономъ одиннадцать ровныхъ ударовъ-колокольчиковъ. Бончъ-Старнаковскій старшій поморщился; привыкшій вставать въ семь часовъ утра и зимою, и лѣтомъ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что вслѣдствіе спектакля и вечера проспалъ нынче до десяти.

— Стоитъ только разъ нарушить равновѣсіе — и все пойдетъ наизнанку, — сказалъ онъ самъ себѣ, мелькомъ взглянувъ на часы и тотчасъ поворачивая къ дверямъ свое красивое, холеное лицо стараго барина.

Въ легкомъ темномъ, по своему обыкновенію, лѣтнемъ нарядѣ (она не выносила свѣтлыхъ цвѣтовъ) Вѣра подошла къ отцу, наклонилась и поцѣловала его руку.

— Что скажешь, дѣвочка? Важное что нибудь?—шутливо обратился старикъ къ дочери.

Этотъ шутливый тонъ, такъ необы-

чайный въ отцѣ, какъ-то сразу успокоилъ Вѣру и подалъ ей надежду.

— Да, милый papá. То, что я хочу сказать вамъ, очень важно, для меня конечно,—нашла она въ себѣ силы отвѣтить свободно и легко.

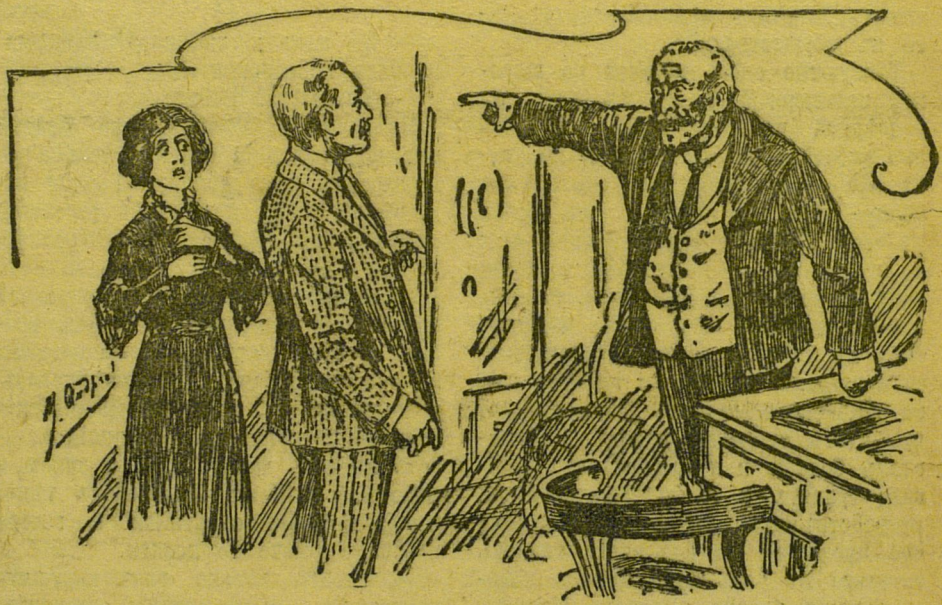
— О, ты меня интересуешь! Или получила, можетъ быть, какія нибудь извѣстія отъ мамá и Китти?

— О, нѣтъ! Я хотѣла поговорить совсѣмъ о другомъ.

свѣжести молодости. Но какое однако сходство съ покойной маманъ! Тѣ же черты, та же сухость фигуры у одной изо всей семьи. Дай только Богъ, чтобы темпераментъ Вѣры оказался другой, иначе было бы слишкомъ грустно".

Дочь неожиданно прервала нить его мыслей:

— Я не люблю никакихъ подходцевъ и хитростей, вы это знаете, и



«— Вонъ! Сію же минуту вонъ изъ моего дома! И если я увижу тебя здѣсь еще разъ,—я не ручаюсь, что не проучу тебя собственноручно, зазнавшійся хамъ, безстыдный наглецъ, нахалъ!» (Ст. 80.)

Тутъ Вѣра запнулась и смущенно взглянула мимо головы отца въ окно, на кусочекъ бирюзоваго неба, сквозившаго между верхушками стройныхъ пирамидальныхъ тополей.

Бончъ-Старнаковскій смотрѣлъ на дочь и думалъ въ это время:

„Бѣдняжка!.. какъ она нехороша собою! Въ ней совершенно нѣтъ женственности. Ей недостаетъ красокъ и

потому хочу быть вполнѣ откровенной съ вами и сразу. Я полюбила человѣка, котораго считаю лучшимъ и достойнѣйшимъ изъ людей... Онъ любитъ меня тоже... и будетъ у васъ сегодня, вѣрнѣе—сейчасъ, просить моей руки у васъ. Но, прежде чѣмъ онъ явится къ вамъ, я хотѣла подготовить васъ къ событію и... и... просить васъ повѣрить безкорыстному

чувству этого человѣка, который дѣйствительно любитъ меня.

Вѣра снова запнулась и покраснѣла; румянецъ залилъ все ея смуглое лицо густой волной.

Покраснѣлъ и Бончъ-Старнаковскій, но скорѣе отъ неожиданности, нежели отъ волненія.

— Вотъ какъ?—произнесъ онъ, внимательно и зорко глядя въ лицо дочери. — Вотъ какъ? Признаться, это для меня — сюрпризъ. Можетъ быть, знаетъ мама по крайней мѣрѣ о твоемъ... твоемъ выборѣ?

— О, нѣтъ, она ничего не знаетъ! Я пришла къ вамъ первому. Я...

Брови стараго дипломата нахмурились.

— Ну, кто же онъ, твой избранникъ?—все еще не спуская съ лица дочери зоркаго, пристальнаго взгляда и машинально теребя ножъ для разрѣзыванія книгъ, спросилъ старикъ.

— Это... Рудольфъ фонъ Штейнбергъ,—съ нѣкоторымъ усиліемъ произнесла дрогнувшимъ голосомъ Вѣра и вдругъ побѣлѣла, какъ платокъ: она увидѣла, какъ дрогнуло лицо ея отца, какъ судорожно свелись надъ переносицей его еще совсѣмъ черныя брови и трепетно-горестно изогнулись губы.

— Кто? — не вѣря своимъ ушамъ, произнесли эти губы.—Кто?—и темно-багровый старческій румянецъ сталъ медленно ползти и заливать лобъ, щеки, шею.—Что ты сказала? Кто? Рудольфъ? Сынъ нашего Августа Карловича? да? Или я не такъ тебя понялъ? Отвѣчай!

— Да... да...—скорѣе угадалъ, нежели разслышалъ, Владиміръ Павловичъ.

Наступила пауза, томительная для обоихъ. Она длилась довольно долго.

И вотъ неожиданно, юношески-бодро Владиміръ Павловичъ поднялся съ кресла и вытянулся во весь свой высокій, стройный ростъ.

— Ты говоришь,—съ усиліемъ выговаривая слова, произнесъ онъ, со страннымъ выраженіемъ глядя на дочь,—ты говоришь, что самъ онъ... этотъ... Рудольфъ явится ко мнѣ... самъ со своимъ предложеніемъ?

— Да, онъ уже по всей вѣроятности здѣсь и ждетъ, чтобы о немъ доложили.

И, выговаривая эти простыя слова, Вѣра рѣшительно не могла дать себѣ отчетъ, почему такъ предательски замѣтно вздрагиваетъ ея голосъ.

— Въ такомъ случаѣ позови его сюда... Пусть войдетъ!

Дѣвушка выходитъ и входитъ снова, и ей кажется, что полъ подъ ея ногами горитъ. За нею робкой походкой слѣдуетъ Рудольфъ. Его лицо блѣдно до синевы, но выпуклые глаза спокойны, и съ обычной горделивой самоувѣренностью сложены губы.

— Ага! Это — вы? Прекрасно! — и Владиміръ Павловичъ живо поворачивается въ сторону вошедшаго, и глаза его точно пронзаютъ его взглядомъ насквозь.

Съ минуту, показавшуюся невольно смутившемуся сейчасъ Рудольфу цѣлой вѣчностью, старикъ молча смотритъ на него тѣмъ же взглядомъ, какимъ по всей вѣроятности крыловскій слонъ смотрѣлъ на зазнавшуюся предъ нимъ моську. Подъ этимъ жуткимъ взглядомъ Штейнбергъ чувствуетъ себя какъ рыба на крючкѣ. Но, слава Богу, кажется, господинъ совѣтникъ прекратитъ сейчасъ непріятное молчаніе.

Тотъ дѣйствительно прекращаетъ его.

— Итакъ, господинъ Штейнбергъ, вы любите мою дочь?—съ непонятнымъ для Рудольфа выраженіемъ лица и глазъ спрашиваетъ старый баринъ.

«Мы еще, можетъ статься, встрѣтимся съ вами, господинъ совѣтникъ, и тогда вы поймете, что за ничтожество, что за хамъ — лейтенантъ Рудольфъ фонъ Штейнбергъ!» (Ст. 82.)

— Такъ точно, господинъ совѣтникъ, я люблю фрейлейнъ Вѣру.

— И хотите, если не ошибаюсь, просить у меня ея руки?

— Именно такъ, господинъ совѣтникъ. Я желалъ бы имѣть счастье просить руки вашей дочери.

— И вы увѣрены, что моя дочь любитъ васъ?

— О, господинъ совѣтникъ! — съ дѣланной скромностью произноситъ Рудольфъ,—если бы я не зналъ этого, то не рискнулъ бы... безпокоить ваше превосходитель...

Онъ не договариваетъ. Багровый, съ выкатившимися изъ орбитъ глазами Владиміръ Павловичъ подается впередъ, поднимаетъ руку и кричитъ задохнувшимся голосомъ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго отъ охватившаго его негодованія, бѣшенства и гнѣва, указывая на дверь:

— Вонъ! Сію же минуту вонъ изъ моего дома! И если я увижу тебя здѣсь еще разъ,—я не ручаюсь, что не проучу тебя собственноручно, зазнавшійся хамъ, безстыдный наглецъ, нахалъ!

* * *

Полдень. Длинныя тѣни отъ старыхъ вѣковыхъ дубовъ, отъ вершинъ дикаго орѣшника прихотливыми узорами бороздятъ лѣсныя тропы и поляны.

Въ лѣсномъ домикѣ идетъ лихорадочная работа. Рудольфъ и Фрицъ, оба въ тѣхъ же партикулярныхъ платьяхъ, стоя на колѣнахъ у края подполья, извлекаютъ оттуда все то, что такъ тщательно хранилось тамъ до этой минуты: планы, бумаги, снимки—снимки мѣстностей, окрестныхъ усадебъ и дорогъ и наконецъ планъ города и крѣпости, добытый Рудольфомъ съ такимъ трудомъ при ближайшемъ содѣйствіи его вѣрнаго денщика Фрица. Эти снимки, эти планы ему поручилъ сдѣлать самъ господинъ полковникъ фонъ Шольцъ, его ближайшій начальникъ по штабу.

— Лейтенантъ Штейнбергъ, — сказалъ онъ Рудольфу еще мѣсяцъ тому назадъ, отпуская молодого офицера какъ бы въ отпускъ, на побывку къ отцу, за русскую границу.—Вамъ извѣстна воля его величества, нашего могущественнаго и непобѣдимаго монарха? Вы знаете, что всѣ усилія кайзера приложены къ процвѣтанію славы, мощи и военной силы нашего дра-

гопѣннаго отечества. И вамъ должно быть извѣстно также, какъ великодушно умѣетъ отличать и награждать вѣрныхъ сыновъ дорогой родины нашъ обожаемый государь. За нимъ не пропадетъ ни малѣйшая услуга. Лейтенантъ Штейнбергъ, вы знаете, кто— наши исконніе враги, враги кайзера и великой націи, кто противостоитъ нашимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ на пути къ міровому могуществу? Конечно же Россія, больше всѣхъ остальныхъ странъ Россія, страна варваровъ и кнута, казаковъ и неотесаннаго, грубаго мужичья. Ихъ славянская кровь и злоба противъ насъ должны получить когда нибудь неизбѣжное возмездіе. И часъ этотъ приблизился, Штейнбергъ. По крайней мѣрѣ мы, германцы, давно приготовились къ нему; наша могучая армія давно ждетъ прыжка дикаго звѣря, чтобы съ должнымъ достоинствомъ отразить его во всеоружіи. Но, чтобы знать, откуда можетъ быть направленъ этотъ прыжокъ и куда мы должны ударить въ свою очередь, намъ нужно покрыть сѣтью съемокъ эту страну, знать каждый ея путь, каждую крѣпость, каждый городъ. Многіе изъ нашихъ смѣльчаковъ-офицеровъ храбро отдали себя дѣлу такихъ цѣнныхъ развѣдокъ, достиженія всякихъ возможностей въ смыслѣ планировки мѣстностей и дорогъ нашей неугомонной сосѣдки. И я предлагаю вамъ присоединиться къ нимъ, какъ знающему русскій языкъ и проведшему дѣтство среди русскихъ. Вообще вамъ легче, чѣмъ кому другому, удастся работать въ этомъ направленіи. Ну, такъ смѣло впередъ!

И Рудольфъ исполнилъ порученіе. Планы крѣпости и дорогъ давно пріобрѣтены имъ. Чего только не стоило ему это! Онъ переодѣвался въ грязныя лохмотья обнищавшаго шляхтича, наряжался торговцемъ ягодъ, просилъ милостыню подъ стѣнами цитадели,— словомъ, пользовался всѣми имѣющимися у него данными, чтобы какъ можно успѣшнѣе выполнить порученное ему дѣло. Теперь все кончено. Жаль только, что приходится съ такимъ позоромъ убираться во-свояси. Чего добраго, и старый отецъ еще лишится мѣста! И все это изъ-за глупой дѣвченки! Не надо было ему, Рудольфу, слушаться этой дуры и лѣзть съ просьбой руки и сердца къ старому, зазнавшемуся, спятившему съума маньяку, помѣшанному на своей родовой гордости. Слѣдовало просто увлечь дѣвченку и заставить ее тайкомъ бѣжать съ нимъ на его родину, въ Пруссію, тамъ повѣнчаться съ нею и уже оттуда хлопотать о врученіи имъ бабушкина наслѣдства, котораго не сможетъ лишить Вѣру ни одинъ дьяволъ въ мірѣ. Да и не каменный же наконецъ старикъ Бончъ-Старнаковскій! Вѣдь простилъ бы онъ когда нибудь дочку. А тогда... О, тогда, вращаясь въ ихъ кругахъ, онъ, Рудольфъ, могъ бы принести столько незамѣнимыхъ услугъ своей родинѣ, не говоря уже о томъ, что былъ бы мужемъ дѣвушки изъ старинной аристократической семьи со связями и положеніемъ въ Россіи.

Но вмѣсто этого онъ получилъ только брань и угрозы. Старый дипломатъ бранилъ его, какъ мальчишку, и даже угрожалъ ему, Рудольфу Августу Карлу фонъ Штейнбергу. Ага! Хорошо же! Надо быть трусомъ и идіотомъ, чтобы простить ему эти угрозы.

„О, я не забуду ни единаго, произнесеннаго совѣтникомъ, слова и... берегитесь, господинъ совѣтникъ! Мы еще, можетъ статься, встрѣтимся съ вами, и тогда вы поймете, что за ничтожество, что за хамъ лейтенантъ Рудольфъ фонъ Штейнбергъ!“

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Маленькій очаровательный городокъ южной Саксоніи. Онъ весь въ цѣпкихъ, ползучихъ гирляндахъ мелкихъ-мелкихъ горныхъ розъ, наполняющихъ его своимъ благоуханіемъ. Съ уступа на уступъ вьются эти живыя гирлянды прихотливыми изгибами пестрой душистой ленты. Нѣжно-бархатная зелень кустарниковъ составляетъ чудесный фонъ для ихъ алыхъ, пурпуровыхъ, блѣдно-розовыхъ и совсѣмъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Горы надъ Эльбой стоятъ, какъ алтари, окутанныя таинственной дымкой въ своемъ заколдованномъ кругу, омытыя у подножія зеленовато-синими волнами красавицы-рѣки. Она, какъ сказочная принцесса, заключена въ этотъ заколдованный кругъ, словно въ замокъ чародѣя, и мечется, и ропщетъ, и поетъ, и плачетъ, не находя изъ него выхода. Легкіе и изящные пароходики часто снуютъ по зелено-синимъ волнамъ Эльбы. По правому берегу, если держать путь отъ Дрездена, вьется дымящейся лентой поѣздъ. Онъ кажется игрушечнымъ, когда смотришь на него съ палубы парохода, скользящаго по рѣкѣ.

Маленькій городъ полнъ туристовъ, а также отдыхающихъ здѣсь послѣ лечебнаго курса курортныхъ больныхъ. Многихъ посылаютъ сюда нѣмецкіе и австрійскіе доктора, зная живительную прелесть горнаго воздуха этого самаго поэтичнаго уголка Саксоніи, гдѣ такъ сладко-дурманно пахнутъ розы по утесамъ и примирительно плачетъ красавица Эльба внизу. Здѣсь спокойно и уютно. Каждый день отъ четырехъ до семи вечера въ городскомъ паркѣ пѣвуче гремитъ струнный оркестръ, и скромная толпа, такъ отличающаяся отъ обычно нарядной толпы курорта, медленно дефилируетъ по главной эспланадѣ.

Ровно въ четыре, съ первыми звуками музыки, въ концѣ аллеи вотъ уже вторую недѣлю показывается маленькая группа людей, обращающихъ на себя всеобщее вниманіе. Опираясь одною рукою на руку высокаго, элегантнаго молодого человѣка въ без-

укоризненно сшитомъ лѣтнемъ костюмѣ, съ лицомъ и видомъ переодѣтаго принца, выступаетъ пожилая, величавая дама. У нея сѣдые волосы, желтое, обрюзгшее отъ болѣзни лицо и страдальческая улыбка. Другою рукою она опирается на руку прелестной дѣвушки, изысканно одѣтой въ эффектный, сшитый по послѣдней модѣ костюмъ. Изъ-подъ дорогой шляпы выглядываетъ миніатюрная головка съ правильными, точно выточенными, чертами, жизнерадостно сверкаютъ темные, блестящіе глаза. Эти глаза, похожіе на черныя звѣзды, какъ-то особенно ярко и эффектно дисгармонируютъ съ волотистыми пушистыми волосами. Ослѣпительная кожа, подернутая легкимъ румянцемъ, и гибкая, стройная фигура дѣвушки дополняютъ собою красоту двадцатичетырехлѣтней красавицы, Екатерины Владиміровны Бончъ-Старнаковской, или Китти, какъ зовутъ эту дѣвушку въ ея кругу.

Когда по утрамъ старуха Бончъ-Старнаковская беретъ ванну, а Китти въ обществѣ своего жениха—высокаго, смуглаго, съ карими серьезными глазами, своеобразно интереснаго молодого человѣка,—сидитъ на верандѣ гостиницы и просматриваетъ газеты или слушаетъ чтеніе Бориса Александровича,—всѣ окружающіе невольно обращаютъ на нихъ вниманіе и подолгу заглядываются на красивую пару. Когда же на музыкѣ они оба медленно движутся по аллеямъ и эспланадѣ городского парка,—ихъ провожаютъ не то завистливые, не то восхищенные взгляды гуляющихъ. Они пріѣхали сюда прямо изъ Карлсбада, по настоянію врачей, предписавшихъ отдыхъ и успокоительныя ванны Софьѣ Ивановнѣ, и чувствуютъ себя отлично среди цвѣтущихъ горъ саксонской Швейцаріи.

Затерянные среди чужихъ, незнакомыхъ людей, уставшіе послѣ шумной карлсбадской курортной жизни, полной суматохи, Китти и Борисъ совсѣмъ счастливы своимъ вынужденнымъ одиночествомъ въ Ш. Немного музыки, немного чтенія, немного милой, интимной болтовни. А эти дивныя прогулки верхомъ въ горы, къ знаменитымъ развалинамъ легендарнаго замка, повисшаго, какъ ласточкино гнѣздо, надъ стремниной пропасти! Китти, вполнѣ свѣтской и выдержанной барышнѣ, съ традиціями ея быта, съ малолѣтства привитыми къ ней, кажется, будто она, живя здѣсь, въ этомъ маленькомъ поэтичномъ раю, читаетъ какую-то упоительно интересную книгу, героиня которой, словно двѣ капли воды, похожа на нее. Какъ нова, какъ удивительно интересна такая жизнь! Идиллія, переживаемая ею въ присутствіи жениха, въ его обществѣ, кажется ей какою-то прелестной и изящно написанной повѣстью, увлекшей ее, читательницу, въ совсѣмъ новый и заманчивый міръ.

Короткія лѣтнія сумерки подкрались и сдвинулись надъ высокими горами и узкими, глубокими безднами. Отзвонилъ часы колоколъ на ратушѣ, и вслѣдъ затѣмъ сразу, какъ по командѣ, замолкла музыка въ городскомъ саду. Толпа гуляющихъ торопливо схлынула въ боковыя аллеи съ широкой эспланады парка, всѣ заспѣшили къ ужину, каждый въ свою гостиницу.

Опираясь на руку будущаго зятя, прослѣдовала и Софья Ивановна въ „Король Пруссіи“, лучшую гостиницу на набережной, гдѣ она занимала вмѣстѣ съ дочерью прелестное небольшое, обособленное помѣщеніе. Борисъ Мансуровъ остановился поблизости, въ другой гостиницѣ, черезъ дорогу.

— Ну, вотъ и довели вашу калѣку, дѣти!—тяжело переставляя посго-

явно отекавшія вслѣдствіе болѣзни почекъ ноги, говоритъ Софья Ивановна у порога салона. — Скучная обязанность, не правда ли, дорогіе мои, а тѣмъ болѣе, когда молодость зоветъ на волю, къ природѣ, къ тихому вечеру, къ радостямъ жизни. А я тутъ со своей болѣзнью, какъ на зло, стою вамъ поперекъ пути, требую отъ васъ столькихъ заботъ...

При этихъ словахъ она нервно морщится, какъ отъ боли.

Въ двѣ секунды Китти, замедлившая было въ маленькой прихожей, уже около матери.

— О, мама, не говорите такъ! Это вы-то намъ въ тягость? Борисъ, да успокой же ты mamà! скажи, что оказывать ей услуги—для насъ счастье.

И она своей милой головкой прижимается съ ей одной свойственной нѣжностью къ сухой, впавшей груди матери.

Слезы внезапно выступаютъ на глазахъ Софьи Ивановны. О, она вполнѣ вѣритъ въ искренность и любовь своей старшей дочери и платитъ ей въ свою очередь безграничной материнской любовью. Китти—ея любимица. Ей, матери, нравится эта прямая, открытая, жизнеспособная натура старшей дочери. Нѣтъ ничего сложнаго, непонятнаго въ душѣ Китти. Отецъ считаетъ ее даже недалекой, и это мнѣніе постоянно раздражаетъ Софью Ивановну. Китти далеко не глупа: она только простодушна и ясна, какъ ребенокъ, и, жадно любя жизнь, не скрываетъ этого. Ее, какъ дитя, радуетъ собственная красота, которую она не прочь подчеркнуть эффектной рамкой ввидѣ дорогихъ, модныхъ костюмовъ и золотыхъ украшеній, къ которымъ она чувствуетъ явное пристрастіе. Она любитъ и кокетство, не прочь, чтобы за нею ухаживали, но опять-таки это все—исключительно свойство ея сангвиническаго характера. Въ двадцать три года Китти—ребенокъ, а между тѣмъ чувствовать она умѣетъ тонко и глубоко. Это самымъ наглядымъ образомъ доказывается ея нѣжной привязанностью къ жениху и самоотверженной любовью къ ней самой, Софьѣ Ивановнѣ, искалѣченной болѣзнью матери. Съ Китти легко: у нея нѣтъ замкнутости и суровой угрюмости Вѣры, стоившей многихъ мукъ Софьѣ Ивановнѣ, ни увлекающагося, нервнаго темперамента Муси, исковерканной институтскимъ воспитаніемъ и не въ мѣру избалованной окружающими этого „enfant terrible“ семьи. На Толю, милаго кутилу, на чуткаго и славнаго весельчака Толю, гордость и бичъ семьи (какихъ долговъ надѣлалъ онъ въ позапрошломъ сезонѣ!), похожа Китти, но только она во сто разъ спокойнѣе и уравновѣшеннѣе брата. А какъ она самоотверженно ухаживаетъ за нею, больною, казалось бы, никому ненужной старухой! Другая, будучи невѣстой и находясь поблизости любимаго жениха, и думать позабыла бы о больной матери, а она, милушка, не отстаетъ ни на шагъ и не ищетъ уединенныхъ прогулокъ вдвоемъ съ Борисомъ.

И Софья Ивановна, преисполненная благодарности, нѣжно, съ любовью цѣлуетъ дочь.

II

— Смотри, какая красота, Борисъ!

Дѣйствительно красота! Въ восемь вечера здѣсь, надъ Эльбой, уже прочно воцарилась ранняя іюльская ночь. Луна набросила на горы и рѣку свою причудливую серебряную пряжу, и ихъ сказочная красота выступила ярче, рельефнѣе въ лучахъ задумчиваго мѣсяца. И темная Эльба вдругъ просвѣтлѣла на своей поверхности, на которую кто-то незримый и таинствен-

«Плотно прижавшись другъ къ другу, Борисъ и Китти сидѣли на кормѣ лодки». (Ст. 89.)

ный брызнулъ дождемъ расплавленнаго серебра. Пробѣжалъ послѣдній пароходъ и, словно прощаясь до утра, прогудѣлъ громкимъ, басовымъ звукомъ. Вдали свистнулъ дрезденскій поѣздъ, и все стихло.

Лодочникъ-саксонецъ съ грошевой зловонной сигарой во рту и со своимъ сизымъ носомъ меланхолически гребъ внизъ по теченію. Пахло розами съ берега, сыростью на рѣкѣ.

Плотно прижавшись другъ къ другу, Борисъ и Китти сидѣли на кормѣ лодки. Вдали сіяла серебряная дорога, по берегамъ сверкали безчисленныя, освѣщенныя окна гостиницъ. Кто-то запѣлъ подъ аккомпанементъ рояля незнакомый нѣмецкій романсъ.

— Тебѣ хорошо такъ, милая?—нѣжно наклоняясь къ лицу невѣсты, спросилъ Мансуровъ.

Его лицо въ этомъ причудливомъ голубовато-серебряномъ свѣтѣ казалось особеннымъ, полнымъ значенія.

— О, Борисъ!—могла только отвѣтить дѣвушка и крѣпко сжала его руку, не отрывая взора отъ его преображеннаго лица. Ея глаза нѣсколько секундъ разглядывали его съ явнымъ восторгомъ.—Какой ты смуглый, какой особенный!.. Знаешь, мнѣ иногда хотѣлось бы надѣть на твою голову старинную драгоцѣнную тіару, что носили древніе властители Востока, или накинуть на твои плечи бѣлый плащъ съ капюшономъ, чтобы ты сталъ похожимъ на бедуина со своими темными глазами и смуглымъ лицомъ. Не знаю почему, но я страстно люблю мистическій Востокъ, а у тебя типъ индійскаго раджи или молодого жреца египетскаго храма, толь-

ко что посвященнаго... Ну, словомъ, ты безгранично нравишься мнѣ, Борисъ! — неожиданно, съ дѣтски простодушной улыбкой заключила Китти.

— А я просто люблю тебя, моя радость.

— О, и я люблю тебя безгранично. Когда я думаю о томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наша свадьба, у меня становится такъ радостно и легко на душѣ!.. Я не боюсь будущаго, Борисъ. Моя любовь будетъ вѣчной.

— Ангелъ мой! Красавица моя!

— Да, да, вѣчной она будетъ, хотя—врагъ сантиментальности и трогательной привязанности до „могилы". Я прежде, до нашей встрѣчи, скептически относилась къ такой любви, а теперь, какъ видишь, сама люблю тебя такъ же и даже не допускаю ни малѣйшихъ варіацій на эту тему. Пойми, я боюсь даже подумать о томъ, что ты можешь привыкнуть ко мнѣ и охладѣть, что когда нибудь мои поцѣлуи не будутъ давать тебѣ ту острую волнующую радость, какую ты испытываешь теперь.

— Этого не можетъ быть, мое счастье! Ты слишкомъ хороша, слишкомъ волнующе прекрасна, чтобы съ тобою могла угаснуть волнующая страсть, любимая, обожаемая моя. Ты не можешь себѣ представить, что я переживаю, когда слушаю тебя, когда вижу твое милое личико, прижимаю твою родную головку къ своей груди. Ты вошла въ мою душу, Китти, влила сладкій и острый ядъ въ мои жилы, ты...

— Говори, говори!

— Я хочу говорить все то же, что и прежде, моя птичка,—старыя, знакомыя пѣсни. Я страстно люблю тебя, мою радость, царевну сказочную мою.

— О, говори, говори!..

— Насъ никто и ничто не разлучитъ съ тобою... Слышишь, Китти? Я хочу владѣть тобою одинъ, безраздѣльно, всю жизнь, поклоняться тебѣ, какъ рабъ—своей царицѣ, и властвовать надъ твоей душой, надъ твоимъ тѣломъ, какъ твой властитель и царь. Да, и надъ тѣломъ, радость моя, тоже.

— Говори!

О, рай какой, какая истома! Смуглое лицо Бориса съ худыми скулами, съ тонкими чертами, говорящими о породѣ, все пронизано сейчасъ беззавѣтно-страстной любовью. И каріе бархатные, мягкіе глаза какъ будто льютъ источникъ дивнаго, ласкающаго свѣта. Его горячая рука, лежащая на тальѣ Китти, жметъ ее черезъ тюль воздушнаго платья, черезъ шелкъ корсета. Какая мука, что въ двухъ шагахъ отъ нихъ торчитъ этотъ рыжій саксонецъ и явно недружелюбно поглядываетъ на счастливцевъ! Китти нельзя даже приникнуть сейчасъ къ любимому человѣку, положить голову на его плечо. О, какъ мучительно-страстно горятъ ея губы и ждутъ его поцѣлуевъ, ждутъ этихъ милыхъ губъ, которыми онъ такъ сильно впивается въ ея трепетный, уступающій ротъ!

Но саксонецъ, суровый и неутомимый, не сводитъ съ нихъ глазъ, ни на минуту не переставая мѣрно рѣзать веслами воду. Поневолѣ приходится владѣть собою и говорить о самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ вещахъ, въ то время какъ мозгъ такъ и пылаетъ дразнящими представленіями о бѣглой, отравленной страстью ласкѣ.

— Я получила нынче письмо отъ Муси,—неровнымъ голосомъ бросаетъ Китти и смотритъ, какъ загипнотизированная, на серебряную дорожку мѣсяца на водѣ.

— Да? Что она пишетъ?

— Пишетъ, во-первыхъ, о томъ, что

скука у нихъ „адская“, во-вторыхъ, что еще болѣе „адски“ скучаютъ они послѣ отъѣзда изъ Отраднаго папы и молодыхъ людей, что Вѣра стала тоже „адски“ несносной и то придирается ко всѣмъ, то плачетъ у себя въ комнатѣ запершись. Потомъ она еще пишетъ о сенсаціонной новости уже вполнѣ домашняго характера: папа разгнѣвался за что-то на Рудольфа Штейнберга и выгналъ его изъ дома, а вслѣдъ за этимъ отказалъ отъ мѣста и самому Августу Карловичу. Кажется, молодой Штейнбергъ надерзилъ папѣ.

— Вотъ какъ? Но почему же онъ отказалъ и старику? Вѣдь тотъ, кажется, чуть ли не пятнадцать лѣтъ управлялъ вашимъ Отраднымъ, и вполнѣ успѣшно.

— Ничего не понимаю! Ты знаешь эту безтолочь Мусю: она никогда ничего не сумѣетъ толково разсказать. Выражаетъ свое собственное мнѣніе (какое еще можетъ быть мнѣніе у шестнадцатилѣтней дѣвчурки!), а именно, что папа отказалъ нѣмцу изъ-за броженія?

— Изъ-за какого броженія?

— Изъ-за антинѣмецкаго конечно. Послѣ сараевскаго убійства и недостойныхъ выпадовъ двухъ державъ тройственнаго союза противъ Сербіи у насъ, видишь ли, убѣждены, что война неизбѣжна. Конечно ввиду возможности объявленія ея со стороны нѣмцевъ и австрійцевъ у папы, какъ у глубокаго патріота, не можетъ быть уже довѣрія и расположенія къ германскому подданному, какимъ является почтенный Августъ Карловичъ. Впрочемъ это—мнѣніе опять-таки Муси, а по-моему, здѣсь что-то не то.

— Твоя мать знаетъ обо всемъ этомъ?

— О, нѣтъ! Я постаралась скрыть отъ нея письмо. Ея здоровье требуетъ полнаго покоя, иначе шесть недѣль, проведенныя на водахъ, пойдутъ на смарку. Нѣтъ, я ничего не сказала ей про наши новости. Пріѣдетъ—сама увидитъ.

— Кстати объ отъѣздѣ. Черезъ нѣсколько дней кончается срокъ моего отпуска, голубка. Я надѣюсь, что вы вернетесь въ Россію со мною вмѣстѣ. Я долженъ быть въ Варшавѣ и явиться не позже будущаго четверга.

— Какое счастье, что мы еще сможемъ пробыть вмѣстѣ до конца августа! Вѣдь ты будешь пріѣзжать изъ твоей гадкой Варшавы каждый праздникъ въ Отрадное, не правда ли, милый?

— Разумѣется. А когда вы уѣдете въ свой гадкій Петербургъ — почему Варшава можетъ быть гадкой, а вашъ Петербургъ не можетъ? Какъ видишь, я послѣдователенъ и справедливъ,—то я стану считать дни и недѣли, остающіеся намъ до свадьбы. А тамъ прелестная Китти, царица петербургскихъ баловъ и моя царица, будетъ похищена своимъ „восточнымъ деспотомъ“— увы! не въ древней тіарѣ — и водворится въ Варшавѣ, гдѣ она несомнѣнно засіяетъ яркой звѣздой.

— Ахъ, хорошо это будетъ, милый! Лишь бы не было войны! Такъ темно и страшно дѣлается на душѣ, Борисъ, когда я подумаю о ней.

— Успокойся, дѣтка, никакая война не можетъ быть страшна для русскихъ.

— Но, говорятъ, Германія...

— Сильна, ты хочешь сказать? Пусть такъ, но въ ней нѣтъ того единства, которымъ сильны русская армія и русскій народъ.

И Борисъ еще долго и много говорилъ на эту тему. Китти, удовлетворенная вполнѣ, затихла и, прислонившись плечомъ къ плечу жениха, мечтательно смотрѣла на небо.

Лодка быстро и незамѣтно причалила къ берегу. Борисъ Александровичъ расплатился съ рыжимъ саксонцемъ, ловко выпрыгнулъ изъ лодки и осторожно, на рукахъ, вынесъ Китти. Теперь рука объ руку они стали подниматься по ступенямъ лѣстницы, ведущей къ гостиницѣ. Вотъ они исчезли за ея поворотомъ.

А рыжій саксонецъ-лодочникъ все еще стоялъ посреди своего легкаго суденышка съ потухшей сигарой во рту и смотрѣлъ имъ вслѣдъ съ явнымъ недоброжелательствомъ, злобно ворча себѣ подъ носъ:

— Проклятые русскіе!.. ненавистное славянское племя! Вы снова, какъ видно, захотѣли крови, хищники, что подговорили сербовъ учинить расправу надъ наслѣдникомъ Габсбургскаго дома? Берегитесь же! Не сойдетъ вамъ это съ рукъ! Будете знать, какъ обижать при посредствѣ этихъ остолоповъ-сербовъ благородныхъ нашихъ союзниковъ!

Теперь онъ уже не ворчалъ; со свистомъ и хрипомъ вылетали слова изъ горла взбѣшеннаго человѣка, въ то время какъ его кулаки грозили въ ту сторону, гдѣ по дорожкѣ, ведущей къ гостиницѣ, медленно подвигалась счастливая пара.

III.

Это началось какъ-то неожиданно, сразу.

Закупая заграничныя бездѣлушки для подарковъ домашнимъ, Китти, очарованная мгновенно (съ нею это случалось довольно часто) выставленной въ витринѣ блузкой, вошла спросить о цѣнѣ. Ее встрѣтили восхищенными взглядами и хозяинъ, стоявшій за конторкой въ отдѣленіи кассы, и молодой безусый приказчикъ, какъ двѣ капли воды, похожій на него, очевидно его сынъ.

Въ это утро мальчишки сновали уже по улицамъ Ш., крича во все горло:

— Германія и Австрія накануѣ великихъ событій! Сербія отказалась дать удовлетворительный отвѣтъ на ультиматумъ Австріи! Россія мобилизуетъ свои войска и готовится къ нападенію! Покупайте, покупайте, есть что почитать!

Китти накупила цѣлый ворохъ листковъ нѣмецкой прессы, гдѣ съ поразительной наглостью возводились невообразимыя небылицы на нашу родину. Не желая разстраивать мать до полученія болѣе правдоподобныхъ извѣстій ужъ изъ русскихъ источниковъ, которые запаздывали сюда доставкою на два дня, дѣвушка предпочла умолчать о газетныхъ сплетняхъ. Пользуясь лечебными часами матери, она вышла исполнить данныя ей порученія. На этотъ разъ Борисъ не сопровождалъ невѣсты, и она была одна.

Китти уже давно привыкла къ производимому ея красотой на людей впечатлѣнію и не нашла ничего новаго въ выраженномъ ей со стороны хозяевъ магазина восторгѣ.

А тѣ точно ошалѣли сразу—и отецъ, и сынъ: заметались, какъ угорѣлые, по магазину, разбрасывая предъ нею цѣлые десятки блузокъ, почти съ благоговѣніемъ заглядывая при этомъ въ глаза красивой дѣвушки.

— Фрейлейнъ нравится это? А можетъ быть, это? О, эта вещица просто-таки создана для васъ. У васъ такой цвѣтъ лица, что только вотъ эти кружева могутъ быть достойны прилегать къ вашимъ прелестнымъ щечкамъ!

— Благодарю васъ. Но сколько это стоитъ однако? Вотъ эта блузочка напримѣръ?

— Двадцать марокъ... А эта—пятнадцать, а эта—восемь... Онѣ только сейчасъ доставлены изъ Берлина.

«— Русская! Безстыдная русская! — завопилъ хозяинъ магазина, стуча кулакомъ по прилавку и въ изступленіи топая ногами». (Ст. 97.)

— Какъ? Вы развѣ—не саксонцы?

— Пруссаки, кровные пруссаки, хотя и живемъ въ самомъ сердцѣ Саксоніи всѣ послѣдніе годы.

— Однако мнѣ это дорого. Двадцать марокъ—изрядная сумма. Знаете, приходится экономить на обратномъ пути. Когда ѣхали сюда, сдѣлали и такъ много закупокъ.

— А вы повидимому — иностранка, не такъ ли?

О, какой вкрадчивый голосъ и какіе влюбленные масленые глазки сдѣлались у хозяина магазина вотъ сейчасъ, въ эти мгновенья, когда онъ не сводилъ взора съ лица Китти.

— Да, я — иностранка, — отвѣтила дѣвушка, разглядывая блузку.

— Англичанка конечно или американка? Такіе прекрасные волосы и кожа могутъ встрѣчаться только у нихъ.

— Нѣтъ, ни то, ни другое. Я — русская.

— О! — вмигъ плотоядно нащупывающіе глазки стараго нѣмца округлились, какъ у птицы, загорѣлись бѣшенствомъ и запрыгали, налившись кровью. — Русская! Безстыдная русская!—завопилъ онъ, стуча кулакомъ по прилавку и въ изступленіи топая ногами.—А еще смѣетъ приходить... смѣетъ торговаться... говорить, что дорого... О, варвары! о, злодѣи! И они еще здѣсь? ихъ еще не вышвырнули за порогъ нашей прекрасной родины?

Пруссакъ былъ, какъ безумный. Онъ выскочилъ изъ-за прилавка и одной рукой указывалъ на дверь Китти, а другой тыкалъ жирнымъ пальцемъ въ плечо ошалѣвшей отъ испуга дѣвушки.

Не помня себя, она выскочила за порогъ магазина и стала спѣшно удаляться отъ ужаснаго человѣка, все еще продолжавшаго неистовствовать у своего порога и выкрикивать какую-

то безсмысленную брань и угрозы ей вслѣдъ.

Взволнованная и потрясенная прибѣжала въ гостиницу Китти и, запершись въ своей комнатѣ, дала полную волю слезамъ. Наплакавшись она смыла слѣды слезъ съ лица студеной водой и, только вполнѣ успокоенная, рискнула пойти къ матери. Отъ нея, какъ и отъ Бориса, дѣвушка рѣшила скрыть полученное ею оскорбленіе. И безъ того имъ было нелегко теперь. Прислуга въ гостиницѣ, до сихъ поръ сгибавшаяся въ три погибели предъ „ея превосходительствомъ", такъ какъ получала щедрые „на-чаи" отъ Софьи Ивановны, теперь спустя рукава прислуживала Бончъ-Старнаковскимъ, какъ и всѣмъ пріѣзжимъ русскимъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ говорила дерзости. Въ воздухѣ пахло грозою. Тучи на политическомъ горизонтѣ замѣтно сгущались. Слово „война" было теперь у всѣхъ на устахъ. Больные и здоровые спѣшно устраивали свои дѣла, ликвидировали леченіе и, уложивъ чемоданы, спѣшили уѣхать на Дрезденъ и дальше на Берлинъ.

А потомъ сразу наступилъ сумбуръ, началось поголовное бѣгство. Поѣзда и пароходы брались съ боя.

Бончъ-Старнаковскіе и Мансуровъ вмѣстѣ съ другими русскими спѣшно покинули прелестный, поэтичный уголокъ. Какъ славно провели они здѣсь эти двѣ недѣли. Въ какой холѣ и довольствѣ прожили тутъ! А теперь? Прислуга, метръ-д'отель, лакеи и дѣвушки провожали ихъ съ суровыми лицами; хмуро супились брови; непріязненно, исподлобья, недружелюбно смотрѣли глаза. Слышались нелестныя выраженія о Россіи и русскихъ. Какъ-то сразу забывались русская щедрость, подарки, чаи.

— Еще одинъ день проволочки—и я, кажется, не вынесу, — съ тоскою говорила Софья Ивановна, у которой подъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ волненій снова разыгралась ея старая болѣзнь.

— Успокойтесь, мамочка, дорогая. Только бы намъ добраться до Берлина, а тамъ все будетъ хорошо, — и Китти, какъ ласковая кошечка, прижималась къ матери, заглядывала ей въ глаза и всячески старалась нѣжностью и заботами облегчить ея муки.

Подъ вліяніемъ этой ласки отходила печаль отъ сердца старой дамы.

— Борисъ, другъ мой, вы будете самымъ счастливымъ мужемъ на земномъ шарѣ. Она—сокровище, которое посылаетъ вамъ Богъ. Берегите ее!— говорила растроганнымъ голосомъ Софья Ивановна, гладя пушистые волотые волосы прильнувшей къ ея груди головки.

— Я это знаю, Софья Ивановна. Я знаю, что Китти—ангелъ,—и Мансуровъ спѣшилъ поцѣловать руку будущей тещи.

Какъ ни грустно, какъ ни тяжело было создавшееся положеніе, онъ и Китти все-таки были счастливы. Онъ часто ловилъ на себѣ взглядъ милыхъ темныхъ, искрящихся любовью глазокъ, и душа его снова пѣла вразрѣзъ угрожающей атмосферѣ, на зло предстоявшимъ еще испытаніямъ, наперекоръ всему. Вѣдь этотъ темноглазый золотоволосый ангелъ любитъ его. Что же ему больше?

IV.

— Я не узнаю Берлина. Боже мой, что сталось съ его спокойной, добродушной толпой? Борисъ, мама, почему они бѣснуются? о чемъ кричатъ? чего просятъ?

— Это—война, Китти, жестокое, коварное страшилище, фантомъ въ безобразной личинѣ страданій и смерти.

Откинься въ глубину и не смотри на нихъ! Пусть лучше и они не видятъ насъ и не обращаютъ на насъ вниманія.

Автомобиль ускоряетъ ходъ по знаку, данному Борисомъ шоферу, и, завернувъ за уголъ, вылетаетъ на Фридрихштрассе *). Здѣсь собралась еще большая толпа, нежели на оставшейся за ними Лейпцигерштрассе **). Море, цѣлое море, выступившее изъ береговъ.

— Ко дворцу, ко дворцу, дѣти! Самъ великій кайзеръ будетъ нынче говорить со своимъ народомъ! Ко дворцу! Впередъ! Гохъ, Германіи! Гохъ Вильгельму! Гохъ союзной Австріи! Долой Россію! Долой Сербію! Францію!.. Всѣмъ союзникамъ ихъ позоръ и смерть!—надрываются почтенные бюргеры, безусая молодежь, солдаты, мальчишки и визжатъ, точно ихъ рѣжутъ, изступленными голосами женщины.

И снова несется долго несмолкающее „гохъ“ въ честь „непобѣдимаго“ Вильгельма, его народа и арміи.

Автомобиль не умолкая трубитъ и влетаетъ въ толпу. Нѣсколько человѣкъ выскакиваетъ чуть не изъ-подъ самыхъ колесъ машины.

— Стопъ, дѣти!—слышится чей-то возгласъ.—Да вѣдь это—русскіе!

— Такъ и есть, именно они. Долой русскихъ! Собаки, свиньи, проклятые!.. Долой Россію, смерть ей!

Шоферъ невольно уменьшаетъ ходъ, и машина медленно подвигается среди волнъ разбушевавшейся и озвѣрѣвшей толпы. Вокругъ испуганныхъ русскихъ тѣснятся искривленныя ненавистью и ожесточеніемъ лица, потрясаютъ въ воздухѣ сжатыми кулаками. Несутся отборная ругань, угрозы.

Блѣдная, чуть живая отъ волненія, откинувшись на подушки сидѣнія, Софья Ивановна каждую минуту готова лишиться чувствъ. Они только вчера выбрались изъ Дрездена и, переночевавъ кое какъ въ гостиницѣ подъ непрерывные крики и шумъ бушующаго и пьянаго отъ злобы и ненависти Берлина, спѣшатъ на Фридрихштрасскій вокзалъ. Болѣзнь почекъ даетъ чувствовать себя особенно сильно въ послѣднія сутки Софьѣ Ивановнѣ. Какъ будто совсѣмъ безъ пользы прошелъ шестинедѣльный курсъ самаго тщательнаго, упорнаго и добросовѣстнаго леченія. Старуха теперь только и думаетъ объ одномъ: лишь бы добраться до родины, а тамъ хоть и умереть. Повременамъ, когда крики обезумѣвшей толпы становятся уже черезчуръ грозными и жуткими, она съ ужасомъ смотритъ на дочь. Лицо Китти бѣло, какъ бумага, глаза тревожно устремлены на мать.

— Мама, голубушка, не бойтесь!.. Сейчасъ доѣдемъ. Ахъ, Боже мой! Вѣдь нужно же было попасть сюда въ самый день объявленія войны! Шоферъ, умоляю васъ ѣхать скорѣе. Борисъ, скажи ему!

— Долой Россію! Долой Сербію и Францію!—все громче и сильнѣе разрастаются крики, а вслѣдъ затѣмъ звучитъ національный гимнъ.

— Шоферъ, двадцать марокъ начай... Скорѣе!—коротко бросаетъ Борисъ.

Тотъ оборачивается торжествующій, злобный и смотритъ съ вызовомъ въ лицо русскихъ.

— Не поѣду,—грубо бросаетъ онъ по-нѣмецки.—Не поѣду дальше, не повезу русскихъ... Я—тоже патріотъ.

— Пятьдесятъ!—еще короче и рѣзче бросаетъ Мансуровъ, и Китти видно, какъ вздрагиваютъ его скулы, а руки инстинктивно сжимаются въ кулаки.

Но „патріотъ“ повидимому вполнѣ

*) и **) Наиболѣе оживленныя улицы Берлина.

удовлетворенъ чаевою суммою въ пять-десятъ марокъ и во весь духъ теперь пускаетъ свою машину. Толпа оретъ, грозитъ и бушуетъ уже имъ вслѣдъ. Они въ безопасности и черезъ шесть минутъ уже на вокзалѣ.

* * *

— Слава Богу! Хоть какъ нибудь, но ѣдемъ домой,—и, говоря это, Китти облегченно вздыхаетъ.

На вокзалѣ сумятица и невообразимый содомъ. Сегодня пять тысячъ русскихъ, застигнутыхъ въ заграничныхъ курортахъ объявленіемъ войны, спѣшатъ отсюда на родину. Колоссальная толпа собралась на вокзалѣ. Видъ у всѣхъ испуганный, встревоженный, ошалѣлый.

— Будетъ еще поѣздъ? Ради Бога скажите только, будетъ еще поѣздъ нынче до границы или нѣтъ?—слышатся отчаянные возгласы то въ одной, то въ другой группѣ.

Начальникъ поѣзда, красный, упитанный, самодовольный, чувствуетъ себя господиномъ положенія, ходитъ павою и поглаживаетъ густо нафабренные фиксатуаромъ усы. Онъ играетъ, какъ кошка съ мышью, со всею этой толпой.

— Поѣзда не будетъ!—неожиданно изрекаетъ онъ съ неподражаемымъ жестомъ величія и презрѣнія по адресу всей этой толпы.

Раздаются восклицанія ужаса, истерическіе крики, плачъ женщинъ. Многіе уже успѣли купить себѣ билетъ на послѣднія деньги и теперь, оставшись безъ гроша въ карманѣ, не знаютъ, что предпринять.

Но грозный олимпіецъ, натѣшившись вдоволь своей шуткой, уже кричитъ громко:

— Въ вагоны! Тотчасъ же въ вагоны! Да не мѣшкайте же, чертъ возьми! Поѣздъ на Штеттинъ. Кто ѣдетъ черезъ Штеттинъ въ Швецію. Русско-нѣмецкая граница уже закрыта.

Снова сутолока, паника, слезы. Немногимъ счастливцамъ удалось попасть въ поѣздъ. Жандармы суютъ людей, какъ куколъ, по двадцати пяти человѣкъ въ купэ, гдѣ мѣста имѣется развѣ на шестерыхъ только. Слѣдомъ за публикой въ вагоны входятъ и солдаты съ ружьями.

— Зачѣмъ солдаты?—слышатся робкіе возгласы.

— Шторы на окнахъ спустить! Въ окна не смотрѣть! За малѣйшее ослушаніе виновные подлежатъ разстрѣлу!—звучитъ по всѣмъ отдѣленіямъ поѣзда, и, стуча сапогами и прикладами, солдаты занимаютъ всѣ его проходы и корридоры.

Наконецъ слышится свистокъ. Поѣздъ трогается.

— Слава Богу!—еще разъ шепчетъ блѣдная, измученная Китти и тихонько крестится подъ дорожной накидкой.

* * *

Да, поѣздъ двигается. Сжатая со всѣхъ сторонъ Софья Ивановна съ воскресшими въ ея тѣлѣ мучительными страданіями полусидитъ, полулежитъ частью на сидѣньѣ дивана, частью на чьемъ-то чемоданѣ, попавшемъ ей подъ ноги. Китти сжалась тутъ же, подлѣ нея. Борисъ пристроился въ дверяхъ и не сводитъ взора съ невѣсты и будущей тещи. Какъ блѣдны онѣ обѣ, какъ настрадались, бѣдняжки! Онъ охотно перенесъ бы какія угодно муки, лишь бы облегчить имъ ихъ долю. Но что онъ можетъ сдѣлать теперь? О, проклятая безпомощность, проклятое безсиліе!

А въ купэ между тѣмъ становится нечѣмъ дышать. Іюльскій полдень душенъ, какъ предъ грозою, атмосфера насыщена, накалена электричествомъ, а окна нельзя открывать по предпи-

«Чрезъ открытую дверь видно, какъ два драгуна-офицера, стоя у окна, оживленно обмѣниваются между собою замѣчаніями и игривыми словечками». (Ст. 105.)

санію неумолимаго нѣмецкаго начальства. Жаловаться тоже нельзя. Грозно вытянулась въ корридорѣ щетина штыковъ караула. Солдаты чувствуютъ себя свободно, какъ дома, и наступаютъ огромными сапожищами на расположившихся на полу путешественниковъ, которымъ нехватило мѣстъ въ купэ. Чрезъ открытую дверь видно какъ два драгуна-офицера, дымя зловонными сигарами, стоя у окна, оживленно обмѣниваются между собою замѣчаніями и игривыми словечками по поводу находящихся въ отдѣленіи молодыхъ дамъ и барышенъ. Ихъ глаза все чаще и чаще направляются въ ту сторону, гдѣ, уронивъ усталую золотистую головку на плечо матери и полузакрывъ глаза, сидитъ Китти. Она устроилась у самаго входа, и живая стѣна пассажировъ и пассажирокъ не закрываетъ ея отъ глазъ двухъ собесѣдниковъ. Оба офицера повидимому пьяны, отъ нихъ пахнетъ пивомъ. Замаслившимися глазами впиваются они въ красивую дѣвушку, и ихъ лица, лишенныя индивидуальности, словно склеенныя изъ папье-маше по общему прусскому образцу, пылаютъ.

— Недурна! положительно хороша! И цвѣтъ волосъ необыкновенный. Что вы скажете на это, господинъ оберъ-лейтенантъ? — говоритъ офицеръ помоложе своему товарищу по оружію, у котораго распущенные рыжіе усы торчатъ, какъ у кота въ мартѣ.

— Крашеная!—пренебрежительно роняетъ тотъ.

— Гм... Вы думаете?

— Крашеная конечно!.. Такихъ волосъ не бываетъ на самомъ дѣлѣ даже у француженокъ. А впрочемъ...

— Но не все ли равно—крашеная она или нѣтъ? На мой взглядъ, она—все-таки милашка. Не глядите на нее, а то я стану ревновать, — размякшимъ голосомъ тянетъ младшій.

— Не бойтесь, хватитъ на обоихъ—

на товарищескихъ началахъ подѣлимся,—цинично хохочетъ старшій.—Дѣвка, право же, стоитъ того, чтобы позаняться ею, н-да!

— А старую вѣдьму куда вы дѣнете? Красавица, какъ видите, приклеена къ ней.

— Постойте! У меня есть предписаніе проконтролировать паспорта и сдѣлать поголовный обыскъ на первой же остановкѣ. Вы убѣдитесь сами, что за блестящая идея пришла мнѣ въ голову.

— Вы всегда были геніально изобрѣтательны, господинъ оберъ-лейтенантъ, я это знаю...

— Ну, ну, другъ мой, не льстите! Это не измѣнитъ дѣла. Говорю вамъ: если красотка пришлась и вамъ по вкусу, дѣло въ шляпѣ—она наша.

— Какъ такъ?

— А вотъ увидите, дайте время!

Голоса этихъ офицеровъ, пониженные до шепота, не слышны ни въ купэ, ни въ грушѣ солдатъ, занявшихъ корридоръ этого отдѣленія, но масленые взгляды обоихъ все смѣлѣе и настойчивѣе останавливаются на Китти. Эти взгляды заставляютъ каждый разъ дѣвушку вздрагивать, она уже замѣтила ихъ. Какое-то темное предчувствіе вползаетъ ей въ душу, становится страшно, мучительно страшно отъ этихъ взглядовъ.

А поѣздъ, хотя и медленно, все-таки подвигается впередъ.

V.

Поѣздъ все двигается тихо-тихо, почти ползетъ. Женщины и дѣти чуть живы отъ духоты и тѣсноты.

— Пить, мама, я хочу, пить,—лепечетъ хорошенькій еврейскій мальчикъ, и глаза его глядятъ съ мольбою.

Больная, едва держащаяся на ногахъ, молодая дама, которой всего недѣлю назадъ сдѣлали сложную операцію въ Берлинѣ, говоритъ, страдальчески изгибая брови:

— Я знаю... о, я знаю... Мнѣ не доѣхать до Петербурга, я умру...

Двѣ совсѣмъ юныя дѣвушки, ѣдущія со старикомъ-отцомъ изъ Киссингена, волнуясь хлопочутъ около старика, почувствовавшаго себя дурно.

— Ради Бога капель или нашатырнаго спирта! У кого, господа, есть нашатырный спиртъ?—молятъ чуть не со слезами онѣ. — И откройте окно ради Бога! Нашему отцу дурно... Это отъ духоты, — растерянно лепечутъ онѣ.

— Ни съ мѣста!—пьянымъ голосомъ оретъ изъ корридора офицеръ съ лицомъ изъ папье-маше. — Руки прочь! Каждый, кто подойдетъ къ окну, будетъ разстрѣлянъ.

Вдругъ поѣздъ останавливается сразу. За спущенными занавѣсками нельзя узнать, гдѣ стоитъ онъ: у станціи или среди поля.

— Это—Кенигсбергъ?—освѣдомляется кто-то у солдатъ, расположившихся въ корридорѣ.

— Нѣтъ, вашъ Петербургъ, онъ самый! Ха-ха-ха! Что, не вѣрите развѣ?—грубо гогочетъ въ отвѣтъ оберъ-лейтенантъ.

Лица начальника караула и другого офицера принимаютъ злобное выраженіе.

— Всѣмъ выходить! Живо! Ну же, шевелитесь! Намъ некогда! Маршъ!—кричитъ первый и, взбрасывая стеклышко монокля въ глазъ, уже не отрываясь смотритъ теперь поверхъ другихъ головъ прямо въ лицо Китти.

Въ тщательно прилизанной на проборъ головѣ нѣмца, одурманенной винными парами, медленно шевелятся мысли:

„Какъ однако блѣдна эта бѣдняжка!.. Но кто этотъ молодецъ, что наклоняется къ ней и предлагаетъ ру-

ку старой дамѣ? Что онъ говоритъ? Кто онъ ей? Мужъ, женихъ, братъ или просто случайный попутчикъ-знакомый? Кто пойметъ этотъ варварскій языкъ? Во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ этотъ молодчикъ, онъ можетъ помѣшать дѣлу. Надо принять свои мѣры".

— Господинъ лейтенантъ!—кричитъ старшій офицеръ младшему, съ которымъ непринужденно болталъ до этой минуты въ корридорѣ, — вы отдѣлите мужчинъ отъ женщинъ. У меня есть предписаніе высшаго начальства обыскать всѣхъ пассажировъ. Получено извѣстіе, что съ этимъ поѣздомъ ѣдутъ переодѣтые въ женское платье шпіоны.

Онъ кричитъ это на все отдѣленіе, непринужденно и громко, по-нѣмецки, но пассажиры прекрасно поняли его слова. Среди нихъ начинается паника; когда же ретивый лейтенантъ обращается уже непосредственно къ оторопѣвшей и испуганной до полусмерти публикѣ, сбившейся, какъ стадо, въ одну кучку: „Вонъ изъ вагоновъ! Вы слышите? Живо! Маршъ!"—начинается отчаянная давка, сопровождаемая всхлипываніями женщинъ и дѣтскимъ плачемъ.

— Боже мой! Да что же они хотятъ отъ насъ наконецъ?—съ тоскою шепчутъ губы Китти, помогающей Мансурову выводить изъ вагона мать.

Тотъ упорно молчитъ. Его зубы сжаты, сильныя руки поддерживаютъ почти безчувственную, съ восковымъ, какъ у покойницы, лицомъ, Софью Ивановну; только нервно двигаются его худощавыя скулы да мрачно горятъ темные глаза. Съ трудомъ выбираются они на платформу.

Поѣздъ стоитъ у какой-то станціи. Какой-то городокъ; каменныя зданія, старинныя узкія улицы, то бѣгущія вверхъ въ гору, то низвергающіяся въ ложбину. На вершинѣ холма, расположеннаго въ центрѣ города, живописно высится не то замокъ, не то крѣпость.

— Вонъ изъ вагоновъ! Васъ не повезутъ дальше. Поѣзда черезъ границу нѣтъ. На Штеттинъ тоже нѣтъ поѣзда, и всѣ вы объявлены военнопленными,—зловѣще проносится по вагонамъ и платформѣ.

Это новое извѣстіе, подобно грому небесному, разражается надъ несчастными путешественниками. Слышатся крики отчаянія, мольбы, истерики, слезы. Кому-то изъ женщинъ сдѣлалось дурно, кто-то со смертельнымъ крикомъ ужаса грохнулся о-земь.

Между тѣмъ солдаты поѣзднаго караула не теряютъ времени даромъ. Они грубо, прикладами выталкиваютъ медлящую выходить изъ вагоновъ на перронъ публику, не щадя ни возраста, ни пола. Цѣлый лѣсъ штыковъ выстроился на платформѣ.

Съ другой стороны платформы стоитъ поѣздъ, отправляющійся на Берлинъ. Въ немъ ѣдутъ запасные; они всѣ поголовно пьяны и орутъ пѣсни, высовываясь изъ оконъ. Изъ того же поѣзда, изъ вагона перваго класса, выходятъ два офицера. Около штабнаго полковника, одѣтаго съ иголочки въ блестящій мундиръ, вертится красивый бѣлокурый офицеръ съ фигурой атлета, тоже изъ штаба, съ портфелемъ подъ мышкой. Они оба очевидно заинтересовываются „военнопленными" и подходятъ, чтобы взглянуть поближе на „русскихъ дикарей". Послѣдніе уже всѣ на платформѣ и оцѣплены стѣною штыковъ. Вдругъ неистовый оберъ-лейтенантъ, играя стекляшкомъ, снова кричитъ:

— Женщины въ вагонъ! Мужчины въ ревизіонную!

Снова начинается давка. Толпа, только что съ трудомъ вылѣзшая изъ вагоновъ и состоящая по большей ча-

сти изъ больныхъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, должна снова протискиваться назадъ, въ свои купэ.

— Но это Богъ знаетъ что такое! Вѣдь это же—издѣвательство наконецъ. Такъ не поступаютъ порядочные люди! — громко кричитъ Мансуровъ, пробивая себѣ дорогу къ неистовствующему оберъ-лейтенанту.

Но тотъ уже въ вагонѣ.

Борисъ бросается за нимъ слѣдомъ, но солдатъ грубо отталкиваетъ его отъ двери и, направляя на него лезвее штыка, кричитъ:

— Куда? Или оглохли? Сказано, оставаться здѣсь.

Поддерживая мать, Китти, съ трудомъ передвигая ноги, входитъ въ купэ. Съ ними входитъ еврейка со своимъ сынишкой, не перестающимъ плакать отъ жажды, и двѣ юныя дочери больного старика. За ними тянутся другіе пассажиры съ испуганными, взволнованными лицами, встревоженные за участь оставшихся на перронѣ мужчинъ.

Неожиданно на порогѣ того купэ, куда снова вернулись мать и дочь Бончъ-Старнаковскія, появляется знакомая фигура въ каскѣ со стеклышкомъ въ глазу—оберъ-лейтенантъ, главный конвоиръ этого поѣзда. Изъ-за его спины выглядываетъ его младшій товарищъ. Отчеканивая каждое слово, старшій офицеръ говоритъ:

«Оберъ-лейтенантъ, какъ-то нелѣпо взмахнувъ въ воздухѣ руками и ногами, былъ отброшенъ въ сторону». (Ст. 114.)

— Намъ извѣстно, что здѣсь, въ этомъ именно купэ, среди женщинъ скрывается переодѣтый мужчина-шпіонъ. Съ цѣлью обнаружить его, намъ предписано произвести строжайшій осмотръ.

Пассажирки со страхомъ оглядываются.

Тутъ глазъ подъ моноклемъ, обѣжавъ лица присутствующихъ въ купэ женщинъ, внезапно останавливается на лицѣ Китти.

— Не угодно ли вамъ будетъ, фрейлейнъ, пройти въ сосѣднее купэ?—безстрастно роняетъ хриплый, деревянный голосъ.

— Что? Почему? Я не понимаю причины,—лепечутъ чуть слышно совсѣмъ бѣлыя отъ волненія губы дѣвушки.

Легкій крикъ срывается у кого-то—крикъ испуга, протеста, ужаса.

Китти замѣтно блѣднѣетъ; теперь нѣтъ ни кровинки въ ея измученномъ лицѣ. Она взглядываетъ на мать, какъ бы ища поддержки.

Софья Ивановна сейчасъ почти страшна. Ея глаза, округленные ужасомъ, глядятъ, какъ у безумной; пальцы судорожно вцѣпились въ руку дочери, и она твердитъ одно и то же, одно и то же нѣсколько разъ подрядъ:

— Gehen Sie weg *)! Я не пущу съ вами моей дочери. Gehen Sie weg!

— А я, сударыня, не уйду безъ барышни. Мнѣ необходимо произвести тщательный осмотръ. Ваша дочь болѣе, чѣмъ кто либо, судя по ея внѣшнему виду,—тутъ вооруженный монокклемъ глазъ съ циничной откровенностью останавливается на гибкой, высокой и тонкой, какъ у мальчика, фигурѣ Китти,—подходитъ къ объекту нашего подозрѣнія. Ну-съ, фрейлейнъ, не угодно ли вамъ будетъ слѣдовать за мною? Не извольте задерживать остальныхъ.

— Нѣтъ, я не пойду. У насъ есть паспорта... Мама, покажите паспортъ. Вотъ, вы убѣдитесь, я—дочь тайнаго совѣтника Бончъ-Старнаковскаго, и ни о какомъ шпіонѣ, какъ видите, здѣсь не можетъ быть и рѣчи,—гордо произноситъ Китти, окидывая пруссака взглядомъ, полнымъ презрѣнія, и протягивая ему паспортную книжку.

Офицеръ мелькомъ кидаетъ на нее взглядъ и говоритъ снова:

— Упрямство не приведетъ ни къ чему, увѣряю васъ, фрейлейнъ. За насъ законъ и сила, примите это къ свѣдѣнію, и, чего бы намъ это ни стоило, васъ все равно обыщутъ и раздѣнутъ до-гола.

— Что?

Отчаянный крикъ вырывается изъ груди Бончъ-Старнаковской. Софья Ивановна вдругъ слабѣетъ, выпускаетъ руку дочери и, обезсиленная, лишившаяся чувствъ, валится на подушки дивана.

Прусскій офицеръ какъ будто только и ждалъ этого момента. Онъ стремительно кидается впередъ, схватываетъ Китти за руку и тащитъ ее за собою въ корридоръ.

— Борисъ! — неожиданно громко и отчаянно кричитъ дѣвушка. — Сюда, Борисъ! Ко мнѣ, ради Бога!

Все послѣдующее произошло такъ быстро, что врядъ ли кто изъ присутствующихъ могъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что случилось: какъ откуда-то появился смуглый, съ горящими глазами, въ дорожномъ пальто, молодой человѣкъ, Богъ вѣсть какимъ образомъ пробившійся въ вагонъ съ платформы черезъ цѣпь караульныхъ. Опомнились лишь тогда, когда оберъ-лейтенантъ, какъ-то нелѣпо взмахнувъ въ воздухѣ руками и ногами, былъ отброшенъ въ сторону и вырвавшаяся изъ его рукъ Китти рыдала на груди подоспѣвшаго Мансурова.

— Голубка моя, успокойся! Родная моя!.. Этотъ негодяй не посмѣетъ тронуть тебя, — говоритъ онъ, обвивая рукой вздрагивающія плечи невѣсты.

Но „негодяй“ уже успѣлъ оправиться, вскочить на ноги, подобрать и снова водрузить выскочившій изъ глаза монокль, и теперь, сжимая кулаки, багровый отъ ярости, подступалъ къ Борису.

*) Уходите прочь!

— Такъ-то? Бунтъ? Бунтъ и вмѣшательство въ распоряженія высшаго начальства? Взять его! Живо! И въ крѣпость, на военный судъ... на разстрѣлъ!

Едва успѣлъ прокричать эти слова рѣзкій, какъ-то сразу протрезвѣвшій голосъ, какъ солдаты бросились къ Борису, схватили его и, вырвавъ изъ объятій рыдающей Китти, потащили изъ вагона. Оберъ-лейтенантъ, попрежнему взбѣшенный и багровый, бросился за ними.

— Разстрѣлять! Разстрѣлять! Разстрѣлять! — безсмысленно повторялъ онъ, жестикулируя, словно въ забытьѣ, и вдругъ смущенно осѣкся, увидѣвъ въ двухъ шагахъ отъ себя блестящихъ штабныхъ офицеровъ, приблизившихся къ вагону.

— Что это у васъ за пикантное происшествіе, господинъ оберъ-лейтенантъ?—съ любезной улыбкой освѣдомился старшій изъ нихъ, полковникъ.

Оберъ-лейтенантъ смутился.

— Одинъ изъ русскихъ военнопленныхъ взбунтовался, господинъ полковникъ, и подлежитъ разстрѣлу. Это необходимо для острастки и въ назиданіе другимъ, — нѣсколько смущенно поясняетъ начальникъ караула.

— А причина такого бунта?—освѣдомляется все съ такой же любезной улыбкой полковникъ.

— О, самая пустая: мы ищемъ переодѣтыхъ шпіоновъ; у насъ есть предписаніе на этотъ предметъ. Нашлась подозрительная по виду дѣвушка, ее хотѣли обыскать, а этотъ бездѣльникъ вмѣшался и едва не оскорбилъ меня дѣйствіемъ.

— А эта дѣвушка дѣйствительно развѣ?.. Какъ ея фамилія? — допытывается движимый любопытствомъ полковникъ.

— Какая-то Бончъ-Старнаковская или что-то въ этомъ родѣ. Ужасныя фамиліи у этихъ варваровъ!.. языкъ на нихъ проглотишь.

— Бончъ-Старнаковская? Что?—и лицо младшаго штабнаго офицера сразу мѣняется. — Послушайте, господинъ оберъ-лейтенантъ, — говоритъ онъ, съ трудомъ скрывая охватившее его волненіе, — вы не ошибаетесь? Фамилія этой... этой дѣвушки дѣйствительно Бончъ-Старнаковская?

— Да. А почему эта фамилія такъ заинтересовала васъ, господинъ лейтенантъ?

Но бѣлокурый, съ фигурой атлета, офицеръ молчитъ, какъ бы не слыша вопроса, и вдругъ густо краснѣетъ.

— Я долженъ сопровождать господина полковника въ Берлинъ съ докладомъ, но къ вечеру буду обратно,—говоритъ онъ тихо и внушительно,—и долженъ буду переговорить съ вами. Куда вы думаете помѣстить военноплѣнныхъ, господинъ оберъ-лейтенантъ?

— У меня на это нѣтъ особыхъ инструкцій. Старые провіантные сараи пусты, а также городская скотобойня. Думаю, послѣдняя подойдетъ больше нашимъ гостямъ. Ха-ха-ха!—и, чрезвычайно довольный своей тяжеловѣсной остротой, оберъ-лейтенантъ грубо смѣется.

Штабные невольно морщатся. Непринужденность и грубость этого армейца шокируютъ ихъ.

— Во всякомъ случаѣ будьте добры разрѣшить мнѣ пропускъ въ мѣсто ихъ заключенія,—прикладывая руку къ козырьку, вѣжливо проситъ оберъ-лейтенанта лейтенантъ штаба.

— Очень охотно. Честь имѣю кланяться, господа.

Армеецъ откланивается и, повернувшись по-солдатски, идетъ вдогонку за конвойными, уводящими Бориса.

— Вы развѣ знакомы съ этою... этою Бончъ-Старнаковскою? Почему она

такъ заинтересовала васъ?—освѣдомляется полковникъ у своего спутника, когда они снова заняли мѣста въ поѣздѣ, увозившемъ ихъ въ Берлинъ.

— Я ихъ всѣхъ знаю—всѣхъ этихъ Вончъ-Старнаковскихъ, всю семью, — уклончиво отвѣчаетъ бѣлокурый лейтенантъ,—знаю еще со времени своего пребыванія въ Росссіи.

Полковникъ Шольцъ взглядываетъ на своего спутника, и что-то неуловимое мелькаетъ въ его широкомъ, выхоленномъ лицѣ, типичномъ лицѣ прусскаго офицера.

— Надѣюсь, Штейнбергъ, эта особа не принадлежитъ къ числу героинь какого нибудь эротическаго эпизода изъ вашего прошлаго?—чутъ насмѣшливо освѣдомляется онъ.

— О, нѣтъ! Я—слишкомъ человѣкъ дѣла, господинъ полковникъ, — звякнувъ шпорами и выставляя впередъ и безъ того высокую грудь, отвѣчаетъ знакомый уже читателю Рудольфъ Штейнбергъ,—да, слишкомъ человѣкъ дѣла, чтобы позволять себѣ какія либо развлеченія въ этомъ направленіи.

— Но вы еще молоды, мой другъ... безсовѣстно молоды, Штейнбергъ.

— Что значитъ быть молодымъ, господинъ полковникъ? Я—прежде всего солдатъ. Императоръ и родина — мой девизъ, любовь къ послѣдней — мое чувство, моя страсть. И я, кажется, доказалъ уже это. Я съ особеннымъ восторгомъ работалъ въ то время, когда другіе молодые люди моего возраста увлекались кутежами и женщинами. Вамъ извѣстно, господинъ полковникъ, что если бы русскіе какимъ либо образомъ открыли мои работы на ихъ территоріи, то меня захватили бы, какъ шпіона. Но я менѣе всего думалъ объ этомъ, когда...

— Ваши услуги, принесенныя родинѣ, незамѣнимы, господинъ лейтенантъ,—прерываетъ его полковникъ,— и графъ Н. уже сдѣлалъ соотвѣт-

«—Мамочка, дорогая, успокойтесь! Голубушка-мама, все пройдетъ, все перемѣнится!» (Ст. 123.)

ствующій о васъ докладъ его величеству. Вы можете ждать новаго и прекраснаго назначенія, Штейнбергъ. Такіе вѣрные слуги, какъ вы, не забываются нашимъ императоромъ, и его величество не замедлитъ отличить васъ.

— Благодарю васъ за похвалы и заботы обо мнѣ, господинъ полковникъ,—говоритъ Рудольфъ.

Но мысли его далеко, въ оставшемся на станціи поѣздѣ, гдѣ (онъ былъ убѣжденъ въ этомъ теперь) находилась Китти.

И всѣ эти мысли сводятся теперь къ одной: онъ съѣздитъ въ Берлинъ, отвезетъ въ канцелярію главнаго штаба порученныя ему бумаги, сдѣлаетъ докладъ генералу, затѣмъ вернется сюда, въ свой городъ, гдѣ находится его отдѣленіе штаба, разыщетъ Китти, а тамъ... Но о дальнѣйшемъ онъ не думаетъ. Вся кровь, обычно холодная кровь тевтона, закипаетъ у него въ жилахъ, какъ только онъ представляетъ себѣ встрѣчу съ Китти. Злоба, ненависть, бѣшенство, доведенное до предѣловъ утонченности, при одной мысли объ этомъ мутятъ его мозгъ. Его щеки какъ будто снова загораются отъ пощечины, полученной имъ отъ гордой дѣвушки шесть лѣтъ тому назадъ, и это оскорбленіе совмѣщается съ другимъ, едва ли не горшимъ, которымъ оскорбилъ его старый Бончъ-Старнаковскій всего три недѣли тому назадъ.

„Мстить... мстить имъ обоимъ... Мстить имъ всѣмъ безъ исключенія... Уничтожить, растоптать ихъ, стереть въ порошокъ!.. Оскорбить вдвое сильнѣе и мучительнѣе!“ — вотъ къ чему стремятся отнынѣ всѣ мысли, всѣ необузданныя желанія Рудольфа Штейнберга.

И ему кажется среди его лихорадки бѣшенства и злобныхъ представленій, что поѣздъ тащится убійственно медленно, что Берлинъ еще далеко и что онъ не успѣетъ къ ночи вернуться въ свой городъ, куда такъ кстати забросила беззащитную Китти капризная и неожиданная своими прихотями судьба.

VI.

— Боже Милосердный! Какъ будто не будетъ конца этой ужасной ночи.

— Эти изверги, злодѣи хорошо знаютъ, что дѣлать! Въ этомъ ужасномъ сараѣ нечѣмъ дышать.

— Мама, мамочка... Я голоденъ, мнѣ хочется кушать.

— Подожди, дѣточка, потерпи, милый! Когда разсвѣтетъ, насъ выпустятъ и накормятъ. Вотъ увидишь, накормятъ. А пока, родненькій, потерпи.

— Воды... хотя бы глотокъ воды!.. Я умираю отъ жажды

— А правда, что, когда насъ гнали сюда, упалъ на землю ребенокъ и, кажется, умеръ?

— Увы! Его мать сошла съума, и ее отправили въ больницу.

— Какъ душно, какъ душно!.. Господи! Легче умереть.

Да, дѣйствительно легче умереть. Всю эту огромную толпу „военноплѣнныхъ“, какъ громко величали нѣмецкіе варвары мирныхъ путешественниковъ, застигнутыхъ на враждебной территоріи объявленіемъ войны, загнали въ большой сарай городской скотобойни. На осклизломъ отъ крови полу, гдѣ еще кое гдѣ оставались запекшіяся кровяныя лепешки и внутренности животныхъ, недостаточно аккуратно прибранныя послѣ послѣдняго убоя, мужчины разостлали верхнія одежды и предложили размѣститься на нихъ женщинамъ и дѣтямъ. Но далеко не всѣ были такъ счастливы, далеко не всѣмъ удалось такъ устроить-

«И, сама того не замѣчая, Китти приникаетъ головой къ груди Рудольфа Штейнберга и безъ удержа рыдаетъ на ней». (Ст. 127.)

ся, найти себѣ мѣсто. Большая часть этихъ несчастныхъ осталась стоять на ногахъ. Воздухъ сарая, душный, спертый, весь пропитанный отвратительнымъ запахомъ разложенія, кружилъ голову, вызывая тошноту. Голодъ, жажда, усталость и страхъ за завтрашній день дополняли нравственный адъ, переживаемый плѣнниками. Нѣсколько болѣе слабыхъ женщинъ лишились чувствъ, но продолжали стоять съ помертвѣвшими лицами, со стеклянными, ничего не выражающими глазами, стоять потому только, что имъ некуда было упасть. Ихъ дѣти, голодныя, испуганныя до полусмерти, съ плачемъ звали матерей. Мужчины крѣпились и, какъ могли, успокаивали женщинъ и ребятишекъ.

— Не волнуйтесь, потерпите какъ нибудь до утра! Насъ выпустятъ и повезутъ дальше. Не можетъ быть, чтобы насъ... Нѣтъ смысла разстрѣливать насъ... Они только хотѣли попугать и въ сущности разстрѣливать никогда не будутъ, — слышались болѣе спокойные, трезвые голоса.

— Нѣтъ, одного изъ насъ разстрѣляютъ. И это не подлежитъ сомнѣнію: онъ оскорбилъ офицера. Нѣмцы озлоблены, какъ звѣри; они придираются ко всему.

— Тише, ради Бога тише!.. Тутъ близко около насъ, кажется, его невѣста.

— Бѣдняжка! Каково-то ей!

— Ея мать точно помѣшалась. Сидитъ, молчитъ, смотритъ въ одну точку и бормочетъ одно и то же: „Не пущу... Не пущу... Не пущу“. Должно быть, старуха тоже сошла съума.

— Ужасъ! Ужасъ!

* * *

Какая ночь!

Минутами Китти кажется, что это — только сонъ, дикій, кошмарный, но

все же сонъ. И этотъ темный, едва освѣщенный фонариками сарай, весь пропитанный зловоніемъ, и эта жутко копошащаяся въ полутьмѣ толпа заключенныхъ, и то, что взяли и увезли въ тюрьму Бориса,—тоже сонъ. Ей сказали, что Мансурова разстрѣляютъ утромъ, что и всѣхъ ихъ разстрѣляютъ, всѣхъ—и женщинъ, и стариковъ, и дѣтей. Ахъ, это было бы лучшее изъ всего, что можетъ случиться!

Смерть — забвеніе, смерть — избавленіе отъ всѣхъ тревогъ, мученій и бѣдъ. Борисъ, милый, желанный,—рыцарь чести и рыцарь духа. Онъ не могъ поступить иначе, не могъ не заступиться за нее и за это погибаетъ, за это будетъ разстрѣлянъ. Нѣтъ, она не хочетъ жить безъ Бориса... Но мать? Что ей дѣлать съ матерью? На кого оставить старуху? И почему она стала вдругъ такая? Почему все время держитъ ее за руку, не отпускаетъ и дрожитъ мелкой дрожью, бормоча одно и то же слово: „Не пущу“, „не пущу“, „не пущу“? Какое у нея лицо при этомъ! Какіе глаза! Китти смотритъ съ минуту въ странное, желтое лицо съ остановившимися глазами, и вдругъ смутная догадка пронзаетъ ея мозгъ:

„Сошла съума? Что, если она сошла съума отъ испуга, отъ горя?“.

Сердце дѣвушки холодѣетъ. Она бережно принимаетъ ледяныя руки матери въ свои, подноситъ ихъ къ губамъ, отогрѣваетъ своимъ дыханіемъ и шепчетъ:

— Мамочка, дорогая, успокойтесь! Голубушка-мама, все пройдетъ, все перемѣнится. Господь милостивъ. Вотъ увидите, дорогая!

— Не пущу, не пущу, не пущу!— твердитъ все свое старуха, и сильнѣе впиваются ея пальцы въ нѣжныя руки дочери.

И опять это лицо, похожее на желтую восковую маску, и неподвижные, странные и страшные въ своемъ мертвомъ спокойствіи глаза.

Волна отчаянія захлестываетъ Китти. Сердце сжимается въ комочекъ. Ужасу ея нѣтъ границъ.

„А Бориса, можетъ быть, уже нѣтъ на свѣтѣ... Его уже убили, разстрѣляли... онъ мертвъ“,—мелькаетъ жуткая мысль.

Напряженные нервы не выдерживаютъ. Странный, Богъ вѣсть откуда взявшійся, туманъ заволакиваетъ все помѣщеніе сарая. Китти запрокидываетъ голову и точно пьетъ этотъ туманъ, это зловоніе. И уже больше ничего не слышитъ: ни дѣтскаго плача, ни женскаго всхлипыванія, ни мрачныхъ предположеній о завтрашнемъ днѣ. Она—какъ мертвая, она—безъ чувствъ.

Китти продолжаетъ ничего не видѣть и не слышать еще и тогда, когда открывается дверь сарая и нѣсколько караульныхъ, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, останавливаются у порога.

— Кто здѣсь изъ васъ Бончъ-Старнаковская?—кричитъ громкій, привыкшій къ командованію на плацу, голосъ.

Онъ доходитъ до сознанія Софьи Ивановны, заставляетъ ее дрожать сильнѣе и склониться къ дочери.

— Китти, — шепчетъ она, пугливо косясь на дверь, — Китти, дѣточка, опять насъ зовутъ... Не пущу, не пущу! Хоть убей!—и старуха въ страстномъ приступѣ отчаянія изо всѣхъ силъ прижимаетъ къ себѣ дочь.

Та медленно открываетъ отяжелѣвшія вѣки. Снопъ свѣта падаетъ ей прямо въ лицо.

— Бончъ-Старнаковскія кто изъ васъ? Чертъ возьми, возись еще съ ними! — ворчитъ полупьяный солдатъ, проходя мимо Китти и наступая на

груды тѣлъ, расположенныхъ на полу въ полномъ оцѣпенѣніи и безсиліи усталости.

— Боже мой!—восклицаетъ Китти.— Что еще надо? Бончъ-Старнаковскія— это мы.

— Вы? Такъ бы и говорили раньше!—все еще ворчитъ длинноусый прусскій унтеръ и поднимаетъ свой фонарь въ уровень съ лицомъ дѣвушки, но тотчасъ же опускаетъ руку, выпучивъ отъ неожиданности глаза.

Вотъ такъ красавица! Такой онъ еще и не видывалъ, старина Францъ. Немудрено, что оберъ-лейтенантъ изъ-за такой красотки едва не нарвался на оплеуху, а того русскаго разстрѣляютъ поутру. Н-да... Бываютъ же такія лица!

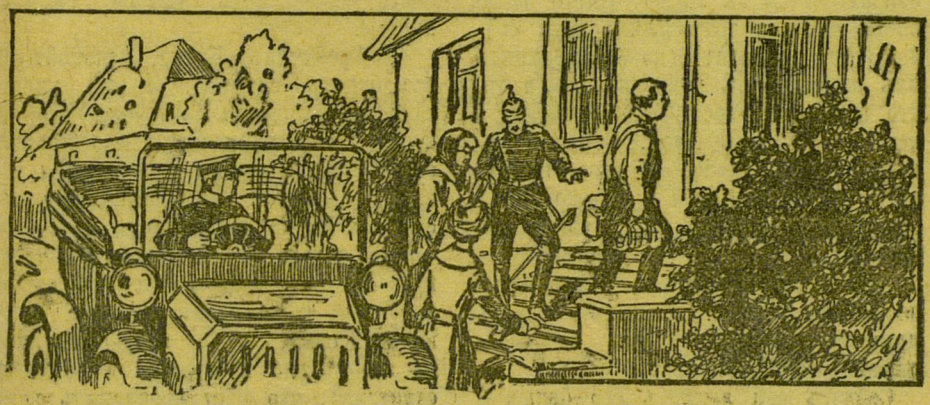
Красота — этотъ высшій даръ боговъ—имѣетъ власть, подобную царской, и ей подчиняются невольно, часто помимо желанія, только во имя красоты. И сейчасъ простодушный унтеръ съ ошалѣлымъ видомъ и выпученными глазами смотритъ въ лицо Китти.

— Вы—Бончъ-Старнаковская? — послѣ долгой паузы спрашиваетъ онъ еще разъ.—Если такъ, то идите... да захватите съ собой мать. Вѣдь эта старая дама—ваша мать?

— Но куда? Куда опять, ради Бога?

— Придете—увидите. Некогда тутъ разговаривать да терять время даромъ! — и пруссакъ, разсерженный за свою минутную впечатлительность, старается грубостью исправить свою оплошность.

Едва находя возможность не наступать на расположившихся на полу путешественниковъ — взрослыхъ и дѣтей,—похожихъ сейчасъ на трупы, Китти съ матерью медленно подвигается къ выходу. Дѣвушка смотритъ себѣ подъ ноги, осторожно нащупывая дорогу. Пруссакъ не смущаясь идетъ напрямикъ, наступая на живыхъ, какъ на мертвыхъ. И стоны, и крики какъ будто не доходятъ до его слуха.



«Бывѣжавшій встрѣчать ихъ Фрицъ, старый знакомый Фрицъ, радушіе и гостепріимство хозяина,—все это примиряетъ Китти». (Ст. 130.)

Вдругъ Китти останавливается пораженная. На порогѣ сарая стоитъ знакомая фигура. Хорошо знакомое лицо, красивыя, нѣсколько грубыя черты; только непривычное военное платье приводитъ въ смущеніе дѣвушку. Но платье—это вздоръ. Тѣмъ не менѣе это—онъ, онъ несомнѣнно; это его выпуклые глаза, подстриженные усы, богатырскія плечи.

— Рудольфъ! Это — вы, Рудольфъ? Боже мой, какъ я рада! Мама, очнитесь! Вѣдь это—Рудольфъ Штейнбергъ, сынъ Августа Карловича. Теперь мы спасены... Борисъ спасенъ. О, какъ я рада! Рудольфъ! Рудольфъ!

Китти лепечетъ все это, какъ безумная, и протягиваетъ къ нему обѣ дрожащія ручки, вся потрясенная, вся взволнованная и обрадованная.

Да, она счастлива встрѣтить здѣсь хоть одного знакомаго, одного заступника. Вѣдь какъ-никакъ, а долгіе годы дѣтства и юности, проведенные совмѣстно, накладываютъ извѣстныя обязательства на людей. Китти забываетъ сейчасъ тотъ злосчастный случай, что окончательно разъединилъ ихъ шесть лѣтъ тому назадъ, и то, что произошло послѣ ихъ отъѣзда, о чемъ писала имъ Муся. Всѣ шороховатости, все темное и злое забыла въ этотъ мигъ Китти и только, какъ гвоздь, сверлитъ ея мозгъ единственная мысль:

„Рудольфъ—здѣшній и имѣетъ здѣсь несомнѣнное значеніе, какъ офицеръ прусскаго штаба. О, онъ не замедлитъ выручить насъ".

Сейчасъ она держитъ его большія, сильныя руки въ своихъ маленькихъ и дрожащихъ и лепечетъ сквозь слезы, неудержимыми каплями одна за другой стекающія по ея лицу.

— Рудольфъ! Славный, хорошій Рудольфъ! Вы явились, какъ добрый геній, такъ неожиданно, такъ внезапно и такъ кстати, такъ поразительно кстати! Вышло недоразумѣніе... ужасное, роковое. Бориса взяли, повели въ тюрьму, грозятъ ему разстрѣломъ. Рудольфъ! Голубчикъ Рудольфъ! Но вѣдь этого не будетъ, не можетъ быть? Скажите! Вѣдь Борисъ ни въ чемъ не повиненъ. Меня хотѣли оскорбить; онъ заступился. Но кто бы изъ васъ не сдѣлалъ того же? И неужели же рыцарскій поступокъ можно карать смертью, какъ преступленіе? Нѣтъ, вы должны заступиться за Бориса, вы сдѣлаете это, вы...

Рыданія мѣшаютъ договорить дѣвушкѣ. Она вся сотрясается отъ чихъ, ея тонкая фигура вся трепещетъ. И, сама того не замѣчая, она, какъ цыпленокъ подъ крылышко насѣдки, приникаетъ головой къ груди Рудольфа Штейнберга и безъ удержа рыдаетъ на ней.

Ея пушистые золотые волосы сейчасъ какъ разъ находятся подъ его губами; ароматъ ихъ кружитъ ему голову, заставляетъ биться сильнѣе пульсы.

— Фрейлейнъ Китти, успокойтесь, все будетъ сдѣлано. Я уже хлопоталъ за господина Мансурова—его выпустятъ утромъ, и жизнь его въ безопасности. А теперь,—не слушая того, что говоритъ ему обезумѣвшая отъ счастья Китти, продолжаетъ онъ:—надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ чести провести эту ночь вмѣстѣ съ вашей матушкой подъ моимъ кровомъ. Какъ видите, сама судьба забросила васъ въ городъ, гдѣ я живу, и я безмѣрно счастливъ, что могу предложить вамъ гостепріимство. Право же, какъ ни скромно жилище бѣднаго прусскаго офицера, оно во всякомъ случаѣ лучше этого ужаснаго сарая. Не правда ли, дорогая фрейлейнъ?

— О, благодарю васъ, Рудольфъ, благодарю! Мамочка, вы слышите? Бориса выпустятъ завтра. А сейчасъ Рудольфъ—вы узнали его?—предлагаетъ намъ провести ночь у него въ домѣ. Вѣдь вы живете недалеко, Рудольфъ, нѣтъ?

Она похожа сейчасъ на растерявшагося отъ счастья ребенка.

— Что значитъ для насъ разстояніе, фрейлейнъ Китти? Я пріѣхалъ сюда на казенномъ автомобилѣ и на

немъ же доставлю и васъ съ вашей матушкой, — любезно говоритъ Штейнбергъ и подаетъ одну руку Китти, другую—Софьѣ Ивановнѣ, а затѣмъ осторожно, почтительно ведетъ ихъ обѣихъ къ дожидающемуся на улицѣ автомобилю.

«—Что вамъ надо здѣсь, Рудольфъ?—находитъ Китти наконецъ силы произнести коснѣющимъ языкомъ».
(Ст. 132.)

VII.

Маленькая, состоящая всего изъ трехъ комнатъ, квартира: кабинетъ, столовая, спальня. Огромный портретъ Вильгельма надъ письменнымъ столомъ; издали бросаются въ глаза знакомые всему міру усы и грозныя брови. Въ столовой, при яркомъ освѣщеніи электрической лампы, особенно заманчивымъ кажется накрытый къ ужину столъ. Ветчина, нарѣзанная тонкими ломтиками, колбаса, сыръ, молоко въ граненомъ кувшинѣ, тортъ, а на спиртовкѣ — кофейникъ. Видно, что обо всемъ позаботилась опытная рука.

Теперь только, освободившись отъ всего пережитаго въ послѣднія ужасныя сутки, Китти чувствуетъ, какъ она проголодалась и устала. Но запахъ кофе и вкусно приготовленныя тартинки напоминаютъ о естественномъ требованіи природы—аппетитѣ, и она садится за столъ.

Выбѣжавшій встрѣчать ихъ Фрицъ, старый знакомый Фрицъ, эта уютная холостая квартирка, радушіе и гостепріимство молодого хозяина,—все это примиряетъ Китти съ печальнымъ сознаніемъ того, что онѣ находятся сейчасъ во враждебной странѣ. Къ тому же безконечная радость завтрашней встрѣчи съ Борисомъ заставляетъ забывать всѣ пережитыя муки.

Правда, мать безпокоитъ ее: Софья Ивановна попрежнему какая-то странная, инертная, молчаливая, ѣстъ только то, что ей кладутъ на тарелку.

Рудольфъ и Китти смотрятъ на нее испуганными, недоумѣвающими глазами.

— Мамочка, голубчикъ мой, вы, мо-

жетъ быть, хотите уснуть?—нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ освѣдомляется дѣвушка.

Старуха молчитъ. Что-то жуткое глядитъ изъ ея глазъ, не то предостерегающее, не то грозящее.

Китти вздрагиваетъ.

— Голубушка, мама, вы разрѣшите мнѣ проводить васъ до кровати? Рудольфъ былъ такъ любезенъ, что уступилъ вамъ свою спальню. Пойдемте, родная, пора бай-бай.

Покончивъ съ ужиномъ и кофе, дѣвушка осторожно обнимаетъ мать и ведетъ ее въ спальню хозяина дома. Старуха засыпаетъ скоро. Китти наклоняется надъ нею, долго и тревожно смотритъ ей въ лицо, потомъ креститъ мать, какъ ребенка, и на цыпочкахъ выходитъ изъ комнаты, плотно притворивъ за собою дверь.

Ей самой постлано на широкой софѣ въ кабинетѣ хозяина. У отоманки лежитъ пушистый коверъ. Со стѣны надменно хмурится лицо Вильгельма. Китти проворно раздѣвается и какъ подкошенная валится на постель. Боже, какъ она устала, какъ мучительно устала!.. Она закидываетъ руки за голову и съ наслажденіемъ вытягивается на свѣжихъ простыняхъ.

Бѣдный Борисъ! Какъ-то проводитъ онъ эту ночь? Милый, любимый!.. Что онъ переживаетъ сейчасъ? Хорошо еще, что Рудольфъ повидался съ нимъ и успокоилъ его относительно дальнѣйшаго. Скорѣе бы прошла эта ночь!

Китти вызываетъ еще разъ въ памяти любимое смуглое лицо, темные глаза, энергичныя губы, и улыбка сквозь слезы раздвигаетъ ея ротъ. Дѣвушка такъ и засыпаетъ съ этой улыбкой.

* * *

Китти просыпается сразу, мгновенно, какъ будто отъ какого-то толчка, и сразу же садится на постель.

— Что такое? Борисъ? Мама?—роняютъ еще безсознательно ея губы.

Въ комнатѣ свѣтло. Ярко горитъ электричество. Со стѣны попрежнему надменно глядятъ суровые глаза нѣмецкаго императора. Въ изножьѣ ея ложа стоитъ Рудольфъ и пристально смотритъ на нее.

— Что такое? Съ мамой что нибудь? Да говорите же, говорите, не мучьте, ради Бога!—восклицаетъ Китти.

Теперь уже сознаніе приходитъ къ ней. Инстинктивнымъ движеніемъ, полнымъ стыдливой женственности, она натягиваетъ сползшее съ плечъ одѣяло. Но глаза Рудольфа слѣдуютъ взглядомъ за каждымъ ея движеніемъ. И вдругъ цинично дерзкая улыбка раздвигаетъ его губы.

Эта улыбка, этотъ краснорѣчивый, полный жестокости, плотоядный взглядъ сразу объясняетъ все Китти. И ужасъ, ужасъ застигнутой въ горахъ дикимъ хищникомъ лани, заставляетъ дѣвушку содрогнуться всѣмъ тѣломъ. Теперь ея глаза съ мольбой и страхомъ глядятъ въ это самодовольное лицо.

— Что вамъ надо здѣсь, Рудольфъ?—находитъ она наконецъ въ себѣ силы произнести коснѣющимъ языкомъ.

Штейнбергъ улыбается снова. Теперь еще болѣе цинична и краснорѣчива эта плотоядная, ужасная улыбка. Съ отвратительнымъ спокойствіемъ онъ говоритъ:

— Я пришелъ за наградой. Или вы этого не поняли? Или вы думали, что такая цѣнная услуга, какъ спасеніе жизни любимаго жениха, должна обойтись даромъ его невѣстѣ? Да и къ тому же, если вы припомните, у насъ съ вами еще остались кое какіе неоплаченные счеты, по которымъ пришло время уплатить.

— Что?

Теперь Китти окончательно поняла, зачѣмъ пришелъ къ ней этотъ чело-

вѣкъ, чего онъ отъ нея хочетъ. Въ первое мгновеніе у нея является порывъ закричать дикимъ, животнымъ, пронзительнымъ крикомъ. Но затѣмъ она сразу соображаетъ: она беззащитна, одна въ станѣ враговъ. Конечно всѣ тѣ, кто сбѣжится на ея крикъ, примутъ его сторону. Убить Рудольфа? но чѣмъ? Онъ къ тому же сильнѣе ея.

Какъ бы въ подтвержденіе этой мысли, Штейнбергъ неожиданно быстро, звѣринымъ, сильнымъ жестомъ захватитъ обѣ ея руки въ одну свою свою, другой свободной рукою крѣпко и сильно прижимаетъ ее къ себѣ, къ своей груди. Китти слабо вскрикиваетъ; въ ея лицѣ ужасъ.

— Борьба безполезна... Сдавайтесь, фрейлейнъ! Малѣйшее упорство, и я донесу на господина Мансурова, какъ на шпіона. Безъ сомнѣнія повѣрятъ мнѣ, а не вамъ. Вы видите ясно: его жизнь въ моихъ рукахъ.

— Рудольфъ! Рудольфъ! — стономъ срывается съ побѣлѣвшихъ губъ Китти.

— Что, безцѣнная фрейлейнъ Китти? Что?—хриплымъ голосомъ, едва выдавливая изъ себя слова, съ потемнѣвшими отъ желанія глазами говоритъ Штейнбергъ.—Не скажу, чтобы дѣла ваши были блестящи, нда... Но будьте увѣрены, что я не изъ числа тѣхъ, кто подчеркиваетъ свое превосходство. И хорошенькая женщина, а тѣмъ болѣе такая красотка, какъ вы, фрейлейнъ, имѣетъ всѣ данныя остаться довольной моей лаской. Что же вы не рветесь? Почему не протестуете, гордая Китти? Или поняли наконецъ всю безполезность такого сопротивленія? Ну, да, вы не ошиблись, фрейлейнъ. Помните то знаменательное утро и нашу встрѣчу у пруда, мою попранную чистую любовь, мои попранные юношескіе порывы? О, тогда я былъ глупъ и любилъ васъ, фрейлейнъ Китти! Теперь я поумнѣлъ и ненавижу васъ. Слышите ли, ненавижу жгучей ненавистью тевтона и все же желаю васъ, истую славянку, да, желаю васъ, какъ рабу, какъ плѣнницу, какъ наложницу. Поняли?

— О, подлецъ, подлецъ! Я убью себя, если вы осмѣлитесь ко мнѣ прикоснуться, или...—шепчетъ Китти и бьется въ его рукахъ.

Штейнбергъ хрипло хохочетъ, какъ пьяный, охваченный весь порывомъ одного необузданнаго желанія.

— Не думаешь ли ты напугать меня? Перестань, дурочка! Ха-ха-ха!

Лицо Китти, искаженное ужасомъ, сейчасъ теряетъ всю свою красоту. Ротъ широко раскрытъ, готовый исторгнуть изъ себя истерическій вопль. Глаза округлились, щеки бѣлы до синевы. Но это исковерканное паническимъ ужасомъ лицо не останавливаетъ его, не расхолаживаетъ порыва животной чувственности, вихремъ ворвавшейся въ его тѣло, въ его жилы холодной, сознательной чувственности, ничего общаго не имѣющей со страстью. И такъ какъ она все еще силится оттолкнуть его, то онъ грубо бросаетъ ее на подушки.

— Молчать! И повиноваться мнѣ безпрекословно! Слышишь? — хрипитъ у самаго ея уха страшный голосъ.

* * *

За бѣлыя шторы пробивается уже іюльскій разсвѣтъ, когда Рудольфъ Штейнбергъ выходитъ изъ своего кабинета. Въ дверяхъ онъ останавливается и спокойно, нагло глядитъ на находящуюся въ полуобморокѣ Китти.

— Черезъ нѣсколько часовъ господинъ Мансуровъ будетъ здѣсь,—бросаетъ онъ.—Приготовьтесь встрѣтить его. Что же касается меня, то мнѣ болѣе ничего отъ васъ не надо, фрейлейнъ!— и Штейнбергъ исчезаетъ за дверью.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сентябрь. Тихіе и грустные, какъ увядшія грезы, падаютъ умирая сухіе листья. Сѣрое небо блѣдно, какъ призракъ чего-то далекаго, когда-то яркаго, когда-то молодого. Короткіе дни, пронизанные дождемъ, истерзанные вѣтромъ, чередуются одинъ за другимъ. Безконечно длинныя тянутся ночи. Деревья, обнажающіяся постепенно, еще разноцвѣтны, еще пестры и красивы. Неподражаемы эти оттѣнки багровыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Внизу на дорогахъ, въ лѣсу, въ рощѣ и въ аллеяхъ барскаго сада ихъ намело цѣлый коверъ. Жесткій, высохшій, шуршащій, онъ кажется живымъ движущимся тѣломъ, когда по пестрой его поверхности пробѣжитъ вѣтерокъ. Меланхоличенъ этотъ шумъ сухихъ листьевъ. Онъ говоритъ о смерти, о давно погибшихъ, а еще недавно пламенныхъ надеждахъ, о яркихъ мечтахъ. И эти порывы пронизаннаго дождемъ вѣтра зловѣщи.

Весь августъ былъ прекрасенъ, золотой, алый, обвѣянный солнцемъ. Теперь, въ послѣдніе дни, погода круто измѣнилась къ лучшему. Барометръ упалъ, пошли дожди, стало холодно, сыро.

Но въ Отрадномъ какъ будто и не замѣчаютъ этой непогоды. Здѣсь своя буря, своя тоска. Какъ будто дождевой туманъ, обволакивающій окрестности, вошелъ и въ самое жизнь находящихся здѣсь немногихъ людей. Эта жизнь здѣсь замерла, застыла. Словно тяжелыя свинцовыя тучи, собравшіяся на небѣ, надавили своей тяжестью на этотъ маленькій уголокъ земли. Какая-то глубокая, какъ осенняя ночь, темная тайна спряталась тутъ, подъ завѣсой глубокаго молчанія, и все же, помимо желанія, прорывалась наружу. Она какъ будто скользила изъ-подъ навѣса пестро и причудливо разукрашенныхъ рукою осени деревьевъ, изъ царящей тишины въ домѣ, изъ-подъ рѣсницъ дѣвушекъ съ тихими, блѣдными лицами, бродившихъ по большому старинному дому,

изъ-за тусклой, облупившейся позолоты рамъ старинныхъ прадѣдовскихъ портретовъ,—глядѣла зловѣщая и словно угрожающая кому-то.

Самъ Владиміръ Павловичъ, старый хозяинъ дома, уже давно былъ въ Петроградѣ. Лихорадочная работа въ министерствѣ требовала его безотлучнаго присутствія тамъ. Полкъ, гдѣ служилъ Анатолій, находился на театрѣ военныхъ дѣйствій съ самаго начала войны; его позиціи были теперь сравнительно неподалеку отъ Отраднаго, и здѣсь ждали молодого хозяина со дня на день, такъ какъ онъ неоднократно писалъ, что долженъ отвезти отъ командира порученіе въ Варшаву и заѣдетъ домой на обратномъ пути. Больше мѣсяца тому назадъ сюда вернулись заграничные путешественники: Софья Ивановна, Китти, Мансуровъ. Послѣдній, доставивъ круговымъ путемъ, черезъ Швецію и Финляндію, свою невѣсту и будущую тещу, поспѣшилъ на мѣсто службы въ губернскій городъ. Что же касается остальныхъ членовъ семьи, то старикъ Бончъ-Старнаковскій тщетно слалъ письмо за письмомъ изъ Петрограда въ Отрадное, прося дѣтей поторопиться съ переѣздомъ въ столицу. На семейномъ тѣсномъ совѣщаніи это возвращеніе было до поры, до времени отклонено.

Софья Ивановна, несмотря на всѣ принятыя докторами мѣры, все еще не приходила въ себя. Ужасы, пережитые по милости нѣмцевъ въ пути, не прошли даромъ больной женщинѣ: она, по общему отзыву врачей, лишилась разсудка. Всѣ надежды Китти и Мансурова на то, что знакомая обстановка, встрѣча съ мужемъ въ Петроградѣ возстановятъ сознаніе несчастной, исчезли, разлетѣлись, какъ дымъ: Софья Ивановна такъ и не узнала ни мужа, ни города, ни своей квартиры. Она все рвалась куда-то, все спѣшила и волновалась, не имѣя ни минуты покоя.

— Ее надо везти немедля въ Отрадное. Заѣдетъ Анатолій, она увидитъ Вѣру, Мусю, и, можетъ быть, узнаетъ ихъ и отойдетъ.

Такъ думалъ мужъ, такъ думала Китти.

Но и въ Отрадномъ сознаніе не вернулось къ больной. Правда, она успокоилась въ тишинѣ и покоѣ, однако страшная машина разрушенія продолжала медленно, но вѣрно дѣлать свое дѣло. Разсудокъ Софьи Ивановны спалъ, сознаніе не возвращалось. Она не узнала младшихъ дочерей и никого не желала видѣть, кромѣ Китти, и постоянно, деспотически, требовала ея присутствія при себѣ. Но при каждомъ новомъ появленіи дѣвушки она непремѣнно приходила въ волненіе: кричала, стонала и плакала, непрерывно повторяя одно только слово: „Не пущу! Не пущу! Не пущу!“ — и не выпускала дочери изъ объятій.

О безуміи матери рѣшили скрыть отъ всего міра; онѣ все еще не теряли надежды на ея выздоровленіе. Подъ величайшею тайною выписали онѣ свѣтила медицинскаго міра изъ столицы, профессора-психіатра. Онъ установилъ діагнозъ и режимъ леченія, но мало отраднаго услышали отъ него: Софья Ивановна была почти безнадежна. Доктора совѣтовали помѣстить ее въ лечебницу, везти въ Петроградъ. Но дочери все еще не рѣшались сдѣлать это: онѣ все еще ждали исцѣленія и хватались за послѣдній якорь спасенія — за пріѣздъ Анатолія. Гдѣ-то въ тайникахъ ихъ душъ гнѣздилась слабая увѣренность въ томъ, что страстно любимый матерью сынъ, можетъ статься, однимъ своимъ появленіемъ пробудитъ заснувшую память душевно-больной.

А письма изъ Петрограда все летѣли и летѣли съ призывами. Муся должна была ѣхать въ институтъ — учебный годъ давно начался. Но дѣвушка все еще медлила здѣсь, все ждала. Ждала вмѣстѣ съ ними и Зина Ланская, сроднившаяся въ дни горя со своими юными родственницами. Ждала и Варя Карташева, самотверженная, закадычная подруга Муси. Пять молодыхъ существъ съ замираніемъ сердца прислушивались теперь изъ своего тихаго уголка къ явленіямъ потусторонняго міра.

Эти явленія были могучи и грозны. Кровавый пожаръ войны уже пылалъ. Казалось, его чадомъ и гарью захватило большую половину Европы. Человѣкъ, совмѣстившій въ себѣ безуміе и наглость, человѣкъ, возомнившій себя геніемъ, подобнымъ Наполеону, обуреваемый честолюбивыми грезами, дѣлалъ одинъ шагъ безумнѣе другого.

Уже пылали форты Льежа; пруссаки, позорно нарушившіе нейтралитетъ Бельгіи, предавали уничтоженію пядь за пядью эту прекрасную, цвѣтущую страну. Уже погибли въ огнѣ классическія сокровища Лувэна. Уже французская армія отступала къ сердцу страны, Парижу, подъ натискомъ германскихъ ордъ. Наши города: Ченстоховъ, Калишъ и Кѣльцы, ближайшіе къ границѣ, уже сдѣлались добычей германскихъ мародеровъ, покрывшихъ несмываемымъ позоромъ свои головы среди разгрома этихъ неукрѣпленныхъ городовъ.

А въ Отрадномъ все еще жили... жили однѣ женщины, надѣясь на „послѣднее средство“.

Да и нельзя было тронуться отсюда теперь. Припадки Софьи Ивановны все учащались; эффекты безумія повторялись почти ежедневно. Рискованно было теперь везти больную. Къ тому же о томъ, что непрошенные гости могли проникнуть въ Отрадное, никто даже и не думалъ. Имѣніе Бончъ-Старнаковскихъ лежало совсѣмъ въ сторонѣ. Отъ большого губернскаго города сюда надо было проѣхать около ста верстъ по желѣзной дорогѣ да двадцать пять верстъ, свернувъ въ сторону, — на лошадяхъ. Правда, въ пятнадцати верстахъ отсюда лежала крѣпость, казавшаяся неприступной ввиду ея укрѣпленности и естественныхъ преградъ. Въ силу всего этого обитательницы Отраднаго могли быть вполнѣ спокойны—врядъ ли сюда могъ забрести даже случайный отрядъ враговъ. Къ тому же здѣсь было какъ-то легче теперь, чѣмъ въ Петроградѣ, переживать семейное несчастье, легче замкнуться въ своемъ горѣ, не показывать его людямъ, хоронить въ себѣ, вдали отъ разспросовъ и соболѣзнованій безчисленныхъ друзей и знакомыхъ.

II.

— Я не могу больше! Что съ мамой? Что съ Китти? Что случилось со всѣми нами наконецъ? Почему она такая, Китти? И Вѣра тоже? Но особенно Китти: она вся точно не живая какая-то... Варюша, совѣсть моя, объясни ты мнѣ все это, ради Бога! Я ровно ничего не понимаю! Объясни!

— И не надо понимать, Мусикъ. Все ясно и такъ. Развѣ ты не видишь, какъ плоха ваша мама? Бѣдный Мусикъ! Бѣдная дѣтка! Ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело ваше горе, какъ мнѣ жаль васъ всѣхъ!

— Не надо жалѣть, Варя, не надо. Нѣтъ ничего хуже, какъ вызывать жалость въ людяхъ, быть объектомъ жалости—въ этомъ что-то позорное.

— Не обижайся! Это—хорошая жалость, дѣточка.

И „мусина совѣсть“, какъ прозвали въ семьѣ Бончъ-Старнаковскихъ се-

того, чтобы осторожно и мягко накладывать повязки, бинты, ставить градусники и припарки.

Это особенно чувствуется теперь, когда Софья Ивановна серьезно больна, когда съ потрясающей силой снова разыгралась у нея эта ужасная болѣзнь почекъ. За нею Китти ходитъ, какъ за ребенкомъ. Никого другого душевно-больная не подпускаетъ къ себѣ, и когда у несчастной безумной разыгрываются ея обычные приступы, одна только Китти въ состояніи облегчить, успокоить ихъ.

— Что съ Китти?—Вѣра смотритъ вслѣдъ сестрѣ удивленными глазами.— Это уже въ четвертый разъ за эту недѣлю.

— Дорогая моя, ты-то хоть не волнуйся!—и съ великолѣпнымъ жестомъ ей одной присущаго спокойствія Зина откладываетъ работу въ сторону и подходитъ къ окну.

Оттуда изъ тьмы ночи глядитъ осеннее ненастье и послѣ короткой передышки снова забарабанилъ дождь. Какая тоска!

Да и жутко какъ-то... Въ домѣ—психически больная, и одно это уже не даетъ покоя. Правда, Зина не изъ трусливаго десятка, но нѣтъ ничего непріятнѣе встрѣтиться съ блуждающимъ, мутнымъ взглядомъ и безсмысленно дикой улыбкой, подчеркивающей безуміе. Тетю Соню она конечно любитъ, но тетя Соня—это одно, а помѣшавшаяся старуха, что живетъ тамъ, за плотно замкнутыми дверями, на своей половинѣ—это другое, двѣ совершенно разныя женщины, два совершенно разныя понятія. Нѣтъ, уѣхать бы отсюда поскорѣе!

Но ѣхать какъ-то странно сейчасъ и дико: оставить друзей однихъ въ такую тяжелую минуту! Да и въ сущности что случилось такого, что всѣ онѣ стали точно другія, точно выбитыя изъ колеи? Что напримѣръ съ Вѣрою? Отчего она съ такой злобой глядитъ на всѣхъ, точно всѣ сдѣлались вдругъ ея личными врагами? Надо же это выяснить когда нибудь, а то такъ и съ тоски пропадешь. Отъ „зеленой скуки“ Зина повѣситься рада, а онѣ еще дуются всѣ!

А въ Петроградѣ теперь какое оживленіе, Господи! Манифестація, сутолока на улицахъ, театры, концерты въ пользу героевъ, ихъ семей. И драматическіе курсы уже функціонируютъ конечно—та „земля Ханаанская“, въ которую Зина такъ жаждала вступить и не вступила еще, не вступила. Экзаменаціонныя испытанія уже были, а она время ихъ преблагополучно провела здѣсь. Досада какая!

Зина заламываетъ надъ головою свои точеныя, полныя руки и потягивается всѣмъ тѣломъ, какъ кошка, изгибая спину. Какое наслажденіе такъ вытянуться! Сидишь-сидишь цѣлый день съ иглою... Конечно патріотическій взрывъ, великія побужденія, любовь къ родинѣ—все это прекрасно, но сейчасъ она просто устала отъ затишья, отъ этого мертваго покоя и запустѣнія своей теперешней жизни. Хочется какихъ-то мощныхъ впечатлѣній, способныхъ всколыхнуть душу и дать ей какой-то могучій, новый порывъ. Но гдѣ эти впечатлѣнія, эта царственная радость? Все смела со своего пути эта проклятая война.

III.

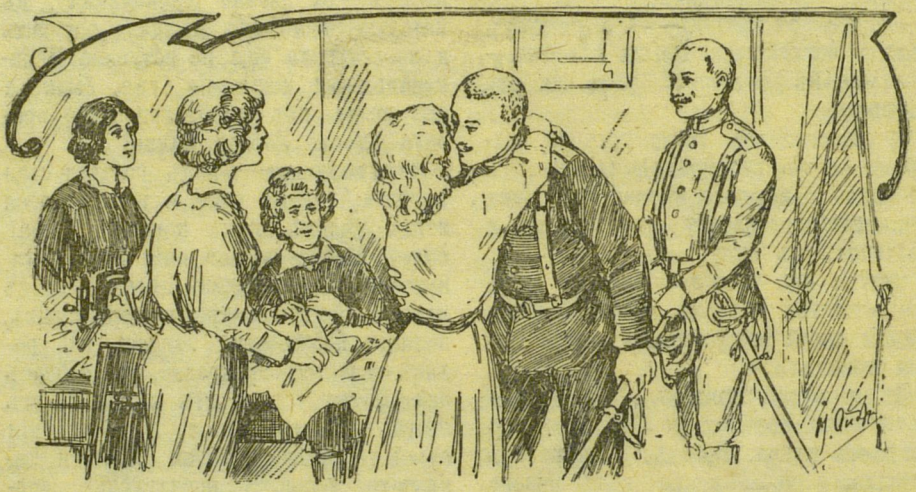
— Они пріѣхали! Они пріѣхали! Они здѣсь! Вѣра, Зиночка, Китти... Гдѣ Китти? Боже мой, Толя пріѣхалъ. Слышите? И съ нимъ Николай Луговской. Они идутъ, они уже здѣсь! Встрѣчайте же ихъ скорѣе!

Муся ураганомъ врывается въ комнату, какъ весенній потокъ, какъ веселая струйка прибоя. Гдѣ печаль,

гдѣ недавняя тоска въ ея миломъ личикѣ? Ихъ уже нѣтъ, онѣ изсякли. Ея щеки горятъ, глазенки сверкаютъ. Варюша едва поспѣваетъ за нею.

— Вотъ они! Милые!—и Муся виснетъ на шеѣ брата, визжа отъ счастья, какъ семилѣтняя дѣвочка.

Вѣра, Зина Ланская спѣшатъ тоже навстрѣчу офицерамъ. Откуда-то изъ внутреннихъ комнатъ выбѣгаетъ Китти и съ легкимъ крикомъ припадаетъ къ плечу Анатолія. Тотъ, отбиваясь отъ младшей сестренки, продолжающей



«— Вотъ они! Милые!—и Муся виснетъ на шеѣ брата, визжа отъ счастья, какъ семилѣтняя дѣвочка». (Ст. 150.)

душить его поцѣлуями, протягиваетъ руки старшей сестрѣ.

Онъ не видѣлъ съ весны Китти. Она вернулась изъ-за границы уже послѣ его выступленія въ походъ. И о несчастьѣ, случившемся съ ихъ матерью, онъ ничего не знаетъ. Ему писали только о ея физическомъ недомоганіи, но о психической болѣзни ни слова. Безсмысленной жестокостью было бы тревожить его молодую душу, и безъ того напряженную непрерывнымъ участіемъ въ бояхъ, когда все остальное должно быть въ ней безмятежно и спокойно, все, кромѣ переживаемыхъ впечатлѣній боевыхъ дней. И до поры, до времени рѣшено было скрыть отъ Анатолія болѣзнь матери. Поэтому-то ничего не подозрѣвающій о несчастьѣ онъ такъ радостно и весело вбѣжалъ подъ родную кровлю.

— Сестричкамъ привѣтъ! Муська, отстань, пластырь ты этакій, дай поздороваться съ другими!.. Китти, красавица моя. здравствуй! Какъ поживаешь? Ты похудѣла... Немудрено. Какое счастье еще, что вы во-время успѣли вернуться!.. Ma belle cousine *). Привѣтъ прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ. Маргариточка, восторгъ души моей!.. А вы все цвѣтете?

— Ну, ужъ вы скажете тоже, Анатолій Владиміровичъ! Какое тамъ цвѣту? на четвертый десятокъ переваливаю.

— Признайтесь подъ шумокъ, сколько сократили? Все не замужемъ? Ай-ай-ай! Не теряйте времени даромъ!

*) Прекрасная кузина.

— Шутникъ вы, Анатолій Владиміровичъ! Всегда такое скажете, отчего дѣвушку въ краску...

— А вы не краснѣйте. Не стоитъ, право! Лучше подыскивайте себѣ пару, а меня сватомъ.

— Она, Тольчикъ, никогда замужъ выходить не станетъ: она въ тебя влюблена... без-на-де-жно! — хохочетъ Муся.

— Ахъ, погибель моя! Что скажетъ тоже!—и Маргарита едва не валится отъ смущенія.

Но Толя уже забылъ о ней. На его взглядъ, Китти похудѣла и измѣнилась ужасно. И Вѣрочка смотритъ букой. А Зиночка поразительно похорошѣла. Впрочемъ онъ этого ожидалъ.

— А я? А я?—прыгая козочкой вокругъ брата, допытывается Муся.

— А ты стрекозой попрежнему, и никакихъ эволюцій въ этомъ отношеніи отъ тебя не жди. До сѣдыхъ волосъ доживешь, бабушкой будешь, а такъ и останешься стрекозой.

— Пожалуйста не пророчь. Я до сѣдыхъ волосъ не доживу. Я умру молодою,—заявляетъ Муся, въ то время какъ Луговской пожимаетъ руки дѣвушкамъ и цѣлуетъ зинину руку.

Теперь всѣ смотрятъ жадно, съ нѣмымъ вопросомъ въ лица пріѣзжихъ. Какъ измѣнились они, какъ похудѣли оба! Какъ огрубѣла ихъ кожа, обвѣтренная подъ открытымъ небомъ въ окопахъ! Загорѣлые, черные, похудѣвшіе, они незамѣтно возмужали; ихъ лица стали серьезнѣе, глубже, значительнѣе и въ то же время запечатлѣли какой-то особенный отпечатокъ отваги, мужества, готовности и стихійной покорности судьбѣ. У трудно больныхъ часто бываетъ такое выраженіе предъ смертью, приближеніе которой они сознаютъ и не боятся.

Коротко остриженныя головы обоихъ офицеровъ кажутся забавными Мусѣ.

— Адскіе уроды стали! Но, ахъ, какіе милые уроды!—восклицаетъ она и восхищается ими, и сожалѣетъ ихъ въ одно и то же время.

— Да, Марья Владиміровна, подъ нѣмецкими шрапнелями не похорошѣешь,—смѣется Никсъ.

— А вы многихъ нѣмцевъ убили? Да? Вы сами? Вотъ этой самой рукою? Штыкомъ или саблей? Изъ револьвера? А вамъ не было страшно? Ни чуточки?—допытывается дѣвочка, и ея темные глазенки горятъ.

— А что маманъ? Спитъ? Ей лучше хоть немного? — спрашиваетъ Толя у сестры.

— Нѣтъ, она больна, Тольчикъ, и въ этомъ ужасъ. Все, все, что было улучшено и подправлено за границей, все пошло на смарку,—поспѣваетъ и тутъ неугомонная Муся, не обращая никакого вниманія на отчаянно удерживающихъ ее глазами сестеръ.

— А ее можно видѣть?

— Подожди немного... побудь съ нами!—совершенно растерявшись, говоритъ Китти, и ея глаза глядятъ на брата со страхомъ и мольбой.

„Вотъ оно!.. начинается. Онъ сейчасъ все узнаетъ, бѣдный мальчикъ!“— говорятъ также испуганные глаза Вѣры, Муси и Зины.

Чтобы отвлечь вниманіе Анатолія, хотя бы временно, отъ матери, Ланская проситъ обоихъ офицеровъ разсказать о бояхъ, объ ихъ впечатлѣніяхъ, о нѣмцахъ. Маргарита усиленно угощаетъ чаемъ, закуской. Изъ кухни несутъ разогрѣтый ужинъ.

Вышивъ старой, прадѣдовской горилки, настоенной на черносмородинныхъ листьяхъ и чуть ли не столѣтіе выдержанной въ погребѣ, и закусивъ кускомъ домашняго окорока, Анатолій приступаетъ къ разсказамъ.

Да, современная война ужасна. Она ужасна тѣмъ, что тутъ одной храбро-

стью и отвагой не возьмешь. Нельзя выдти, какъ въ былое, старое время, въ чисто поле одинъ-на-одинъ съ врагомъ, нельзя сходиться дружинами и биться, пока одна сила не одолѣетъ другой. Чудеса техники военнаго искусства, новыя міровыя открытія, усовершенствованія средствъ войны,—все это сдѣлало то, что побѣда не всегда остается за храбрѣйшимъ на полѣ битвы, гдѣ проявляютъ свою удаль богатыри, а за тѣмъ, кто занялъ болѣе выгодную позицію и успѣлъ остановить на нихъ свои смертоносныя орудія. И побѣда иной разъ при такихъ условіяхъ рѣшается прежде, нежели увидишь врага.

— Это ужасно! Это ужасно!—шепчутъ слушательницы, и ихъ лица блѣднѣютъ.

— Но тѣмъ не менѣе мы побѣждаемъ и здѣсь, и тамъ, на два фронта,—вставляетъ Никсъ, и его добродушное лицо съ узкими глазками все искрится.

— Да, побѣждаемъ,—подхватываетъ Анатолій съ разгорѣвшимися сразу глазами.—А все благодаря кому? Единственно благодаря только беззавѣтной храбрости, стойкости, мужеству и терпѣнію русскаго солдата и распорядительности начальниковъ. Но солдаты... солдаты дѣйствительно—какіе-то чудо-богатыри, герои изъ старыхъ сказокъ. Они до ужаса выносливы, до легендарности отчаянно-храбры. Вѣдь вы представить себѣ не можете, что это за герои. Казакъ Крючковъ напримѣръ. Или вотъ у насъ въ эскадронѣ случай. Послалъ насъ командиръ на развѣдки. Стояли мы подъ Х., маленькимъ нѣмецкимъ городкомъ. Ну-съ, выѣхали... я, вахмистръ, взводный и еще двое; въ числѣ ихъ Симашевъ между прочимъ, нашъ запѣвало, пѣсенникъ. Заѣхали въ лѣсъ. Начало темнѣть. А онъ, непріятель то есть, знаемъ, невдалекѣ тутъ же скрывается, за лѣсомъ. Ѣдемъ на-чеку уже. Откуда ни возьмись намъ наперерѣзъ цѣлый взводъ кавалеристовъ скачетъ. Сюрпризъ намъ приготовили: насъ пятеро, а ихъ вдесятеро больше. Вижу отлично, путь намъ отрѣзанъ и впереди цѣлый непріятельскій корпусъ за опушкой. Что дѣлать? Признаюсь, въ первую минуту растерялся. Вдругъ Симашевъ шепчетъ: „Ваше высокоблагородіе, дозвольте ихъ обманно провести. Може, тогда и пробьемся“. — „То есть какъ обманно?“—спрашиваю. „А вотъ такъ, значитъ: васъ они не видали... такъ вы за кустами укройтесь, я же прямо на нихъ вылечу, будто ненарокомъ, случайно. Они тотчасъ погонятъ за мною. А я, какъ глаза ихнія значитъ, отведу, такъ, значитъ, вамъ путь-дорога открыта. Поскачутъ они за мною, а вы“... Да, какъ сказалъ, такъ и безъ приказа метнулся впередъ „отводить глаза“ собственной особой, или, иначе говоря, на вѣрную смерть полетѣлъ, чтобы спасти меня, офицера, да четверыхъ товарищей. Ну, конечно все вышло какъ по-писанному. Погнался за Симашевымъ непріятель всѣмъ взводомъ, думалъ—не одинъ онъ, а цѣлый отрядъ. А мы стоимъ въ прикрытіи и ждемъ, пока откроется дорога. Конечно нѣмцы не замедлили окружить Симашева. Раздались выстрѣлы. Нашъ герой свалился. Ну, думаемъ, конецъ. Однако же живъ, хотя и тяжело раненъ... можетъ статься, еще и выживетъ. Выручили его наши.

— А кто выручилъ? Что же не договариваешь? А? Говорить уже, такъ все, безъ утайки!—вмѣшивается Луговской, и его калмыцкіе глазки суживаются отъ смѣха.

— Ну, вотъ еще... пустое... вздоръ... ничего особеннаго...—сердито отмахивается Анатолій.

— Нѣтъ, ужъ ты не лукавь! Выручилъ Симашева не кто иной, какъ онъ самъ, вашъ Тольчикъ. Да еще какъ выручилъ-то! Выпросилъ въ тотъ же вечеръ у эскадроннаго два десятка нашихъ молодцовъ и ударилъ съ ними на нѣмцевъ. Отбилъ умирающаго героя и выгналъ непріятеля съ его позицій, причемъ нѣмцы, въ темнотѣ не разобравъ численности нападающихъ, въ паникѣ удрали цѣлымъ полуэскадрономъ отъ двадцати всего человѣкъ. А все вотъ онъ, вашъ Тольчикъ.

«Выпросилъ вашъ Тольчичъ въ тотъ же вечеръ у эскадроннаго два десятка нашихъ молодцовъ и ударилъ съ ними на нѣмцевъ». (Ст. 157.)

— Ну, братецъ, ты меня не смущай! Ничего нѣтъ здѣсь особеннаго, и каждый на моемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ же. Нельзя же было оставлять имъ героя на поруганіе. А вотъ что еще нашъ одинъ сѣрый герой сдѣлалъ.

И молодой офицеръ съ все болѣе и болѣе возрастающимъ воодушевленіемъ разсказываетъ подвигъ за подвигомъ, случай за случаемъ изъ боевой, походной жизни, яркими красками рисующіе гигантскую духовную фигуру нашего чудо-богатыря солдата.

И, чѣмъ больше говоритъ молодой Бончъ-Старнаковскій, тѣмъ ярче разгораются его глаза, тѣмъ горячѣе и пламеннѣе звучитъ его рѣчь; какою-то исключительной мягкой нѣжностью (такъ можетъ только отецъ говорить о любимомъ сынѣ) были пропитаны его разсказы о солдатахъ.

Не отрывая взора отъ разсказчика, съ жаднымъ вниманіемъ ловятъ каждое его слово присутствующіе. И когда случайно лакей звякаетъ чайной ложкой, на него тигромъ бросается Маргарита Федоровна и, дико вращая глазами, шипитъ, какъ змѣя.

А Толя, разъ начавъ, не можетъ уже остановиться. Слишкомъ интенсивно переживалъ эти важнѣйшіе для

воюющихъ со злобнымъ и коварнымъ врагомъ моменты молодой воинъ, чтобы они не захватили его всего, чтобы не зажгли, не распалили всей крови въ его жилахъ.

— Да, безспорно, врагъ силенъ. Нельзя закрывать глаза на будущее,— говоритъ онъ минутой позже.—Недаромъ готовилась столько лѣтъ Германія къ этой войнѣ. Тамъ все предусмотрѣно, все расчитано и расписано, какъ по нотамъ. Вѣдь вся Россія была покрыта сѣтью германскаго шпіонажа еще задолго до войны. Врагъ не дремалъ. Въ жилахъ вождя нѣмцевъ течетъ кровь, пропитанная бациллами разрушенія. Это—какое-то болѣзненное стремленіе къ уничтоженію. И его народъ послушно служитъ ему въ этомъ. Это—какіе-то каменные люди. Для нихъ нація дорога постольку, поскольку она является символомъ достиженія. Дисциплина, доведенная до совершенства, замѣняетъ пылъ, энтузіазмъ любви къ родинѣ и братскую сплоченность, которыми славится нашъ народъ. Но мы побѣдимъ съ Божьей помощью. Я вѣрю въ это, мы побѣдимъ! Наше войско горитъ, какъ одинъ человѣкъ, однимъ общимъ порывомъ. Наша славянская общая душа, душа всего народа, всей арміи, бурно протестуетъ сейчасъ противъ тевтонскаго насилія, противъ нѣмецкой наглости, противъ дерзости націи, возомнившей себя едва ли не единой и полновластной хозяйкой міра. И нельзя не побѣдить съ такими героями, съ такими чудо-богатырями, которые, забывъ все—и родныя села, и работы, и безропотно покинувъ женъ и дѣтей, стариковъ и малютокъ,—встали всѣ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту чести святого славянства. Съ такими орлами нельзя не побѣдить. А смѣлая и мудрая рука Верховнаго Вождя, благословляющая свое милльонное боевое семейство, развѣ она не несетъ залога побѣды и будущей славы?

Анатолій говоритъ горячо, пылко, увлекаясь, какъ юноша. Прекрасно сейчасъ его обвѣтренное, загорѣлое лицо, лицо не прежняго,—о!—далеко не прежняго легкомысленнаго мальчика, баловня судьбы и женщинъ, бальнаго дирижера и побѣдителя на конскихъ состязаніяхъ. Мужественно и значительно это загорѣлое молодое лицо, страстное воодушевленіе сквозитъ теперь въ каждой чертѣ его, освѣщеннаго глубокимъ внутреннимъ чувствомъ.

— Если даже только третья часть нашей арміи чувствуетъ такъ, какъ онъ, то побѣда обезпечена, честное слово,—тихо вставляетъ Никсъ.

И у него тоже сейчасъ какое-то проникновенное лицо.

„Ахъ, милые вы, милые оба!“—мысленно восхищается Муся, и отъ полноты чувствъ такъ сильно стискиваетъ руки пристроившейся около нея Варюши, что бѣдная „мусина совѣсть“ вскрикиваетъ отъ боли.

Этотъ легкій крикъ какъ бы мѣняетъ, вспугиваетъ общее настроеніе. Анатолій словно просыпается. Его лицо горитъ отъ неулегшагося возбужденія, глаза еще сіяютъ.

— Ну, я пройду къ мамѣ. Я думаю, она не спитъ еще. Пустите меня къ ней, я такъ давно не видалъ ея!—и, отставивъ недопитый стаканъ съ чаемъ, онъ встаетъ изъ-за стола и въ сопровожденіи Китти, взволнованной и испуганной предстоящимъ свиданіемъ, выходитъ изъ столовой.

Въ сосѣдней гостиной дѣвушка останавливаетъ брата.

— Толя, дорогой мой, послушай...

Какъ она блѣдна сейчасъ! Какъ дрожатъ ея руки!

— Что такое? Ты чѣмъ-то взволнована, сестра?

О! какъ сказать ему, какъ сказать? Какая мука! Китти уже раскаивается сейчасъ, что не предупредила его письменно о несчастьѣ. Бѣдный мальчикъ! Какъ онъ долженъ будетъ страдать!

Теперь она говоритъ тихо, сдержанно, смущенно.

Анатолій внимательно слушаетъ, насторожившись, съ нервами, натянутыми, какъ струна. Его рука судорожно сжимаетъ руку сестры, лежащую на обшлагѣ его походной куртки. И самъ онъ сейчасъ блѣденъ до синевы. Ему кажется, что матери уже нѣтъ, что она умерла.

— Она...—начинаетъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, — она... Неужели? О, говори, говори скорѣе!

— Что, Анатолій, что, голубчикъ? Нѣтъ, нѣтъ, она жива... да, Анатолій, она жива, хотя... хотя было бы лучше, если... для нея лучше конечно...

— Китти... она?..

— Она—душевно-больная, наша дорогая мама, — съ трудомъ выдавливаетъ изъ себя она слова.

— Аааа...

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ Анатолія, но оно помертвѣло и глаза широко раскрылись съ выраженіемъ ужаса.

— Разскажи мнѣ, какъ все это случилось,—говоритъ онъ минутой позже, справившись съ волненіемъ.

Тихимъ, прерывистымъ шепотомъ передаетъ ему Китти все до встрѣчи ихъ съ Рудольфомъ. Объ этой встрѣчѣ она конечно не обмолвливается ни единымъ звукомъ.

Анатолій выслушалъ, казалось, спокойно, выслушалъ все до конца.

— Значитъ, это „они“? Все зло отъ нихъ? отъ этихъ злодѣевъ?—спрашиваетъ онъ.

— Да, Толя, да.

Анатолій заскрипѣлъ зубами.

— Какое несчастье, сестра, что отецъ заблаговременно прогналъ отсюда этихъ шпіоновъ! Иначе я убилъ бы ихъ обоихъ, и отца, и сына,—цѣдитъ онъ сквозь зубы, конвульсивно сжимая кулаки.

— Про кого ты говоришь, Толя? Я не понимаю.

— Про Августа и Рудольфа Штейнберговъ. О, они отвѣтили бы мнѣ оба за то, что ихъ изверги-единомышленники искалѣчили маму!

„И погубили сестру“,—мысленно добавляетъ Китти и вздрагиваетъ отъ неожиданности.

Неслышно ступая по ковру, къ нимъ приблизилась Вѣра.

— Нельзя по одной бандѣ негодяевъ судить обо всѣхъ,—говоритъ она тихо и глухо, и ея темные глаза строго глядятъ въ лицо брата. — Рудольфъ Штейнбергъ и его отецъ ничѣмъ не виноваты. Развѣ они могутъ отвѣчать за поступки единомышленниковъ?

— А, я не вдавался бы въ подобный анализъ, а просто застрѣлилъ бы ихъ обоихъ, какъ собакъ, — со страстной ненавистью вырывается у Анатолія.

— За что? За другихъ?—и взглядъ Вѣры, полный безнадежнаго отчаянія, не отходитъ отъ лица брата.

Но онъ не видитъ этого взгляда. Онъ уже оправился немного и, не разслышавъ послѣднихъ словъ сестры, шагнулъ изъ гостиной.

Зато Китти перехватила взглядъ сестры, замѣтила отчаяніе и волненіе Вѣры.

„Неужели? Господи! Неужели? Этого еще недоставало, — вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ, и колючія струйки ужаса поползли въ ея ду-

шу. — Неужели онъ... этотъ злодѣй, этотъ варваръ, успѣлъ вскружить Вѣрѣ голову? Неужели она любитъ его?".

IV.

„Нѣтъ, я положительно начинаю сходить съума сегодня. Я галлюцинирую. Это—безуміе. Что сдѣлалось со мною? Что случилось нынче? Отчего онъ не выходитъ изъ моей головы? Ну, я понимаю, будь я еще Муськой, увлекающейся дѣвченкой, грезящей о сказкахъ любви, — это было бы вполнѣ простительно. Пріѣхалъ-де съ войны красивый, побывавшій въ бояхъ, офицеръ, бывшій поклонникъ, до котораго было раньше ровно столько же дѣла, сколько до китайскаго богдыхана и съ которымъ и флиртовала-то больше по инерціи, ввиду cousinage'а. А тутъ вдругъ засверлило сердце. Обидѣлась, видите ли, на мальчишку за то, что онъ ни раза не взглянулъ во весь вечеръ и какъ будто повидимому совсѣмъ выкинулъ изъ памяти прежнюю „страсть". Глупо все это, ерунда! Просто разошлись, расползлись нервы. Нѣтъ ничего мудренаго: хоть кого сведетъ съума эта дикая монастырская жизнь! Вѣчное затворничество, все одно и то же, все одно и то же, да еще волненіе и тоска при этомъ! Поневолѣ обрадуешься первому свѣжему человѣку и готова повиснуть у него на шеѣ... Фи!"

Зина замѣтно сердится, негодуетъ на себя. Уже первый часъ ночи, а Анатолій все еще у матери—очевидно сидитъ у ея постели и ждетъ, пока больная уснетъ. А до нея, Зинаиды Викторовны Ланской, ему какъ будто никакого нѣтъ дѣла. Но выйдетъ же онъ наконецъ, долженъ когда нибудь выдти оттуда! Не цѣлую же ночь будетъ сидѣть тамъ. О, она дождется его! Ей почему-то хочется еще разъ повидать его потемнѣвшее отъ загара, словно бронзовое, лицо, ставшее такимъ мужественнымъ, значительнымъ и интереснымъ! Когда за столомъ Анатолій разсказывалъ про своихъ солдатъ, передавалъ переживаемыя имъ лично впечатлѣнія и высказывалъ съ сильной увѣренностью свой взглядъ на несомнѣнность побѣды, — она просто любовалась имъ, его порывомъ, его душою и гордилась, да, гордилась своимъ „маленькимъ Толей". Если бы онъ такимъ, какимъ пріѣхалъ нынче, заговорилъ тогда о своей любви, развѣ у нея хватило бы духа сказать ему „нѣтъ"? Ни за что въ жизни! Такой, каковъ онъ сейчасъ, онъ уже не прежній маленькій Толя, съ которымъ можно безнаказанно флиртовать, кокетничать, плясать танго. Нѣтъ, этого должно уважать, это—личность, предъ которою она готова преклониться. Онъ олицетворяетъ собою одну трехмилльонную часть великой, но скромной арміи истинныхъ героевъ, которые побѣждаютъ безъ помпы и умираютъ безъ страха тамъ, на чужихъ поляхъ. Что же онъ однако не спѣшитъ сюда? Ей хочется дать ему понять, что все, начиная съ его горячихъ, полныхъ патріотическаго захвата рѣчей и кончая его загрубѣвшимъ подъ вѣтрами непогоды лицомъ и его какъ будто пропитанной пороховымъ дымомъ курткой защитнаго цвѣта, — все въ немъ дорого ей. А онъ ни раза не взглянулъ на нее нынче тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрѣлъ прежде: немножко дерзкимъ, немножко восхищеннымъ. А она ждала этого взгляда, такъ ждала! Неужели война заставляетъ забыть о любви и нѣгѣ жизни? Но вѣдь умираютъ же на войнѣ мужья, женихи и любовники съ карточкой любимой женщины на груди? Одно не мѣшаетъ другому. Вѣдь въ рыцарскія времена взглядъ Прекрасной Дамы рѣшалъ исходъ турнира.

«Боже Всесильный! а Анатолій не идетъ!». (Ст. 165).

„Такъ почему же? Или я подурнѣла? или онъ нашелъ кого нибудь лучше, интереснѣе меня?“—съ ревнивымъ уколомъ въ сердцѣ, внѣ всякой логики дѣлаетъ она новое заключеніе и мелькомъ искоса бросаетъ робкій взглядъ въ зеркало.

Нѣтъ, она—прежняя... даже лучше прежняго. Похудѣла, осунулась, но это идетъ ей. И волосы, подсвѣженные недавно, стали еще болѣе яркими и блещими. Нѣтъ, она хороша, положительно хороша. Здѣсь, значитъ, кроется другая причина. Но не все ли равно, что это? Какая мука ждать!

У камина въ залѣ Никсъ Луговской разсказываетъ дѣвочкамъ про какую-то стычку. Отличился еще какой-то смѣльчакъ-казакъ: нанизалъ на пику нѣсколько нѣмцевъ, получилъ три Георгія. Дѣвочки ахаютъ и умиляются. Вѣра крупными шагами ходитъ по залу. Въ столовой Маргарита гремитъ у стола, перетирая фамильное серебро.

„Боже Всесильный! а Анатолій не идетъ“.

Новая мысль обжигаетъ мозгъ Зины, и она рѣшительно подходитъ къ группѣ молодежи.

— Николай Ивановичъ, на одну минуту конфиденціальнаго разговора,— кокетливо окликаетъ она Луговского и отводитъ въ сторону.—Никсъ, голубчикъ, скажите Тольчику, что я его жду—понимаете?—жду на скамейкѣ у пруда, въ бѣлой бесѣдкѣ. Такъ и передайте! Да?

— Сочту своимъ долгомъ!

— Мерси. А я иду туда,—и Зина, чуть смущенная, кивнувъ ему рыжей головкой, уходитъ.

Офицеръ смотритъ изумленными глазами ей вслѣдъ. Онъ знаетъ безнадежную любовь товарища къ этой женщинѣ, и сейчасъ ея порученіе пріятно дѣйствуетъ на него. Онъ радъ за своего друга.

А Зина уже въ саду. Накинувъ на

себя первое попавшееся пальто, она стремительно мчится по каштановой аллее. Слава Богу еще, что дождя нѣтъ. И мѣсяцъ, какъ сказочный волшебникъ, своимъ призрачнымъ, серебрянымъ свѣтомъ воздвигъ цѣлые терема въ облакахъ. Дивная феерія выросла тамъ, на гребняхъ этого высокаго и далекаго океана: какіе-то корабли, какой-то бѣлый городокъ, что-то мавританское съ башенками и галлереями вокругъ нихъ. Или это—только мечта? Конечно мечта, призракъ. Но какъ бьется сердце Зины! Оно точно заглушаетъ шорохъ листьевъ подъ ногами, и въ головѣ туманъ. Она давно уже не испытывала такого волненія. Въ двадцать восемь лѣтъ она—старуха душою. Никакихъ грезъ впереди, никакихъ сожалѣній сзади; желаній давно уже нѣтъ; все холодно, разсудочно, ясно, давно уже ясно. И вотъ снова этотъ огонь, эта неясная мечта, перехватившее сердце. Чистое (у нея-то, пережившей все!) влеченіе, можетъ быть, страсть безъ примѣси фальши, можетъ быть, даже и любовь.

Въ саду холодно и сыро. Но Зина не чувствуетъ холода и сырости. Ея лицо горитъ, тѣло тоже. Сладкая отрава жжетъ ея грудь. Ее нестерпимо тянетъ къ чистой, прекрасной ласкѣ кого-то большого и сильнаго, кто бы взялъ ее, какъ маленькую дѣвочку, къ себѣ на колѣна и долго-долго баловалъ и качалъ на сильныхъ рукахъ. Съ нею еще никогда не было ничего такого, она до сихъ поръ умѣла только властвовать и дразнить.

* * *

Зина сидитъ теперь въ бѣлой кружевной бесѣдкѣ надъ прудомъ, въ той самой, гдѣ, можетъ быть, столѣтіе назадъ какому нибудь молодому красавцу-шляхтичу клялась въ любви невѣрная жена стараго магната. Своды бесѣдки какъ будто полны еще ихъ преступнымъ шепотомъ, знойными поцѣлуями, ихъ раскаленнымъ дыханіемъ. Но какое дѣло Зинѣ до чужой любви, чужихъ пѣсенъ страсти? Она жаждетъ своей... и отвѣтной.

Волненіе, зажегшее ея кровь, уже начинаетъ измѣняться: оно переходитъ въ раздраженіе, въ страхъ. Почему Анатолій не идетъ такъ долго? почему заставляетъ ее ждать на холодѣ? Какъ это однако нелюбезно! И это — Бончъ-Старнаковскій, потомокъ рыцарей до кончиковъ ногтей, жрецовъ культа обоготворенія Прекрасной Дамы. Нѣтъ, нѣтъ, тутъ что-то не то...

Господи, какъ онъ долго!

Змѣя сомнѣнія осторожно и незамѣтно вползаетъ въ сердце Зины.

А неумолимое время идетъ. Луна разъ десять заходила за облака и появлялась снова, а Анатолія все еще нѣтъ. Что же это значитъ? Сердце волнующейся вдовушки стучитъ все тревожнѣе, все больнѣе. Ей хочется сейчасъ искусать себѣ руки, броситься въ мокрую траву и рыдать навзрыдъ.

Что это? Шаги?

Зина вздрагиваетъ, вся переходитъ въ слухъ. Такъ и есть — онъ. Шуршатъ сухіе листья, кто-то идетъ. Онъ! О, какъ бьется сердце! Сейчасъ... сейчасъ она увидитъ его! О чемъ они будутъ говорить? Что скажетъ ему она, Зина? Да развѣ она знаетъ? Да и не все ли равно? Огромная радость затопляетъ собою все ея существо; какъ дѣвочка, вскакиваетъ она со скамейки и бѣжитъ къ выходу.

— Вы, Тольчикъ? вы?—рвется призывнымъ звукомъ у нея изъ груди.

Минута молчанія. Затѣмъ голосъ Луговского отвѣчаетъ извиняющимся тономъ:

— Пардонъ, Зинаида Викторовна, виноватъ. Это — я, Никсъ. Анатолій проситъ васъ назначить ему часъ завтра. Сегодня ему не вырваться: Софья Ивановна какъ будто узнала его, не пускаетъ, держитъ при себѣ и плачетъ. Съ нею опять только что былъ припадокъ.

Какое разочарованіе! Что-то рвется и гаснетъ въ душѣ Зины. О, она знаетъ — что! внезапная страсть. Но все же въ нѣдрахъ сердца, въ глубинѣ души остается что-то болѣе сильное и прочное, нежели эта страсть и желаніе, что горитъ нѣжно и ласково, озаряетъ, какъ лампада, мозгъ и освѣщаетъ душу.

Ну, да, она поняла сейчасъ... поняла конечно. Она любитъ. И что это за радость, что за мука—эта любовь!

Она машинально принимаетъ руку Луговского и идетъ молчаливая, затихшая въ домъ. Листья шуршатъ, какъ живые, подъ ногами. И въ этомъ шорохѣ Зина точно слышитъ тихое, чуть внятное:

„Ты любишь... любишь".

— Люблю! Люблю!—хочется ей отвѣтить имъ.—Люблю! Люблю!

Она не можетъ никого видѣть нынче; если ей не пришлось видѣть сегодня Анатолія, пусть и всѣ остальные исчезнутъ для нея.

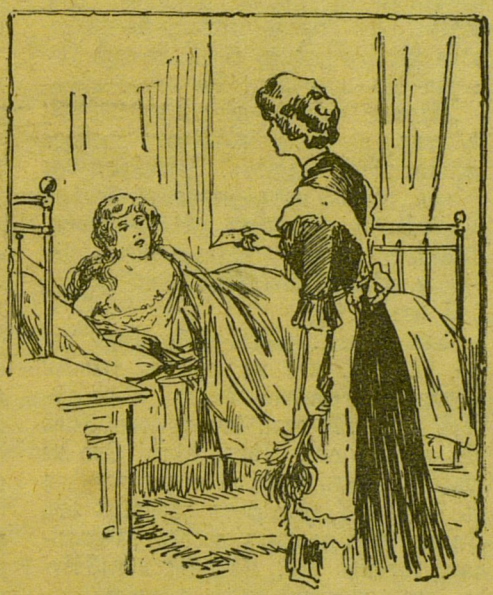
Обходомъ, оставивъ въ сторонѣ большой залъ, она идетъ къ себѣ, раздѣвается быстро, какъ нашалившая дѣвочка, лукаво косясь на дверь, и такъ же быстро юркаетъ подъ одѣяло.

— Завтра... завтра!—шепчетъ она сама себѣ, утопая въ волнахъ кружевъ и батиста.—О, милый! Какъ я завтра поцѣлую тебя!

Усталые нервы падаютъ, и такъ же быстро и внезапно падаетъ сонъ на ея затихшее въ истомѣ тѣло.

Вся ночь мелькаетъ, какъ одинъ короткій и быстрый мигъ для Зины въ сплошномъ крѣпкомъ снѣ безъ грезъ и видѣній, здоровомъ, какъ сонъ ребенка. И, когда она наконецъ раскрываетъ и щуритъ глаза на поднятую штору и на солнечное радостное утро (какъ будто и помина не было о недавнихъ дождяхъ!), ей кажется, что она спала цѣлыя сутки.

Хорошенькая горничная изъ мѣст-



«—А наши герои, молодые господа?—Охъ, когда хватились, пани! Давно уѣхали!». (Ст. 170).

ныхъ польскихъ крестьянокъ хозяйничаетъ у нея въ комнатѣ.

— Что это, Ануся? развѣ уже такъ поздно?—спрашиваетъ Зина.

— Поздно, золотая пани, сильно поздно. Уже двѣнадцатый часъ. Паненки давно встали.

— А наши герои... молодые господа?

— Охъ, когда хватились, пани! Давно уѣхали.

— Какъ уѣхали? Куда?

— На станцію, пани, на первый поѣздъ. Эстафета была ночью нашему молодому господину. Разбудилъ ихъ Василій. Прочли и сейчасъ же собираться стали. А вамъ письмо оставили.

— Письмо? Давайте скорѣе!

Этотъ маленькій листокъ, вырванный наспѣхъ изъ записной книжки и вложенный въ первый попавшійся конвертъ! Онъ точно кусокъ раскаленнаго желѣза жжетъ Зинѣ пальцы. Замирая отъ волненія, она читаетъ:

„Кузина, умоляю простить. Спѣшно вызванъ на позиціи. Идемъ дальше ускореннымъ маршемъ. Оставляю за собою право предполагаемой бесѣды въ будущемъ. А пока цѣлую ручки. Пожелайте намъ успѣха—разбить наголову врага! Вашъ Анатолій“.

И все.

Какъ мало!.. какъ убійственно мало! Господи, что же дѣлать теперь? Ждать? Но она не можетъ и не хочетъ ждать. А если его убьютъ? Вѣдь она любитъ его. Нѣтъ, нѣтъ! Она не станетъ ждать новаго случая встрѣчи въ будущемъ, не хочетъ зависѣть отъ судьбы. Она увидитъ своего „Тольчика“, увидитъ его. Но гдѣ? какъ? Куда его вызвали? куда послали? Въ нынѣшнюю войну, по распоряженію свыше, никто не знаетъ ни направленій маршей, ни распредѣленія войсковыхъ частей. Если она и бросится слѣдомъ за Анатоліемъ, то уже не найдетъ его нигдѣ, нигдѣ.

Зина смотритъ въ окно на солнце. Тамъ тускло и темно. Она смотритъ на хорошенькую Анусю—какое ужасное лицо!.. Нѣтъ вокругъ ни красокъ, ни радости, ни жизни. О, какая мука, какая смерть!

„Я люблю тебя до отчаянія, слышишь?“—хочется ей крикнуть во весь голосъ, но она молчитъ, и въ душѣ ея растетъ и зацвѣтаетъ въ одинъ мигъ жуткій цвѣтокъ страданья.

V.

Снова однѣ. Снова четыре молодыя женскія фигуры встрѣчаютъ за рабочимъ столомъ длинныя, темныя осенніе ночи и непогожіе, дождливые дни. Теперь шьютъ и вяжутъ теплыя вещи. Въ окопахъ холодно; родные герои должны чувствовать заботящуюся о нихъ руку.

А съ театра войны идутъ все новыя и новыя вѣсти. Побѣдоносно вошли въ Галицію русскіе полки, отвоевали древніе русскіе города Львовъ, Галичъ, Ярославъ, вернули подъ крыло могучаго русскаго орла шестьсотъ лѣтъ томившуюся подъ иноземнымъ игомъ Галичину. И въ Восточной Пруссіи идутъ упорные бои. Слышно, изъ Бельгіи туда перебрасываютъ корпуса германцевъ. Испуганный за участь своихъ владѣній Вильгельмъ шлетъ новыя силы на Русь. Палъ Льежъ, покинутъ Брюссель. Нѣмцы устремляются все дальше и дальше, подбираются къ Антверпену. Король-герой Альбертъ сражается, какъ простой воинъ, во главѣ своихъ бельгійцевъ. Англія давно присоединилась къ двойственному союзу. Она ловитъ и топитъ германскія суда, какъ грозный шквалъ, стихійно налетаетъ и покоряетъ ихъ среди морей. И Франція дерется наславу, соединившись съ Бельгіей и Англіей, грудью своей готова геройски защищать честь націи и сердце республики—Парижъ. На южномъ фронтѣ, какъ львы, сражаются сербы и черногорцы. Австрія сотрясается. Гибнутъ ея корпуса и подъ натискомъ русскаго оружія, и на югѣ. А они, наши чудо-богатыри, идутъ, все идутъ впередъ, пробивая штыками себѣ дорогу.

Съ войны отъ Анатолія часто при-

«И Франція дерется на-славу, соединившись съ Бельгіей и Англіей... Австрія сотрясается... А наши чудо-богатыри идутъ все впередъ, пробивая штыками себѣ дорогу». (Ст. 172.)

ходятъ открытки съ помѣткой „Дѣйствующая армія". Чаще всего они гласятъ: „Мы за нимъ, а онъ удираетъ. Цѣлую всѣхъ. Пишите о здоровьѣ мамы. Толя".

Коротко, не чуждо юмора и бодро, какъ всегда.

По вечерамъ, когда кончаютъ работать, Маргарита Федоровна, по просьбѣ барышенъ, раскидываетъ карты. Гадаютъ по большей части на Зину... Дальняя дорога, новость, денежный интересъ. Бубновый король, снова дорога и любовный интересъ. При послѣднемъ Зина краснѣетъ. Все одно и то же, безъ малѣйшихъ варіацій на старыя темы.

Софьи Ивановны почти не видно. Теперь она по большей части лежитъ, отвернувшись къ стѣнѣ, цѣлыми днями не говоритъ ни слова. Муся еще здѣсь, въ Отрадномъ, и не думаетъ возвращаться въ институтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—на всѣ увѣщанія сестры протестуетъ дѣвочка, — и не поѣду въ мою тюрьму. Какое же теперь ученье? И папа позволилъ мнѣ оставаться дома. Вѣдь и Варюша тоже не ѣдетъ.

Варюша дѣйствительно не ѣдетъ. Она рѣшила пожертвовать годомъ и перевестись въ другое учебное заведеніе. Она—сирота. Вліятельному опекуну до нея мало дѣла.

Самъ Бончъ-Старнаковскій не зоветъ больше въ Петроградъ дочерей.

Онъ самъ слишкомъ заваленъ дѣлами, ему некогда будетъ заниматься ими въ столицѣ. Въ Отрадномъ все же спокойно. Сейчасъ только въ калишскомъ раіонѣ хозяйничаютъ нѣмцы, а въ ихъ сторонѣ все по-старому. Да и Китти жаль разлучать съ женихомъ—Мансуровъ пріѣзжаетъ въ Отрадное каждую недѣлю.

Увы! старикъ-отецъ и не подозрѣваетъ даже, какою пыткою являются эти пріѣзды для его старшей дочери. Для нея это — казнь на медленномъ огнѣ. Чего бы только не отдала дѣвушка, чтобы то жуткое и роковое, что случилось съ нею, оказалось сномъ. Оно, какъ страшный ядъ, отравляетъ ея существо, лишая сна и покоя. Китти, какъ тѣнь, бродитъ изъ угла въ уголъ цѣлыми днями или, присѣвъ къ столу, беретъ иголку и дѣлаетъ меланхолически стежокъ за стежкомъ. И лицо ея точно закаменѣло; глаза еще глубже ушли въ орбиты и таятъ въ себѣ что-то, никому невѣдомое, закрытое. Съ Мансуровымъ она говоритъ мало и, когда онъ въ Отрадномъ, большую часть времени проводитъ на половинѣ матери. О чемъ ей говорить теперь, когда между ними легла тайна, страшная, непоправимая на всю жизнь?

„Это—проклятіе. Это не можетъ и не должно такъ продолжаться! Еще мѣсяцъ, недѣля такихъ страданій и мукъ, и лучше умереть!“—каждый вечеръ, ложась въ постель, говоритъ себѣ Китти и каждое утро, поднявшись, снова тащитъ на себѣ свое бремя, привязанное ей судьбой, какъ каторжникъ тачку.

Ея дни похожи на кошмаръ своимъ темнымъ страданіемъ и тоскою. Зато ея ночи прекрасны. Она видитъ лучезарные сны. Ей снится, что она снова—прежняя Китти и нѣтъ у нея никакого горя. Она свободна отъ заботъ и горя, весела и радостна попрежнему. Ничего не было, ничего не случилось. Ихъ любовь—ея и Бориса—цвѣтетъ, какъ пышный и чистый цвѣтокъ лиліи. Она можетъ свѣтло и невинно смотрѣть въ лицо жениху.

Ну, развѣ она виновата хоть сколько нибудь во всемъ происшедшемъ? развѣ она по своей волѣ загрязнила себя? Развѣ проклятый извергъ, погубившій ее, заклеймившій ее навѣки, не возбуждаетъ въ ней только ненависть, гадливость, глухую злобу и презрѣніе?

О, она любитъ Бориса—любитъ его еще мучительнѣе, еще сильнѣе, нежели прежде. И никогда она не убьетъ его чистосердечнымъ признаніемъ. Она скорѣе принесетъ самое себя и свое чувство въ жертву, нежели отравитъ любимому жизнь. Какой ужасъ, какой позоръ, какія муки!

Китти умираетъ по сто разъ въ сутки, чтобы воскреснуть снова и снова умереть. Она стала, какъ тѣнь. Осталось одно воспоминаніе о прежней Китти. А впереди ее ждетъ еще столько мукъ!

* * *

Въ это утро Китти проснулась отъ отвратительнаго ощущенія въ тѣлѣ, котораго еще не испытывала до этого дня въ такой силѣ, какъ теперь.

„Вѣроятно вечеромъ съѣла что-то, что испортило желудокъ“, — подумала она съ отвращеніемъ.

Тошнота поднималась къ горлу, мутило голову, жгло грудь. Бѣдняжка приподнялась, сѣла на постели и съ проступившими на лбу капельками холоднаго пота всячески удерживалась отъ припадка, стараясь въ то же время вспомнить, что она съѣла на ночь. И она вспомнила, что, кромѣ стакана чая, у нея ничего не было наканунѣ вечеромъ во рту.

Вдругъ, блѣдная до корней волосъ, Китти сообразила. Жуткая догадка толкнулась въ голову, и ледяной ужасъ сковалъ ея душу. Въ голову теперь, помимо желанія, лѣзли неопровержимые факты, подтвержденія.

Безконечно страшный порывъ отчаянія захлестнулъ все ея существо. Сомнѣній больше не было: ее ждало материнство.

„Все кончено. Теперь надо или умереть, или отказать Борису“, — съ мучительной ясностью пронеслось у нея въ мысляхъ.

Но пойти на первое она не смѣетъ: на кого останется больная, безумная мать? Она — старшая въ домѣ послѣ брата; она должна заботиться о матери и сестрахъ; вѣдь Вѣра (къ сожалѣнію она, Китти, поняла это недавно только) сама наканунѣ эксцесса отчаянія. Значитъ, на ея плечахъ еще новое тяжелое бремя: помимо болѣзни матери, еще горе сестры. И эта безпомощность Муси, еще не оперившейся, не вставшей на ноги. Ради нихъ она должна жить—жить съ этимъ пятномъ позора, съ этимъ ужасомъ въ прошломъ, съ рядомъ мученій, нравственныхъ и физическихъ, впереди.

Рожденію этого ребенка она конечно помѣшаетъ; его не должно быть. Зачатый со стономъ проклятія насильнику, онъ не можетъ быть желаннымъ и любимымъ ею, помимо уже всего остального. И двухъ мнѣній въ этомъ вопросѣ быть не можетъ.

Но Борисъ? Боря! Ея любовь къ нему, это — вѣчность. Она чиста, какъ прозрачное крылышко бабочки, предъ нимъ, какъ сердцевинка благоуханнаго, свѣтлаго цвѣтка. Потерять его любовь—значитъ, потерять жизнь. Но видѣть его гибель, можетъ быть, отчаяніе стыда и ужаса вслѣдствіе этой ужасной правды—это хуже смерти, хуже пытки, хуже всего.

* * *

Мансуровъ и Китти сидятъ на скамейкѣ подъ старымъ каштаномъ, вблизи балкона.

Нынче снова ясно и тепло, какъ будто опять пахнуло лѣтомъ. И солнце грѣетъ, и радость разлита кругомъ.

«Я позвала тебя сюда, чтобы поговорить съ тобою, Борисъ,—говоритъ Китти, зябко кутаясь въ платокъ». (Ст. 178).

Но какъ мрачно, какъ тяжело на душѣ у обоихъ!

— Я позвала тебя сюда, чтобы поговорить съ тобою, Борисъ. Въ домѣ неудобно: могутъ услыхать и другіе,—говоритъ Китти, зябко кутаясь въ платокъ, не смотря на тепло.

Ея голосъ кажется сейчасъ Мансурову какимъ-то деревяннымъ и чужимъ.

— Я очень радъ, дорогая. Мнѣ тоже давно хотѣлось выяснить нѣкото-

рые вопросы, близко касающіеся насъ и нашихъ отношеній,—отвѣчаетъ онъ и, помедливъ минуту, добавляетъ:—я нахожу, что съ нѣкоторыхъ поръ ты замѣтно перемѣнилась по отношенію ко мнѣ.

— Вотъ какъ? — тѣмъ же деревяннымъ голосомъ роняетъ Китти, повидимому вполнѣ спокойно, и въ то же время что-то словно падаетъ и обрывается въ ея груди.

— Да, дорогая! Надо быть положительно слѣпымъ, чтобы не замѣтить этой перемѣны въ тебѣ.

— Можетъ быть, Борисъ,—холодно, сухо произноситъ Китти, сама удивляясь появленію этого тона и возмущенная имъ, и все-таки продолжаетъ тѣмъ же голосомъ и съ тѣмъ же выраженіемъ:—можетъ быть! Иногда обстоятельства бываютъ выше насъ.

Мансуровъ смотритъ на нее удивленными глазами. Что съ нею? Кто подмѣнилъ ее? Та ли это дѣвушка съ золотыми волосами, какъ фея, даровавшая ему неземное счастье? Онъ блѣденъ сейчасъ, и его темные глаза мрачно горятъ.

— Но... но... ты не откажешься отвѣтить мнѣ, дорогая, почему? Объясни причину.

— Объяснить причину, Борисъ?

О, этотъ холодный, невозмутимый голосъ! Какъ онъ бичуетъ его!

— Но развѣ такъ необходимо объяснять причину?

— Да, Китти, да...

Какая нестерпимая мука! Такъ пытали древнихъ мучениковъ-христіанъ, такъ жестокая инквизиція казнила оговоренныхъ. Но ей-то за что эта мука—ей, истерзанной и уже запытанной? за что? Вѣдь она любитъ Бориса, любитъ съ такою огромною, всесокрушающей силой и въ силу этой любви доведетъ начатое до конца. Лучше пусть онъ считаетъ ее неблагодарной, пустой и ничтожной, лишь бы только не узналъ главнаго—всего этого ужаса, который поразилъ ее, оставилъ слѣдъ на всю ея жизнь. Вѣдь въ сущности спасеньемъ самого Бориса прикрывался злодѣй, когда обманомъ завлекъ ее въ свой вертепъ и погубилъ непоправимо. Каково это было бы узнать Борису?

Мысли Китти сейчасъ—какъ огненныя стрѣлы: онѣ жгутъ, прокалываютъ ея мозгъ, вонзаются въ него и высасываютъ изъ ея крови послѣднія надежды.

Собравъ всѣ силы, не глядя на Бориса, на его такъ горячо и страстно любимое лицо, она говоритъ все тѣмъ же деревяннымъ голосомъ и деревяннымъ тономъ:

— Борисъ, ты помнишь, какъ мы встрѣтились и полюбили другъ друга? Это случилось такъ внезапно и случайно. Вѣдь да? Это произошло на балу у Родіоновыхъ. Ты былъ представленъ моей мамѣ, сталъ бывать у насъ, сдѣлалъ предложеніе. Ты помнишь, что любовь налетѣла сразу, какъ знойный вихрь. Теперь она такъ же быстро исчезла, прошла.

— Не у меня только, Китти, не у меня, ради Бога! — слышится глухой, полный отчаянія голосъ Мансурова.

— Это все равно. Я не признаю брака, въ которомъ одна сторона любитъ, а другая позволяетъ любить, и... и...

— Ты желаешь вернуть мнѣ слово?

Китти кажется сейчасъ, что смерть стоитъ уже за ея плечами и заноситъ тяжелый молотъ надъ ея головою. Еще минута—и она или лишится сознанія, или рыдая упадетъ къ Борису на грудь. На минуту ей точно нехватаетъ дыханія. Она дѣлаетъ паузу и съ искаженнымъ лицомъ договариваетъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ люди бросаются въ бездну:

— Да, мы должны разстаться. Слышишь? Я не люблю тебя больше, Борисъ.

Вотъ оно! Кончено, произнесено послѣднее, роковое слово. Теперь возвратъ немыслимъ даже и при желаніи. Словно тяжелая дверь клѣтки захлопнулась за ея сердцемъ. Теперь оно будетъ въ вѣчномъ плѣну безнадежности и тоски.

Но что это? Почему Борисъ молчитъ? Почему такая огромная, длинная пауза? Почему онъ не негодуетъ, не упрекаетъ ея? Какой адъ въ этомъ невѣдѣніи! Во стократъ было бы легче услышать потокъ оскорбительныхъ упрековъ изъ его устъ.

На одинъ мигъ Китти почти лишается сознанія. Слава Богу еще, что спинка садоваго дивана не даетъ ей упасть.

И до ея отдалившагося сознанія доходятъ наконецъ, какъ издалека, глухія, отрывисто брошенныя слова:

— Да, Китти, я васъ понялъ. Вы поступили честно, сказавъ мнѣ правду. Вы правы, повторяю. Я не смѣю васъ осуждать. Сердцу нельзя велѣть любить, а потомъ разлюбить. Нѣчто высшее правитъ повидимому чувствами, это не отъ насъ. Я былъ бы безгранично счастливъ вашимъ расположеніемъ ко мнѣ и конечно не думалъ... Но это — не то. Простите, я не могу логически выражать свои мысли. Вы понимаете, мнѣ тяжело. Я вѣдь... Ну да! Вѣдь у меня мое чувство къ вамъ осталось прежнее. Простите, Китти, и... прощайте! Я не могу оставаться больше здѣсь.

Мансуровъ всталъ, приподнялъ шляпу.

Китти даже не пошевелилась. Ея голова была запрокинута чуть на спинку скамьи, но глаза опущены; они смотрѣли на песокъ дорожки, на тѣни, отброшенныя обнаженными вѣтвями каштана, на кончики ея маленькихъ туфлей.

Сейчасъ... сейчасъ Борисъ уйдетъ— останутся только мракъ и пустота.

„Остановить, молить о прощеніи, вернуть его во что бы то ни стало!“—въ послѣднемъ проблескѣ сознанія мелькаетъ у Китти мысль, а затѣмъ тотчасъ гаснетъ послѣдняя искра, и глаза и мозгъ застилаетъ туманъ.

Китти приходитъ въ себя отъ раздирающаго душу крика.

Кто это крикнулъ? Онъ или кто нибудь другой? Или вовсе никто не кричалъ, и ей это только послышалось?

Черные кошмары сплотились вокругъ Китти призрачной стѣною и заплясали свой дикій танецъ. И кто-то произнесъ четко и ясно ей на-ухо:

«Муся шепчетъ задыхаясь, упавшимъ голосомъ, въ какомъ-то дикомъ изступленіи злобы:—Это—низко, низко! это—ужасъ! и я тебѣ этого никогда не прощу!». (Ст. 183.)

— Ну, вотъ и кончено, вотъ и все. Какъ просто!..

И снова заплясали отвратительный танецъ жуткіе, безформенные призраки.

* * *

Солнце свѣтитъ попрежнему. Играетъ на пескѣ аллеи кружевная тѣнь. Все, все по-старому, какъ и при Борисѣ во время ихъ объясненія, но его нѣтъ. Вмѣсто него на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько минутъ до этого сидѣлъ Борисъ Мансуровъ, теперь сидитъ Муся.

Но что стало съ дѣвочкой? Почему у нея такое лицо, такіе глаза?

— Муся, что ты? Что съ тобою?— испуганно роняетъ, приходя въ себя, Китти.

Но та молчитъ; только ея лицо все въ красныхъ пятнахъ да губы дергаются; глаза неестественно расширены и лихорадочно блестятъ, и въ нихъ стоятъ слезы.

— Муся, да что же наконецъ съ тобою? Ты больна, дѣточка?

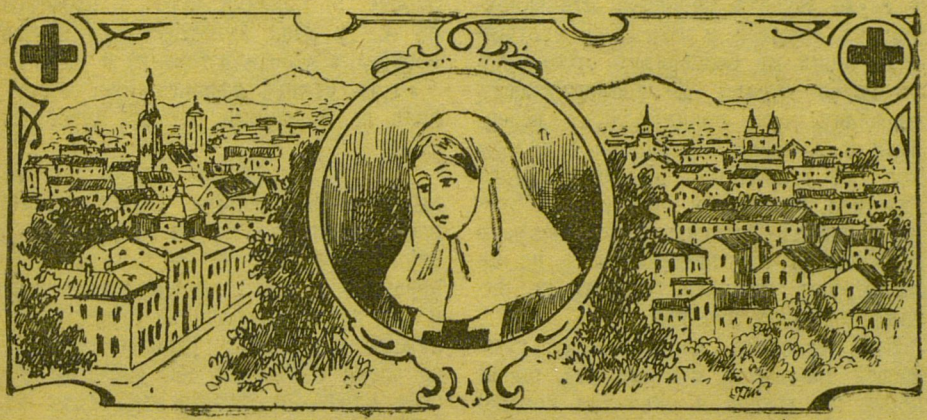
Китти, сама чуть живая отъ пережитыхъ волненій, протягиваетъ руки младшей сестрѣ. Но та вскакиваетъ, какъ ужаленная, и, схватившись руками за голову, шепчетъ задыхаясь, упавшимъ голосомъ, въ какомъ-то дикомъ изступленіи злобы:

— Это—низко, низко!.. Это—ужасъ! И я тебѣ этого никогда не прощу. Слышишь? никогда, Китти! И онъ любилъ тебя, могъ любить—пустую, легкомысленную, невѣрную? Онъ лучше тебя, во стократъ лучше. Ты недостойна его любви... Ты...

Дѣвочка не договариваетъ и рыдая бѣжитъ отъ скамейки. Ея маленькое сердечко то сжимается въ комочекъ отъ непосильной боли, то какъ будто разрастается во всю ширину груди. Вотъ-вотъ кажется, что разобьется оно на сотни кусковъ, какъ дорогая севрская чашка. Но пусть бьется, пусть умираетъ хоть сейчасъ; ей все равно. Развѣ можетъ она жить теперь, когда такъ страдаетъ онъ, ея сказочный принцъ, ея золотая мечта, тотъ, о комъ она грезила всѣ эти годы, ради кого плакала по ночамъ? Одна Варюша, „ея совѣсть“, знала только про эту любовь и не осуждала ея за это. Вѣдь эта любовь была только сказкой—увы!—съ такимъ печальнымъ началомъ и безъ конца! О, да, печальнымъ! Вѣдь она выросла на фундаментѣ безнадежности и никогда не кончится, никогда.

— Я люблю васъ, Борисъ. Я люблю васъ!—безсвязно и трогательно роняетъ на-бѣгу дѣвочка,—и, если бы это могло утѣшить васъ, успокоить немного, я сочла бы за счастье умереть хоть сію минуту за васъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.



ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Красотой и стильностью вѣетъ отъ стѣнъ стараго города съ его странной старинной архитектурой, съ огромнымъ замкомъ и цитаделью, съ широкой базарной площадью, зданіемъ сейма и людными улицами, по которымъ снуетъ теперь любопытная толпа. Городская цитадель особенно привлекаетъ вниманіе. Еще такъ недавно въ ея каменныхъ мѣшкахъ - тюрьмахъ, подъ ихъ сводчатыми потолками, слышались стоны и вопли заключенныхъ сюда галичанъ; еще такъ недавно лилась здѣсь кровь заключенныхъ, казненныхъ австрійцами по одному подозрѣнію въ сношеніяхъ съ русскими. Теперь все тихо и мирно въ этихъ старыхъ стѣнахъ, какъ и въ самомъ городѣ. Онъ присоединенъ къ Россіи. Заливая своей кровью каждый кусокъ русской древней земли, томившейся около шестисотъ лѣтъ подъ иноземнымъ владычествомъ, отняли наконецъ многострадальную Галичину Габсбурговъ русскіе чудо-богатыри, и этотъ старый городъ, драгоцѣнная жемчужина Галиціи, сталъ снова нашимъ. Словно сказочная царевна, томившаяся безконечные вѣка въ замкѣ колдуна-чародѣя, онъ освобожденъ изъ плѣна ударомъ богатырскаго меча славнаго, непобѣдимаго витязя.

Въ старомъ городѣ теперь стало оживленно, шумно, какъ въ Свѣтлый праздникъ. То и дѣло небольшими отрядами проходятъ по всѣмъ направленіямъ войска побѣдителей, смѣняя караулы и производя ученіе. То тутъ, то тамъ играютъ оркестры военной музыки, гремятъ марши. Иногда нѣжный и красивый звучитъ „Коль славенъ“ или побѣдно гремитъ русскій національный гимнъ. Звенятъ своимъ настойчивымъ звономъ звонки трамваевъ; гудятъ военные автомобили, переполненные одѣтыми въ защитный цвѣтъ офицерами. Бойко и весело торгуютъ кафэ. Образцово поддерживаетъ порядокъ на улицѣ городская полиція. Порою проводятъ плѣнныхъ, исхудалыхъ, изнуренныхъ, цѣлыми партіями, подъ гробовое молчаніе толпы. Всѣ дома расцвѣчены флагами. Въ каждомъ кварталѣ города есть зданія, надъ которыми вѣютъ значки Краснаго Креста.

А раненыхъ все подвозятъ и подвозятъ каждое утро, каждый вечеръ. Теперь бой идетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ города. Отдаленно

и глухо звучитъ канонада. Это разбитая въ Галиціи и Буковинѣ австрійская армія въ безпорядкѣ отступаетъ въ глубь страны. Ее поддерживаютъ союзники, она подкрѣпляется резервами и все-таки отступаетъ, и только кое гдѣ вслѣдствіе исключительнаго удобства позицій и усиленія подходомъ новыхъ, свѣжихъ силъ рискуетъ защищаться отъ наступающаго на ея арьергарды, идущаго за ними по пятамъ русскаго корпуса.

Прислушиваясь къ далекому гулу боевой канонады, скользя отъ одной койки къ другой и оказывая помощь лежащимъ на нихъ раненымъ, быстро движется молодая женщина по лазаретной палатѣ. На ней скромная одежда сестры милосердія; лицо — исхудалое, осунувшееся; волосы, своимъ золотымъ сіяніемъ похожіе на солнце, тщательно запрятаны подъ бѣлую традиціонную косынку. Высокая, тонкая, изящная, она съ врожденною граціей продѣлываетъ ту прозаическую, грубую работу, для которой три недѣли тому назадъ пріѣхала сюда въ этотъ городъ, съ тѣмъ чтобы, отбывъ положенное испытаніе, летѣть отсюда дальше, впередъ, на передовыя позиціи, въ полевой лазаретъ. Она помнитъ, съ какимъ недовѣріемъ взглянулъ на нее врачъ, начальникъ главнаго лазарета въ Варшавѣ, когда она пришла просить его отправить ее сюда. Какъ сурово нахмурились его брови, когда онъ сказалъ: „Трудно будетъ вамъ, барышня. Эфирны вы ужъ того очень. Ну, гдѣ справиться вамъ, съ вашей декадентской фигуркой, съ этими вотъ ручками?“—и враждебно (о, она помнитъ все это!) уставился на ея тщательно отполированные ногти.

Вспыхнувъ до ушей, она отвѣтила ему тогда:

— Попробуйте, докторъ! Можетъ быть, и пригожусь хотя бы на черную работу. Я кончила курсъ у профессора Х., у меня аттестатъ отъ энской общины, я работала тамъ-то и тамъ-то.

Этотъ отвѣтъ рѣшилъ дѣло: ее оставили на испытаніе, потомъ переслали сюда.

Тутъ-то и началась какая-то стихійная оргія работы. Этой „сестрѣ“ некогда ни думать, ни размышлять о себѣ во время этой вакханаліи невообразимаго труда. Ночей для отдыха и сна для нея больше не существуетъ; хорошо еще, если удается забыться во время смѣны на два часа. Но она сама словно избѣгаетъ ихъ, этихъ часовъ отдыха, и, пока не свалится, какъ подкошенная, работаетъ по двое, по трое сутокъ подрядъ.

Иногда въ этомъ сумбурѣ у нея въ головѣ проносятся недавнія картины. И тогда сердце все сжимается и словно высыхаетъ въ одно мгновеніе. Ей чудятся снова (о, эти галлюцинаціи, не дающія ей покоя и забвенія!) жуткая ночь подъ чужимъ небомъ, страшный кошмаръ насилія, совершеннаго надъ нею, дикія, разнузданныя ласки чудовища, звѣря, навѣки отнявшаго у нея все: и честь, и счастье, и спокойствіе.

Потомъ встаетъ другая картина. Блѣдный осенній полдень; каменная скамья въ тѣни каштановъ у балкона и тотъ, кого она любитъ до могилы, онъ—подлѣ нея. Что она сказала ему тогда? Да, что онъ сталъ для нея чужимъ и ненужнымъ, что ея чувство погасло, замерло въ ней, что она разлюбила его. Безумная, какъ она могла сказать это?

Пальцы „сестры“, стиснутые до боли, хрустятъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ. Но то былъ единственный выходъ тогда; иного выбора у нея не было. Чужое дитя, ребенка врага, ненавистнаго звѣря, носила она подъ сердцемъ.

И еще одна картина, ужасная, жуткая, налившая ея мозгъ бездной отчаянія и стыда, встаетъ предъ нею. Предъ тѣмъ какъ идти на осмотръ предъ поступленіемъ въ отрядъ сестеръ милосердія, куда рвалась она, Китти, еще съ самаго начала войны, она отправилась въ дальній кварталъ предмѣстья Варшавы. Ахъ, этотъ вечеръ, это лицо старой женщины съ алчнымъ блескомъ въ глазахъ, съ порочнымъ ртомъ и вкрадчивыми манерами и этотъ шепотъ о томъ, неизбѣжномъ! Кажется, послѣ отчаянной боли, страшныхъ физическихъ страданій она поцѣловала даже это отвратительное лицо. А та мегера такъ обрадовалась тогда полученному щедрому гонорару, что разошлась даже до циничной шутки. И сейчасъ Китти вздрагиваетъ при одномъ воспоминаніи о ней.

„Вотъ и все готово, красавица-барышня, вотъ и готово!—слышится ей этотъ отвратительный голосъ.—Можете завтра хоть танцовать. А въ случаѣ опять что нибудь въ томъ же родѣ... вы вѣдь мой адресъ знаете, барышня?“

И эта заискивающая, циничная улыбка!.. О, Китти даже не помнитъ, какъ она выбѣжала „оттуда“ въ ту ночь.

* * *

— Сестра, подайте ножницы и подержите ему руку. Да успокоительнаго дайте ему, сестра! Гдѣ хлороформъ? Позовите помощника! Что? занятъ? Ну, тогда сами держите маску. Бинтовъ, ради Бога побольше бинтовъ! Кого привезли сейчасъ изъ четвертаго полевого лазарета? Не выживетъ? Что? Скорѣе губку, сестра! Да поспѣшите!.. Что, вы хотите, чтобы онъ истекъ кровью?

Какой сумбуръ! Да, дѣйствительно это—какая-то вакханалія работы. Операціи, перевязки, снова операціи, ампутаціи конечностей, стоны, иногда слезы, иногда обмороки, рѣдко крикъ, но чаще всего терпѣливое молчаніе скромнаго русскаго героя, умѣющаго отчаянно храбро сражаться, стойко и мужественно переносить великія страданія и покорно и геройски-прекрасно умирать.

Да, смерть всегда здѣсь, всегда наготовѣ. Она то подкрадывается незамѣтно, то налетаетъ свирѣпо и грубо, но является всегда одинаково грозной и нежеланной. Однако надъ этими ея грозными посѣщеніями некогда думать—на смѣну вырваннымъ ею идутъ десятки новыхъ, живыхъ. И снова загорается борьба съ нею, снова врачи и сестры съ мужествомъ и упорствомъ отстаиваютъ у нея, безпощадной и хищной, намѣченныя ею жертвы. О, ихъ такъ много!

Китти кажется, что все это ея братья борются, выздоравливаютъ или умираютъ въ этихъ палатахъ. Они дороги ей, какъ дорогъ Анатолій, какъ сестры, какъ отецъ и мать. Они вошли въ ея мысль и сердце, и она готова дать растерзать себя на куски, лишь бы уменьшить ихъ муки и страданія. Ея прекрасные, темные глаза, ставшіе вслѣдствіе худобы лица огромными (какъ у Мадонны, по отзыву окружающихъ, съ восхищеніемъ отмѣчающихъ ея упорство и энергію въ трудѣ), смотрятъ на раненыхъ, какъ будто она давно-давно знаетъ всѣхъ ихъ, этихъ скромныхъ сѣрыхъ героевъ. Женихъ, семья, сестры мѣшали ей раньше осуществить эту ея давнишнюю мечту ухода за страждущими. Теперь всѣ они отошли отъ нея далеко-далеко. И воспоминаніе о горѣ, пережитомъ ею еще такъ недавно, и ея боль еще далеко не зажившей сердечной раны,—все отступаетъ отъ нея въ безконечные часы, проводимые ею у бѣлыхъ коекъ! Все ея существо теперь горитъ одною великою альтруистическою любовью,

ходящей до мистики, до восторга, милосердной любовью къ этимъ скромнымъ страдальцамъ-героямъ.

— Сестрица, испить бы!—слышитъ она хриплый голосъ съ ближайшей койки, и осунувшееся, землистаго цвѣта лицо раненаго съ трудомъ поворачивается въ ея сторону.

— Лежи, лежи, голубчикъ Захаровъ, я подойду. Что, развѣ опять хужѳ стало?

— Дюже худо, сестрица.

— Можетъ, вспрыснуть тебѣ еще? Докторъ разрѣшилъ... Помнишь, какъ давеча? Вѣдь тебѣ давеча послѣ морфія полегчало?

— Такъ точно, полегчало малость. Вспрысни, сестрица, коли милость такая будетъ.

Китти твердою рукою беретъ шприцъ изъ кипятильника, что шумитъ на столѣ, и наклоняется къ раненому. А въ усталой отъ безсонныхъ ночей и непрерывной работы головѣ медленно ползетъ тяжелая мысль:

„Вѣдь это же — самообманъ — все равно этотъ Захаровъ умретъ. Пуля прошла слѣпую кишку и засѣла въ полости брюшины. Операція невозможна, и докторъ сказалъ — не выживетъ и до утра“.

Вспрыснувъ морфій, она спѣшитъ къ другому раненому. У этого почти безостановочно кровоточитъ рана. Надо перемѣнить повязку, перебинтовать. Молоденькій добровольцъ, которому часъ назадъ ампутировали ногу, пораженную гангреной, мечется въ жару, бредя минувшимъ дѣломъ, сдѣлавшимъ его калѣкой.

— Они идутъ. Они заходятъ съ праваго фланга... наперерѣзъ... наперерѣзъ. Если выбить тѣхъ, другихъ, вонъ изъ той рощицы у рѣки... у насъ откроется путь соединенія съ нашими.

„Бѣдный юноша! Какіе жуткіе кошмары терзаютъ его сейчасъ!“—думаетъ Китти, причемъ склоняется надъ пылающимъ лицомъ и бережно накладываетъ пузырь со льдомъ на эту горячечную, больную голову.

А рядомъ съ юношею, странно вытянувшись и пристально глядя куда-то вдаль напряженнымъ взглядомъ, лежитъ еще одинъ. Этотъ тихъ и важенъ, не стонетъ и не бредитъ больше, спокоенъ послѣднимъ спокойствіемъ смерти. Этому уже не нужно ничего—ни морфія, ни льда. Китти наклоняется надъ нимъ, считаетъ пульсъ, слушаетъ сердце и вскорѣ уже тихо закрываетъ мертвые глаза, убѣдившись, что они никогда не будутъ смотрѣть больше. Потомъ она неслышно скользитъ дальше и мимоходомъ зоветъ санитаровъ. Умершаго надо вынести, убрать. Его мѣста ждутъ десятки живыхъ тамъ, въ корридорѣ, за которыхъ она будетъ снова бороться до конца. А сколько еще насчитается такихъ, жаждущихъ облегченія!

Нынче умерло въ ночь нѣсколько человѣкъ, и ей казалось, что она сама умираетъ вмѣстѣ съ ними. Особенно запомнился одинъ. У него была пробита грудь, прострѣлено легкое, и онъ выплевывалъ его вмѣстѣ съ кровью и мокротой. Онъ былъ въ полномъ сознаніи до послѣдней минуты и, когда умиралъ, все разсказывалъ о женѣ и ребятишкахъ или безпокоился, что не успѣлъ вынести казенный чайникъ изъ пылавшаго отъ снарядовъ дома.

— Какъ же такъ, сестричка? Велѣно было впередъ, а старыя позиціи „онъ“ изъ своихъ орудій вразносъ, значитъ... Я впопыхахъ и забылъ чайникъ. Вѣдь вотъ незадача-то, Господи! Казенное вѣдь добро, денегъ стоитъ,— глухо, вмѣстѣ съ хрипомъ и свистомъ доносилось до ушей Китти.

Потомъ умирающій мечталъ о возвращеніи въ деревню, о встрѣчѣ съ женою и ребятишками и только за нѣ-

сколько минутъ до рокового конца понялъ, что все кончено, что смерть неизбѣжна. А когда понялъ, то заплакалъ горько и неутѣшно, какъ обиженное дитя.

Все сердце вымотали, казалось, эти слезы у Китти.

И умиралъ этотъ герой долга съ тѣми же слезами, съ тою же мучительною жаждою жизни, цѣпляясь за нее. Она ему и глаза закрыла, клятвенно обѣщая предъ концомъ отправить по данному имъ адресу — его женѣ и малымъ—снятый съ шеи грошевый крестикъ, его предсмертное благословеніе.

Но горевать и плакать надъ этой трагически трогательной картиной у Китти не было времени—звали другіе раненые, другіе умирающіе. Сестры были наперечетъ. Всѣ выбивались изъ силъ. Работали безъ отдыха, и все же нехватало рукъ. Подвозили все новые и новые транспорты раненыхъ, не было времени ни поѣсть, ни поспать какъ слѣдуетъ.

II.

— Сестра, на васъ лица нѣтъ. Выйдите хоть на минуту на воздухъ, а то свалитесь, смотрите. Или хоть у форточки постойте въ корридорѣ, освѣжитесь немного,—озабоченно говоритъ завѣдывающая транспортомъ старшая сестра.

— Ничего, Анна Николаевна, не безпокойтесь, это пройдетъ. Это отъ хлороформа. Я слишкомъ низко наклонялась надъ оперируемымъ и поневолѣ наглоталась наркоза. До сихъ поръ

«— Лежи, лежи, голубчикъ Захаровъ! Что, развѣ опять хуже стало?». (Ст. 191.)

не могу привыкнуть къ этому запаху,— словно оправдываясь, отвѣчаетъ Китти.

— Ступайте, ступайте скорѣе!—уже начальническимъ, не допускающимъ возраженій, тономъ приказываетъ завѣдывающая.

Китти выходитъ изъ операціонной, гдѣ острый запахъ крови и сладковатый наркозъ перемѣшались между собою, гдѣ все время предъ глазами мертвенно-блѣдныя и безпомощно распростертыя на столѣ тѣла, смѣняющія

одно другое, всѣ эти оперируемые люди, все это скопленіе человѣческихъ страданій и мукъ.

Китти идетъ пошатываясь, какъ пьяная, въ корридоръ, гдѣ то и дѣло проносятъ санитары носилки съ ранеными или сами раненые медленно движутся, опираясь на ружья или палки, на тѣхъ же санитаровъ и служителей. Стоя подъ форточкой, дѣвушка глотаетъ осенній воздухъ. Когда же конецъ, конецъ этой войнѣ и вызываемымъ ею страданіямъ?

* * *

— Сестрица, васъ просятъ внизъ на минуточку, потрудитесь спуститься,—какъ сквозь сонъ, доносится до Китти голосъ санитара.

Она точно просыпается. Или она дѣйствительно спала здѣсь, стоя подъ окномъ? Нѣтъ, должно быть, не спала, потому что въ короткій мигъ покоя въ ея мозгу опять успѣло пронестись вереницей все пережитое въ послѣднее время. Ея отъѣздъ изъ Отраднаго, такой неожиданный и быстрый, особенно ярко повторился сейчасъ, среди сонной дремы, и поѣздка изъ Варшавы сюда, въ старый, снова завоеванный русскими, городъ, и все пережитое здѣсь.

Предъ нею стоитъ санитаръ въ закапанномъ кровью передникѣ, уставшій, измученный работою не менѣе докторовъ и сестеръ.

— Къ вамъ пришли, сестрица.

— Ко мнѣ?

— Къ вамъ. Вѣдь вы барышня Бончъ-Старнаковская будете, сестрица?

— Да, я, — удивленно вскидываетъ она плечами. — Вызываютъ меня? Но кто же это можетъ быть однако?

И вдругъ краска радостнаго испуга заливаетъ лицо Китти.

„Не можетъ быть! Вѣдь „онъ“ не знаетъ, гдѣ я нахожусь сейчасъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ пріѣхать“,— проносится вихремъ въ ея головѣ.

И тотчасъ же гаснетъ нечаянная радость въ груди, охватившая ее такъ внезапно. Быстро-быстро выпалили откуда-то, словно изъ тумана, знакомое смуглое лицо, темные, серьезные, допытывающіеся глаза, полные любви и муки, и исчезли снова, исчезли, какъ сонъ. Только слѣдъ остраго укола остался въ сердцѣ.

— Дама или... мужчина спрашиваетъ меня?—съ послѣднимъ проблескомъ надежды бросаетъ Китти на-ходу санитару.

— Барышня никакъ.

Ну да, конечно! А она-то что, глупая, вообразила! Съ какой стати „онъ“ поѣдетъ разыскивать ее послѣ того, какъ она сама оттолкнула его и унизила своимъ отказомъ?

И съ дрожью еще не улегшагося волненія Китти спускается по лазаретной лѣстницѣ внизъ.

Небольшая, просто, но изящно одѣтая женская фигура въ маленькой дорожной шляпѣ подъ вуалеткой быстро поднимается со стула и идетъ къ ней навстрѣчу. Подъ сѣтью вуалетки улыбаются зеленовато-сѣрые глаза, горятъ красноватымъ отблескомъ рыжіе волосы.

— Зина, ты?—изумленно восклицаетъ Китти.—Какими судьбами?

Та съ тихимъ смѣхомъ обнимаетъ двоюродную сестру.

— Не ожидала? Хорошъ сюрпризъ, не правда ли? Ради Бога не пугайся и не волнуйся только! Тетя Соня жива и относительно здорова. Муся и Варя оказались незамѣнимыми сидѣлками послѣ тебя. Одна Вѣрочка куксится, но и это въ порядкѣ вещей покамѣстъ. Всѣ онѣ здоровы, цѣлуютъ тебя и кланяются. Дядя былъ у насъ на день всего. Онъ опять привозилъ доктора и снова настаивалъ

на томъ, чтобы всѣ мы выбирались изъ Отраднаго. Ходятъ какіе-то темные слухи, что будто... Но все это— вздоръ конечно, туда не посмѣютъ придти, это немыслимо. Да и потомъ въ сущности, если и придутъ, то вѣдь не съѣдятъ же они насъ? Впрочемъ теперь, хочешь — не хочешь, а все равно не выбраться изъ Отраднаго,— тетю немыслимо везти. Попробовали было — сдѣлался такой припадокъ, какъ стали выводить изъ дома, что до сихъ поръ ея вопль стоитъ у меня въ ушахъ. Естественно, пришлось покориться.

— Ну, а ты-то, Зина, какъ попала сюда?

— Боже мой! Да какъ нельзя проще!.. Ты знаешь нашу организацію по снабженію теплыми вещами защитниковъ родины? Такъ вотъ выпросила я у предсѣдательницы, какъ особой милости, разрѣшенія прокатиться съ транспортомъ этихъ самыхъ теплыхъ вещей на передовыя позиціи, а по дорогѣ заѣхала сюда—адресъ вѣдь ты свой прислала въ открыткѣ—повидаться съ тобой, душка моя. Но ты какъ будто и не рада мнѣ, злая Китти?

— Нѣтъ, нѣтъ... рада конечно... Но это—все?

— Какъ все?

— Ты только за тѣмъ и пріѣхала сюда, въ Галицію, чтобы доставить на передовыя позиціи эти теплыя вещи? Правда?

— Я никогда не лгу и терпѣть не могу вилянья,—говоритъ Зина, опуская подъ пристальнымъ взглядомъ кузины свои заискрившіеся глаза (хорошо еще, что густая вуалетка такъ удачно скрываетъ выступившія на этихъ глазахъ слезинки), и вдругъ, неожиданно припавъ къ плечу Китти, она судорожно плачетъ.

— Зина, милая, родная, что съ тобою?

Исхудалое, истаявшее личико Китти полно сейчасъ тревоги и волненія. Ея худенькія руки съ нѣжностью обвиваютъ плечи двоюродной сестры. Она начинаетъ догадываться о причинѣ слезъ, такихъ неожиданныхъ и неумѣстныхъ въ этой всегда жизнерадостной и задорно-обаятельной Зинѣ. И нѣжная ласка и отдаленный намекъ на маленькую, слабую радость зажигаются гдѣ-то въ самой глубинѣ изстрадавшихся глазъ Китти.

А Зина уже говоритъ. Безъ приглашенія, безъ просьбы, трепетнымъ, прерывистымъ голосомъ, вздрагивая отъ утихающихъ постепенно рыданій, она спѣшитъ довести свое признаніе до конца.

— Не могла я, не могла больше терпѣть! Пойми, Китти, я извелась, измучилась. Не могу! Я люблю его, люблю до муки, до бѣшенства, до отчаянія, Китти, голубчикъ мой. Тогда, лѣтомъ, каюсь тебѣ, я отказала твоему брату. Мнѣ казалось, что онъ, нашъ милый Тольчикъ, не можетъ и не способенъ серьезно любить, не можетъ быть вѣрнымъ мужемъ. Да и сама я не любила его такъ, какъ надо. И вотъ, когда онъ пріѣхалъ снова тогда, на день, помнишь? Ахъ, Китти, я—не дѣвченка, но, слушая его тогда, видя его вдохновенное лицо вникая всѣми нервами, всѣми фибрами моего существа въ то, что онъ говорилъ тогда съ такой горячностью, съ такимъ мужествомъ и подъемомъ,— я поняла, что втюрилась въ него, въ этого новаго, мужественнаго, словно выросшаго, словно постарѣвшаго Толю, втюрилась, какъ дѣвченка. Когда онъ уѣхалъ, мое чувство уже пылало неугасимо, я буквально не стала находить себѣ мѣсто; лѣзли въ голову всякіе ужасы. „Вѣдь онъ тамъ, подъ пулями,—думалось мнѣ. — Каждая ничтожная случайность теперь можетъ

отнять его у меня. А я, безумная женщина, не доставила ему маленькой радости, не дала ему понять, что онъ сталъ любимымъ и желаннымъ для меня существомъ!". А тутъ еще эта непроходимая дурища Маргариточка всякій разъ, что на него карты бросаетъ, непремѣнно ужасовъ какихъ нибудь напророчитъ. Ну, я не выдержала и помчалась къ Тольчику. Хоть повидать его минуту, сказать ему, какъ я люблю его, а тамъ хоть умереть. Глупо, я знаю, это—не до меня ему теперь, да и не такое время,—но чувствую, что не вынесу, лопну, если не увижу и не скажу. А если приведетъ судьба... Господи! Киттичка, да вѣдь я послѣ этого душу свою и тѣло на растерзаніе отдамъ, въ сидѣлки, стрянухи сюда навяжусь, всякую грязь убирать за ранеными буду. Съ восторгомъ, Китти, съ восторгомъ! Лишь бы не прогнали, а работы я никакой не побоюсь. Въ сестры не гожусь: дура была — не догадалась выучиться во-время,—а убирать за ранеными не Богъ вѣсть хитрость какая, всякая сумѣетъ.

— Зина, милая, ты ли это? тебя ли я слышу?

— Меня, Китти, меня! — уже звенитъ сквозь слезы знакомый русалочій смѣхъ молодой женщины.

— Но тебя не пустятъ туда, гдѣ Толя, то есть на передовыя позиціи; пойми, Зина, не пустятъ!

— Вздоръ какой! Хотѣла бы я посмотрѣть, какъ меня не пустятъ къ нему! Конечно подъ выстрѣлы, въ окопы не пустятъ, но за нѣсколько верстъ до нихъ, до отдѣленія штаба, пускаютъ, это я уже все отлично вывѣдала. А тутъ Тольчикъ можетъ урваться на часикъ ночью, когда затишье на фронтѣ, и я успѣю сказать ему все.

— Значитъ, ты его любишь, Зина?

— Тольчика? Безумно. Ты этого развѣ не видишь сама?

— О, милая!

Китти растрогана. Она никогда не ждала отъ этой „рыжей Зины" такого смѣлаго, такого красиваго поступка. Конечно пусть ѣдетъ. Храни ее Богъ!

Она жметъ руку Зины, и только сейчасъ Ланская замѣчаетъ страшную перемѣну во внѣшности двоюродной сестры. Какъ исхудала Китти! Какіе у нея ввалившіеся глаза, какимъ некрасивымъ и постарѣвшимъ стало ея лицо, въ которомъ теперь совсѣмъ отсутствуютъ свѣжесть и красота. Но глаза ея прекрасны, лучше, нежели прежде; они сіяютъ по-новому, сіяютъ великою любовью и готовностью принести жизнь на святое дѣло.

И вдругъ, глядя въ эти скорбные и прекрасные глаза, Зина вспоминаетъ:

— Китти, голубушка, совсѣмъ изъ головы вонъ: я видѣла его въ Варшавѣ.

— Кого?—роняютъ дрогнувшія губки Китти, но сердце уже даетъ толчекъ, сердце уже знаетъ—кого.

— Его, Мансурова, въ Варшавѣ на вокзалѣ. Онъ былъ въ военной формѣ... ѣдетъ добровольцемъ на войну въ дѣйствующую армію. Увидѣлъ меня мелькомъ и такъ холодно, такъ чопорно поклонился! Хотѣлъ уйти, но я не пустила, вцѣпилась въ него. Подумай, Китти!.. онъ и война — что общаго. Такой изысканный, такой баринъ и вдругъ грубые сапоги, амуниція, солдатская шинель. Но говоритъ такъ увѣренно и энергично на мой вопросъ, почему онъ ѣдетъ на войну: „Стыдно бездѣйствовать въ такое время, когда всѣ пульсы народа и арміи должны биться въ унисонъ. Эта война священна. Здѣсь, на алтарѣ ея, честь нашей родины, и каждый изъ насъ, сильныхъ и здоровыхъ

мужчинъ, способныхъ носить оружіе, д о л ж е н ъ, какъ жрецъ, неутомимо охранять огонь этого жертвеннаго алтаря. Было бы дико сидѣть мнѣ, здоровому, сильному и молодому, и строчить бумаги въ моей канцеляріи, когда арміи нашихъ храбрецовъ“... И все въ этомъ родѣ. Но что съ тобой, Китти, дѣтка моя? Почему ты такъ поблѣднѣла? Тебѣ дурно, Китти?

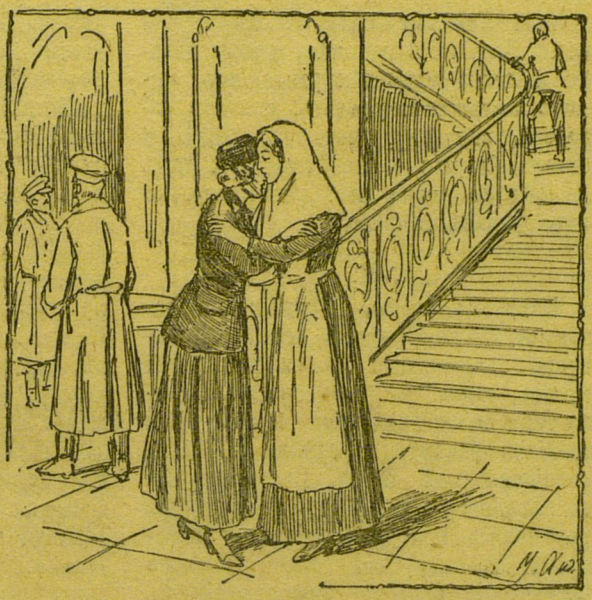
К и т т и дѣйствительно блѣдна сейчасъ. Ея лицо бѣлѣе косынки сестры милосердія, покрывающей ея маленькую головку.

Съ волненіемъ и тревогой глядитъ на нее теперь Ланская.

Что съ Китти? Неужели ей такъ непріятно даже напоминаніе о ея бывшемъ женихѣ? Или это ужасные свѣтскіе предразсудки такъ прочно вкоренились въ пропитанномъ условностями существѣ свѣтской барышни, что ее передергиваетъ даже только при напоминаніи о Мансуровѣ, какъ о бывшемъ женихѣ? Какъ же иначе объяснить такое волненіе? Вѣдь о любви здѣсь нѣтъ и не можетъ быть рѣчи. Любила бы, такъ не отказала бы, не прогнала бы отъ себя. Или это жалость, такъ свойственная каждой славянской женщинѣ, жалость къ отверженному заставляетъ ее терзаться? Охъ, ужъ эта славянская жалость и милосердіе нашихъ дамъ и дѣвицъ!

И рыжая головка киваетъ съ укоромъ.

— А ты не знаешь, въ какую часть онъ поступилъ?—слышится послѣ недолгой паузы дрожащій голосъ.



«Исхудалое, истаявшее личико Китти полно сейчасъ тревоги и волненія. Ея худенькія руки съ нѣжностью обвиваютъ плечи двоюродной сестры. она начинаетъ догадываться о причинѣ слезъ». (Ст. 198.)

— Ничего не знаю; онъ не говорилъ, я не спрашивала.

— А... про...' меня онъ тоже ничего не говорилъ?

— Ну, конечно же, нѣтъ, Китти! Вѣдь онъ прежде всего—воспитанный человѣкъ, человѣкъ изъ общества, ты же знаешь, дорогая...

— Да. Ну, прощай, Зина! Счастливаго пути, мнѣ надо идти.

— Но мы увидимся скоро. Я вернусь и буду, повторяю, молить Христомъ Богомъ взять меня хоть въ сидѣлки сюда, гдѣ ты.

— Да, да.

Онѣ цѣлуются. Потомъ Китти бѣжитъ назадъ въ палаты, гдѣ ее ждутъ сотни страдальцевъ, гдѣ безропотно, съ трогательною покорностью несутъ свой крестъ отважные защитники родины.

Зина Ланская спѣшитъ къ другой цѣли. Она, какъ маніакъ, теперь только и полна однимъ стремленіемъ, однимъ желаніемъ: увидѣть, сказать дорогому, сильному, хорошему Толѣ о своемъ безуміи, о своей любви. А тамъ не все ли равно что: улыбка жизни или гримаса смерти?

III.

Четвертыя сутки не умолкаетъ канонада. Съ послѣднимъ отчаяніемъ тонущаго, хватающагося за ничтожный сучокъ, какъ за якорь спасенія, цѣпляется за возведенныя вдоль рѣки траншеи разбитая русскими войсками непріятельская армія. Пользуясь подоспѣвшими резервами, отступающіе укрѣпились при ихъ помощи у переправъ. Трехъярусныя траншеи, прочно устроенныя еще до приближенія къ этимъ позиціямъ разгромленныхъ, бѣгущихъ въ безпорядкѣ австрійскихъ корпусовъ, громятъ тяжелыми дальнобойными орудіями наступающіе по пятамъ за ними авангарды русскихъ. Непріятельскій арьергардъ находится почти въ тѣсномъ соприкосновеніи съ молодецки насѣдающими на него передовыми полками преслѣдователей.

Къ одному изъ такихъ полковъ принадлежитъ и кавалерійскій энскій полкъ, выдвинувшійся впередъ съ одной баттареей и нѣсколькими ротами стрѣлковой пѣхоты, занявшей недавно еще покинутыя позиціи спѣшно бѣгущаго непріятеля.

Четвертыя сутки не умолкаютъ непріятельскія орудія, занявшія выгодныя позиціи невдалекѣ отъ переправы. Тяжелые „чемоданы“ то и дѣло падаютъ въ чертѣ расположенія русскаго авангарда, помѣстившагося въ линіи окоповъ подъ прикрытіемъ лѣса. Вдали, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, какъ огромный костеръ, пылаетъ галиційское селеніе. Его подожгли своими снарядами австрійцы, отчасти изъ мести жителямъ, заподозрѣннымъ въ сношеніяхъ съ русскими, отчасти для удобства: дабы въ качествѣ пылающаго факела она могла сослужить имъ службу гигантскаго прожектора. Теперь, благодаря этому пожару, ночью почти свѣтлѣе, нежели днемъ, и непріятельскіе гаубицы, мортиры и пулеметы могутъ безнаказанно разить круглыя сутки по нашимъ позиціямъ. Взрывая воронкою землю, выворачивая съ корнями деревья, срѣзая ихъ на стволу, летятъ „чемоданы“, неся съ собою смерть, быть можетъ, многимъ защитникамъ окоповъ лѣсной линіи. Съ отвратительнымъ воемъ взрываются вспышки шрапнели, и ихъ розоватый облачка красиво расплываются въ небесахъ. Трещатъ пулеметы, жужжатъ, какъ пчелы, пули, то и дѣло между оглушительными грохотами орудій сухо звучатъ короткіе ружейные залпы и снова зловѣще воетъ шрапнель.

Энскій кавалерійскій полкъ занимаетъ небольшой лѣсной фольваркъ, принадлежащій мелкому галиційскому помѣщику. Подальше отъ опушки находятся окопы нашей стрѣлковой цѣпи; еще дальше, на холмахъ за болотомъ, скрываются баттареи. Въ помѣщичьемъ фольваркѣ все опустошено и разграблено австрійцами, какъ говорится, „на совѣсть“. Обезумѣвшій отъ отчаянія помѣщикъ мечется по двору и пустынному дому и каждому встрѣчному офицеру и нижнему чину въ который разъ уже разсказываетъ про свое несчастье.

— Было тихо-мирно. Туда шли—ничего не тронули; оттуда бѣжали—подъ видомъ реквизиціи все унесли, разграбили, опустошили, да еще съ цинизмомъ оправдывались: „Не мы возьмемъ,—все равно возьмутъ русскіе, на то и война“. Но я знаю русскихъ; русскіе—не мародеры, за все платятъ,

ничего не берутъ даромъ. А тутъ свои же все, что было, взяли: лошадей, коровъ, теплое платье, ковры, все. Къ счастью я жену и дѣтей къ сестрѣ въ Краковъ отправилъ, а то бы до смерти напугали ихъ.

Онъ не можетъ говорить спокойно, онъ весь дрожитъ. Его глаза блуждаютъ, какъ у безумнаго; его волосы всклочены, и голова, посѣдѣвшая въ одну ночь, трясется. Куда онъ дѣнется теперь, разоренный, нищій? Гдѣ приклонить голову?

Вечеромъ, пробравшись въ опустѣвшую комнату дома, гостепріимно предложеннаго имъ русскимъ, онъ снова начинаетъ въ который разъ уже разсказывать о своемъ несчастьѣ. Офицеры слушаютъ его охотно и съ сочувствіемъ. И отъ этого сочувствія таетъ что-то въ истерзанномъ мукою сердцѣ.

— Проклятая война! Будь проклятъ „тотъ“, начавшій ее! Неужели союзники, покоривъ этого безумца, не найдутъ ему новаго острова Святой Елены, гдѣ бы онъ могъ въ заточеніи постичь наконецъ все огромное зло, содѣянное имъ?

Офицеры слушаютъ съ волненіемъ. Они видятъ, какъ сжимаются кулаки сѣдого человѣка, какимъ бѣшенствомъ загораются его глаза.

— А Францъ Іосифъ?—напоминаетъ чей-то молодой голосъ.

— Господь, прости старому императору!—осѣняетъ себя владѣлецъ фольварка католическимъ крестомъ.—Онъ уже старъ совсѣмъ, дряхлъ, несчастный императоръ, и по слабости своей далъ себя обойти этому демону, погубить ни за что свою армію, пошатнуть свой тронъ.

— Теперь вы нашъ, русскій,—говоритъ кто-то.

— Я всю свою жизнь любилъ русскихъ. И не я одинъ — всѣ мы, галичане. Галиція и подъ игомъ австрійскаго владычества всегда оставалась русской землей. Славянскій потъ и славянская кровь вспоили ея нивы.

Вечеръ. Холодно и сыро въ лѣсу, но въ помѣщичьемъ домѣ еще непригляднѣе, еще холоднѣе. Затопили печи, однако черезъ выбитыя снарядами окна вытягивается все скопившееся было здѣсь тепло. Денщики кое гдѣ раздобыли на ужинъ оставшіеся отъ разгрома продукты и хлопочутъ съ чаемъ.

А канонада все не утихаетъ, все грохочетъ попрежнему. Вотъ съ оглушительнымъ шумомъ плюхнулся поблизости дома снарядъ. Привязанная къ молодой липѣ лошадь не успѣла издать короткое предсмертное ржанье и вмѣстѣ съ липой исчезла съ лица земли, оставивъ послѣ себя жалкіе остатки мяса, костей и крови.

— Это чертъ знаетъ что такое наконецъ! Долго ли мы будемъ служить мишенью этимъ подлецамъ? И вѣдь ударить на нихъ нельзя, на тѣхъ, что у моста, близъ котораго стоятъ ихъ проклятыя гаубицы! Вѣдь, пока добе-решься до нихъ, они преблагополучно удерутъ по мосту, а ихъ дьявольскія баттареи перебьютъ насъ всѣхъ, какъ куропатокъ,—горячился высокій, худощавый ротмистръ съ короткой нѣмецкой фамиліей фонъ Дюнъ, за которую онъ страдалъ теперь самымъ чистосердечнымъ, самымъ искреннимъ образомъ.

— Разумѣется, удерутъ, — подхватилъ молоденькій мальчикъ, корнетъ Громовъ, недавно только выпущенный изъ кавалерійскаго училища.

— Ну, положимъ!—и ротмистръ болѣзненно прищурился, потому что новый снарядъ ударилъ гдѣ-то совсѣмъ близко, и съ грохотомъ обвалилась часть стѣны занимаемаго ими дома.—

Опять! Слышите? Что тебѣ, Дмитровъ? — обратился онъ къ выросшему на порогѣ вахмистру.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, двоихъ сейчасъ изъ нашего эскадрона опять на-смерть,—отрапортовалъ кавалеристъ.

— Кого? — коротко бросилъ фонъ Дюнъ щурясь.

— Такъ что взводнаго Сакычева и Иванова третьяго.

— Георгіевскаго кавалера?

— Такъ точно.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди фонъ Дюна.

— Жаль, искренне жаль!.. Храбрецы были, какъ и всѣ наши, какъ и всѣ русскіе,—произнесъ онъ отрывисто дрогнувшими губами.

Молоденькій Громовъ быстро перекрестился мелкими крестиками у себя подъ грудью. Это онъ дѣлалъ неизмѣнно при каждой новой убыли изъ рядовъ полка, который любилъ какой-то фанатичной, исключительно-страстной любовью, какой можетъ только любить свою избранницу еще очень юный и полный нетронутой силы и чистоты человѣкъ.

— Удивительные нахалы, право, — входя въ столовую фольварка, гдѣ сидѣли за столомъ офицеры-однополчане, бодро произнесъ Анатолій Бончъ-Старнаковскій,—удивительные нахалы! И откуда у нихъ столько наглости нашлось? Угостили мы ихъ, кажется, на славу. Отступили они въ безпорядкѣ, бѣжали, какъ свиньи, по всему фронту, съ позволенія сказать, и вдругъ—бацъ! — остановка, задержка. откуда ни возьмись, подкрѣпленіе какъ изъ-подъ земли выросло, и палятъ себѣ во-всю теперь и днемъ, и ночью. Держатся и палятъ, палятъ и держатся! Черти!

— Часъ тому назадъ изъ штаба дивизіи адъютантъ прикатилъ на автомобилѣ. Прошелъ къ командиру. Что-то будетъ дальше?—вынырнувъ изъ-за спины Анатолія, вставилъ плечистый, полный, богатырскаго сложенія штабъ-ротмистръ князь Гудимовъ.

— Однако это становится интереснымъ, господа! Можетъ быть, дадутъ новыя инструкціи? А то силъ нѣтъ бездѣйствовать дальше и только слушать эту дурацкую музыку,—горячился Громовъ.

— Терпѣніе, малюточка!—усмѣхнулся Гудимовъ, — терпѣніе! Вѣдь здѣсь не петроградскіе салоны и подкрѣпившагося непріятеля разбить—это вамъ не за барышнями ухаживать въ гостиной. Тутъ горячкой ничего не возьмешь, малюточка!

„Малюточка“ вспыхнулъ и весь нахохлился отъ этихъ словъ, какъ молодой пѣтушокъ.

— Господинъ штабъ-ротмистръ, я, кажется, не далъ повода думать о себѣ, какъ о салонномъ шаркунѣ, негодномъ ни для чего другого,—краснѣя до ушей, разгорячился онъ.

— О, нѣтъ, Боже сохрани!—искреннимъ порывомъ вырвалось у князя.— И мнѣ жаль, если вы именно такъ поняли меня, голубчикъ. Вы — храбрецъ и герой, не разъ уже доказали это на дѣлѣ и, несмотря на молодость, успѣли зарекомендовать себя въ бояхъ съ самой лучшей стороны. И самъ я ничего большаго не прошу у судьбы, какъ того, чтобы мой Володька (вы вѣдь знаете моего мальчугана?) сдѣлался когда нибудь впослѣдствіи хоть отчасти похожимъ на васъ, — совершенно серьезно заключилъ ротмистръ.

— Благодарю за лестное мнѣніе, Василій Павловичъ!—и „малюточка“, какъ прозвали за юный возрастъ корнета Громова товарищи-однополчане, покраснѣлъ теперь уже совсѣмъ по иной причинѣ.

Его тонкіе и красные, какъ у большинства семнадцати-восемнадцатилѣтнихъ подростковъ, пальцы незамѣтно погладили пушокъ надъ верхней губой, отдаленный намекъ на будущіе усы.

Въ эту минуту къ находившимся въ столовой офицерамъ присоединился еще одинъ. Его узкіе глаза искрились, губы улыбались. Онъ махалъ зажатыми въ пальцахъ нѣсколькими конвертами и возбужденно кричалъ:

— Письма, господа, письма! фонъ Дюнъ, тебѣ... Князинька, и тебѣ тоже имѣется, и тебѣ, Толя, есть тоже. А Громову открытка съ хорошенькой женщиной. Берегись, малюточка! Пропадешь безъ боя, если будешь продолжать въ этомъ родѣ.

— Давай, давай сюда, нечего ужъ!

Анатолій первый бросился къ Луговскому и почти вырвалъ у него изъ рукъ конвертъ.

Знакомый, быстрый, неровный почеркъ. О, милыя каракульки, милая небрежная манера писать! По какое короткое письмо! Что это значитъ?

Онъ быстро пробѣжалъ строки и поблѣднѣлъ отъ радости, словно въ нѣжныя объятья, заключившей сердце.

— Никсъ, пойди сюда, пойди сюда, Николай!

Когда Луговской приблизился къ нему, поблескивая смѣющимися глазами, Анатолій весь искрился счастьемъ, указывая ему на письмо.

— Ну, что такое? Создатель ты мой, что у тебя сейчасъ за глупая, за счастливая рожа!

— Можетъ быть... я не знаю. Да, да, я счастливъ, Никсъ. Пойми: она здѣсь и любитъ меня!

— Гдѣ здѣсь? что такое? Ты, кажется, бредишь, миленькій?

— Брось свой юморъ, Луговской! Другъ мой, она здѣсь—понимаешь? — всего въ какихъ нибудь двадцати верстахъ отсюда, и ждетъ меня... И проситъ увидѣться... Только на минутку... только на минутку хотя бы. Пойми!..

«—Вечеромъ, пробравшись въ опустѣвшую комнату дома, гостепріимно предложеннаго имъ русскимъ, онъ снова начинаетъ разсказывать о своемъ несчастьѣ».
(Ст. 205.)

И я поѣду, Никсъ, конечно поѣду. Мы все равно бездѣйствуемъ, стоимъ на мѣстѣ и раньше завтрашняго утра не двинемся впередъ. А къ утру я буду обратно... задолго до восхода буду уже здѣсь. Моя „Коринна“ домчитъ меня въ два часа туда и обратно. Боже мой! Да говори же, отвѣчай и посовѣтуй мнѣ что нибудь, Николай!

Анатолій сталъ сейчасъ, какъ безумный. Какое лицо у него, какіе глаза! И тонкіе пальцы, какъ клещи, стиснувшіе письмо, сейчасъ дрожатъ.

Луговской тонко улыбнулся. Въ его глазахъ сверкаетъ юморъ.

— Вотъ чудачище, право! Да что мнѣ еще совѣтовать тебѣ, когда ты все самъ уже рѣшилъ и помимо моихъ совѣтовъ?

— Да, ты правъ, Никсъ. Конечно рѣшилъ и теперь бѣгу просить командира о двухчасовой отлучкѣ.

— Ну, вотъ видишь!

— Послушай, Николай: вѣдь это— счастье? Да?

— Повидимому такъ, хотя я и не знаю, что привело тебя въ такое состояніе.

— Любовь, Колька, любовь! Она любитъ меня... Пойми, пойми, Никсъ! Я теперь готовъ буду горы сдвинуть съ мѣста, — и Анатолій такъ сжалъ руками талію Луговского, что тотъ чуть не вскрикнулъ въ голосъ.

— Сумасшедшій, пусти!.. Гора я тебѣ, что ли? Ихъ и сдвигай, коли есть охота, а я не мѣшаю, и меня оставь. Терпѣть не могу щекотки!

Но Анатолій только махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Здѣсь онъ тщательно разгладилъ смявшуюся бумажку и принялся читать письмо вторично.

„Я не могу больше молчать, маленькій Толя!—стояло въ неровно набросанныхъ строкахъ. — Думайте обо мнѣ, что хотите, но я должна видѣть Васъ, сказать Вамъ. Я пріѣхала сюда съ транспортомъ бѣлья и теплыхъ вещей и сейчасъ нахожусь только въ двадцати верстахъ отъ Вашихъ позицій. Дальше меня не пустятъ. Приходится вызвать Васъ сюда. Сдѣлайте все возможное, чтобы прискакать хоть на минуту. Я должна сказать Вамъ, глядя въ глаза честно и прямо, что я люблю Васъ, маленькій Толя, что я—Ваша. Зина“.

IV.

Давно отпили чай, съѣли все, что можно было съѣсть на бивуакѣ, и, кто какъ могъ и гдѣ могъ, стали устраиваться на ночь. Во дворѣ фольварка окопались солдаты. Въ глубокихъ рвахъ прятались они отъ непріятельскихъ снарядовъ вмѣстѣ съ лошадьми. Это было много безопаснѣе, нежели оставаться въ домѣ, куда главнымъ образомъ и мѣтили австрійскіе „чемоданы“, шрапнель и пулеметы. Короткія осеннія сумерки быстро и неуловимо переходили въ ночь. Но и ночью здѣсь было свѣтло, какъ днемъ, отъ пылающаго гигантскимъ костромъ селенія, которое ярко освѣщало скрытый группою деревьевъ фольваркъ.

— Господа, немыслимо больше оставаться въ домѣ, — сурово произнесъ фонъ Дюнъ, когда новый „чемоданъ“ съ грохотомъ и воемъ разорвался позади окоповъ, обдавая людей его эскадрона осколками и землей.

Кого-то задѣло такимъ осколкомъ, и онъ со стономъ опустился на траву; другой, какъ лежалъ, такъ и остался лежать, приникнувъ лицомъ къ землѣ.

— Готовъ... еще одинъ готовъ... И Богъ знаетъ, сколькихъ они перебьютъ еще, пока не скомандуютъ намъ въ аттаку!—чуть слышно прошепталъ, незамѣтно крестясь, юный Громовъ, и

лицо его съ игравшимъ на немъ отблескомъ пожара казалось полнымъ трагизма въ этотъ моментъ.

— Командиръ, господа, самъ командиръ идетъ. Авось что нибудь новенькое услышимъ,—произнесъ князь Гудимовъ, наклоняя голову, надъ которой въ тотъ же мигъ прожужжало нѣсколько пуль.

Дѣйствительно своей типичной кавалерійской походкой съ развальцемъ приближался командиръ части. За нимъ слѣдовалъ адъютантъ-кавказецъ съ горячими и печальными глазами грузина. Высокій, коренастый генералъ съ моложавымъ лицомъ быстро шагалъ вдоль линіи окоповъ, негромко здороваясь съ солдатами и не обращая вниманія на ложившіеся кругомъ снаряды. Солдаты также негромко, но радостно отвѣчали на привѣтствіе. Командира любили за „человѣчность“ и беззавѣтную храбрость. Офицеры окружили начальника и двигались за нимъ.

— Что, господа, неважная позиція? Гм... гм... приходится переносить непріятности. Ничего, скоро обойдется. Получены инструкціи, господа. Завтра поздравляю съ наступленіемъ. Но прежде необходимо вызвать охотниковъ, чтобы взорвать вотъ этотъ мостъ, дабы пресѣчь имъ путь,—беря изъ рукъ адъютанта карту раіона и указывая на одну точку пальцемъ, отрывисто и вѣско бросаетъ генералъ.

— Наконецъ-то!—вырвалось у фонъ Дюна съ облегченнымъ вздохомъ, а юный Громовъ чуть не подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Осмѣливаюсь спросить ваше превосходительство, кого вы командируете?—спросилъ Гудимовъ, и его темные глаза сверкнули.

Генералъ тонко улыбнулся.

— Господа, не хочу скрывать отъ васъ, порученіе крайне опасно, почетно и отвѣтственно въ одно и то же время. Блестящее выполненіе плана повлечетъ за собой несомнѣнную награду, неудача же, малѣйшій промахъ могутъ стоить смѣльчакамъ жизни. Поэтому, господа, прошу бросить жребій между собою; ни отличать, ни обижать никого не хочу. Необходимо нарядить одного офицера и пять нижнихъ чиновъ. Кого именно, выберите сами или киньте жребій... Вы что нибудь желаете сказать мнѣ, господинъ корнетъ?—живо обратился генералъ въ сторону Анатолія, вытянувшагося предъ нимъ въ струнку.

— Такъ точно... то есть... никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Теперь не время... Послѣ жребія, если разрѣшите.

— Ну, конечно, конечно, — произнесъ генералъ, окидывая ласковымъ взглядомъ офицера, котораго цѣнилъ за безукоризненную службу въ мирное время и за лихую отвагу на войнѣ.

Бончъ-Старнаковскій вспыхнулъ отъ удовольствія. Этотъ ласковый тонъ начальства уже многое обѣщалъ ему. Тамъ, за окопами, ждала его уже осѣдланная „Коринна“, темно-гнѣдая красавица-кобыла, а онъ зналъ быстроту этихъ тонкихъ, точеныхъ ногъ своей любимой лошади, зналъ, что въ какой нибудь часъ она домчитъ его за расположеніе штаба, гдѣ его ждетъ Зина, его Зина, его, его, его!

„Капризная, злая, милая, прекрасная! Я же зналъ, предчувствовалъ, что въ концѣ концовъ ты будешь моею! — ликовало все въ душѣ молодого офицера, и его сердце стучало, какъ молотъ въ груди. — Теперь на жеребьевку скорѣе, а тамъ айда, туда, къ ней, къ милой!“.

Конечно Анатолій очень не прочь былъ выполнить это трудное порученіе, отъ котораго зависѣлъ завтрашній успѣхъ наступленія, и съ восторгомъ пошелъ бы съ другими пятью смѣль-

«—Письма, господа, письма! Фонъ Дюнъ, тебѣ... Князинька, и тебѣ тоже имѣется, и тебѣ, Толя». (Ст. 209.)

чаками, но если бы это было въ другой разъ... Вѣдь Зина ждетъ, зоветъ... Она всего въ двадцати верстахъ сейчасъ отъ него, въ эти минуты! И каждый мигъ дорогъ, каждая секунда у него на счету.

— Тольчикъ, ты что это задумался, братецъ, да еще подъ снарядами? Невыгодная какъ будто позиція для раздумья и грезъ! Не годится, братецъ ты мой, мечтать подъ пулями,— и Никсъ Луговской, весь красный отъ зарева пожара, улыбнулся Бончъ-Старнаковскому дружественной улыбкой.

— Господа, я написалъ билетики и бросаю въ фуражку,—крикнулъ князь Гудимовъ, вырывая изъ своей записной книжки одну страничку за другой. — Кому идти — написано кратко: „Съ Богомъ“, остальные билетики пустые. Малютка, встряхните хорошенько фуражку и подходите! Прошу, господа!

Всѣ окружили юнаго корнета и протянули руки къ бумажкамъ.

Анатолій спокойно развернулъ свой билетикъ, и легкій возгласъ изумленія вырвался у него изъ груди.

— Мнѣ,—произнесъ онъ не то радостно, не то смущенно.

— Счастливецъ!—съ завистью, чуть не плача, выкрикнулъ юный Громовъ.

— Чертъ возьми, это называется везетъ!—хлопнувъ себя по колѣну, проворчалъ князь Гудимовъ.

Луговской отвелъ въ сторону все еще продолжавшаго стоять въ нерѣшительности, съ развернутой бумажкой въ рукѣ, Анатолія.

— Послушай, если Зинаида Викторовна дѣйствительно ждетъ тебя и... ты понимаешь... я всегда смогу замѣнить тебя,—произнесъ онъ такъ тихо, что другіе офицеры не могли его ни въ какомъ случаѣ услышать.

— Благодарю тебя, Никсъ,—отвѣтилъ Анатолій,—отъ души благодарю, но я пересталъ бы уважать себя, если бы свое личное, маленькое, собственное дѣло поставилъ выше того безцѣннаго, святого, на которое позвала меня сама судьба. Я—прежде всего солдатъ, Николай, и, гдѣ дѣло идетъ объ успѣхѣ, хотя бы и частномъ, нашей арміи, тамъ ни любви, ни женщинѣ нѣтъ мѣста. Ну, а теперь иду, благо „Коринна“ осѣдлана, а люди уже по всей вѣроятности го-

товы въ путь. Готовы, Вавиловъ? — обратился онъ съ вопросомъ къ вахмистру, почтительно ожидавшему приказаній невдалекѣ.

— Такъ точно, готовы, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а кого ты выбралъ, братецъ? Нашего эскадрона небось?

— Такъ точно, нашего. Самъ я да Сережкинъ взводный, Пиленко, Никитинъ и доброволецъ напросился, ваше благородіе, заодно съ нами.

— Какой доброволецъ?

— А къ командиру баринъ пріѣхамши. Во второй эскадронъ назначили. Дюже просился и его захватить въ дѣло.

— Вольноопредѣляющійся?

— Никакъ нѣтъ, доброволецъ. Видать, что изъ господъ, не иначе.

— Да какъ же ты его такъ сразу? И не испыталъ, каковъ онъ въ дѣлѣ можетъ быть?

— Такъ что евонный эскадронный, ротмистръ Орловъ, приказали просить ваше высокоблагородіе, чтобы...

— Ну, коли такъ, то ладно; давай намъ и твоего добровольца. А самъ ротмистръ Орловъ гдѣ сейчасъ?

— Они у командира, сейчасъ только пришли.

— Ладно! Зови людей и подавай „Коринну“!

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе.

Какое-то новое и радостное волненіе охватило сейчасъ Анатолія. Точно такое же чувство ожиданія скорой и близкой радости наполнило все его существо, какъ то, которое онъ испытывалъ, отправляясь еще мальчикомъ со своими родителями къ пасхальной заутренѣ. Тогда, въ тѣ далекіе, давно минувшіе годы, онъ, маленькій Толя, зналъ: вотъ подъѣдутъ въ экипажѣ къ церкви, войдутъ въ храмъ онъ, родители, сестры, нарядные, возбужденные по-праздничному, и услышитъ онъ, какъ запоютъ „Христокъ Воскресе“ на клиросѣ, и мгновенно ликующая, почти блаженная радость затопитъ его умиленную душу. А дома ждутъ уже пасхальный столъ, розговѣнье, поздравленіе, подарки. А сейчасъ что ждетъ его теперь тамъ, въ этомъ близкомъ, но невѣдомомъ будущемъ? Что онъ можетъ ожидать отъ жуткаго, опаснаго предпріятія, которое такъ же легко несетъ съ собою гибель, какъ и неувядающіе лавры, награду храбрецамъ? Такъ почему же въ груди у него такая сладкая, тонкая, до боли острая радость?

Теперь онъ уже не думаетъ о Зинѣ, о грядущей возможности повидаться съ нею. Какъ онъ далекъ отъ нея сейчасъ, отъ своихъ мыслей о ней, еще за минуту до этого пылавшихъ въ его мозгу мощнымъ пламенемъ! Теперь всѣ его нервы, всѣ фибры его существа тянутся къ одной цѣли—къ тому важному и серьезному дѣлу, блестящее выполненіе котораго зависитъ только отъ него одного. Какая отвѣтственность и... какое счастье!

— Николай, голубчикъ,—отзываетъ онъ въ сторону Луговского,—на два слова.

Тотъ подходитъ съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, немного встревоженный, но старающійся быть спокойнымъ.

— Что, братецъ?

— Николай, послушай! Мы съ тобой—старые, давнишніе друзья, и если я не вернусь оттуда, если, ну, понимаешь, чертъ возьми, въ концѣ концовъ все можетъ случиться... вѣдь не на свадьбу же я отправляюсь сейчасъ. Такъ вотъ передай ей, скажи ей, Никсъ, что я любилъ ее одну и любилъ беззавѣтно.

— Ну, братецъ, — пробуетъ отшутиться Луговской, но углы его губъ

нервически дергаются.—Я думаю, Зинаидѣ Викторовнѣ будетъ во сто разъ пріятнѣе услышать отъ тебя самого столь нѣжное слово.

— А если убьютъ?

— Ну, что за ерунда! Почему непремѣнно убьютъ, а не явишься за наградой, за „георгіемъ“?

— Твоими бы устами да медъ пить!

— Не медъ, дружище, а шампанское. Понимэ? И за „георгія“, и за будущее счастье. А теперь ступай съ Богомъ; я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ.

— Ни пуха, ни пера, Бончъ! По старой охотничьей присказкѣ, бери руку на счастье. Я, говорятъ, въ сорочкѣ родился,—и князь Гудимовъ съ силой встряхиваетъ руку Анатолія.

— Возьмите меня, Старнаковскій, умоляю, возьмите!—хватаясь за него холодными пальцами, шепчетъ Громовъ.

— Нельзя, малютка! Вы слыхали: командиръ назначилъ офицера и пять нижнихъ чиновъ, и только.

— О, почему я—не нижній чинъ въ такомъ случаѣ!—съ отчаяніемъ лепечетъ юноша.

— Главное, хладнокровіе, Бончъ! Впрочемъ и хладнокровія, и храбрости у тебя не занимать стать. Я всегда восторгался ими,—говоритъ фонъ Дюнъ, вызывая этими словами радостную улыбку на лицо Толи, который всегда уважалъ мнѣніе этого серьезнаго, выдержаннаго и мужественнаго офицера.

— Спасибо! — и, повернувшись къ сгруппировавшимся въ сторонѣ пяти кавалеристамъ, уже инымъ тономъ и голосомъ Анатолій командуетъ негромко:—рысью, маршъ, маршъ!

V.

Они ѣдутъ теперь гуськомъ по лѣсной тропинкѣ, обмотавъ тряпками съ сѣномъ копыта лошадей. Фольваркъ остался далеко за ними. Впереди рысью скачетъ офицеръ, начальникъ крошечнаго отряда, за нимъ — вахмистръ и четыре нижніе чина. Послѣднимъ ѣдетъ добровольцъ. Худой, блѣдный и молчаливый, онъ погруженъ какъ будто въ глубокую думу и не видитъ никого и ничего. А канонада не умолкаетъ, не прерывается ни на одну минуту.

— Ваше высокородіе, къ самой переправѣ никакъ невозможно подобраться лѣсомъ, — шепчетъ Вавиловъ, весь вытягиваясь впередъ.—Я лучше другою дорогою проведу васъ къ мосту. Мы ужъ тутъ были на развѣдкахъ намедни, а ежели крюка дать малость въ сторону, такъ и вовсе въ ихнія позиціи упремся.

Анатолій вздрагиваетъ отъ неожиданности.

— Есть, говоришь, другая дорога? ближняя?

— Никакъ нѣтъ. А ежели ближняя, такъ придется ползти картофельнымъ полемъ.

— Ну, и пополземъ, эка невидаль! А коней въ лѣсу оставимъ.

— Такъ точно, пополземъ,—покорно соглашается вахмистръ, имѣвшій было въ виду совсѣмъ иныя перспективы.

Теперь горящее селеніе осталось далеко сзади. Впереди уже рѣдѣетъ лѣсъ и переходитъ постепенно въ мелкій кустарникъ А тамъ дальше поле, за нимъ рѣка, по высокому берегу которой разсыпаны траншеи непріятеля. А у подножія этого берега, нѣсколько въ сторонѣ, темнѣетъ громада моста.

Проѣхали еще съ добрыхъ полверсты шагомъ. Теперь адскій грохотъ орудій кажется оглушительными, непрерывными раскатами грома. Но снаряды летятъ въ противоположную сторону, мѣтя на фольваркъ и прилегающую къ нему изрытую русскими окопами мѣстность.

— Стопъ!—командуетъ Анатолій и первый соскакиваетъ съ коня.

«Но прежде необходимо вызвать охотниковъ, чтобы взорвать вотъ этотъ мостъ». (Ст. 213.)

За нимъ спѣшиваются и остальные.

— Братцы, одному изъ васъ придется остаться при лошадяхъ и провести ихъ другою, дальнею, дорогой, а въ случаѣ тревоги броситься на мой свистъ навстрѣчу къ намъ.

Анатолій оглядываетъ всю небольшую группу солдатъ. Въ полутьмѣ не видно ихъ лицъ, но Анатолій чутьемъ угадываетъ, что каждому изъ этихъ лихихъ кавалеристовъ было бы пріятнѣе идти за нимъ, нежели оставаться и ждать на-стражѣ. Его взглядъ, стараясь разглядѣть пятую, оставшуюся какъ бы въ сторонѣ, фигуру, напрягается, но не можетъ ничего разглядѣть.

— Я думаю, что тебѣ, какъ новичку, лучше всего будетъ подежурить при лошадяхъ, братецъ,—обращается Бончъ-Старнаковскій къ добровольцу, лицо котораго тщетно силится разсмотрѣть во мракѣ.

— Ради Бога разрѣшите мнѣ слѣдовать за вами, господинъ корнетъ! И если только моя жизнь можетъ пригодиться вамъ, то я съ восторгомъ пожертвую ее для успѣха предпріятія,— слышитъ онъ легкій, взволнованный, до-нельзя знакомый голосъ.

Что такое? Или онъ ошибся? Не можетъ быть! Трепетной рукой Анатолій выхватываетъ изъ кармана небольшой потайной фонарикъ, наводитъ свѣтъ въ лицо говорящему и съ легкимъ радостнымъ крикомъ бросается къ нему.

— Мансуровъ! Борисъ, голубчикъ! Какими судьбами?—растерянно и смущенно вырывается у него изъ груди.

— Такими же, какъ и всѣ. Не могъ устоять, какъ и многіе. Вспомнилъ былое время, когда въ дни молодости совершенствовался въ верховой ѣздѣ, рубкѣ и стрѣльбѣ. Теперь это искусство пригодилось, какъ видишь. Былъ у командующаго въ Варшавѣ, просилъ, какъ особой милости, назначить въ вашъ полкъ, хотѣлъ служить съ тобою вмѣстѣ. Или ты не радъ этому?— заканчиваетъ Мансуровъ по-французски, чтобы не быть понятымъ окружающими ихъ солдатами.

— Радъ, конечно радъ, дружище... такъ радъ, что растерялся, какъ видишь,—тоже по-французски отвѣчаетъ Анатолій.—Я всегда любилъ тебя, Борисъ, какъ родного брата, и, признаться, возмущался до пѣны изо рта, когда узналъ, что Китти...

— Оставимъ это. Твоя сестра была вольна поступать по своему усмотрѣнію,—съ чуть уловимой ноткой холода

перебиваетъ его Мансуровъ.—А вотъ лучше, будь добръ, окажи мнѣ услугу: захвати меня съ собою къ мосту. Можетъ быть, я и смогу быть тебѣ полезенъ.

* * *

Пять человѣкъ сейчасъ безшумно и быстро пробираются густымъ, низкимъ кустарникомъ. Согнувшись въ три погибели, они крадутся неслышно, какъ кошки, подъ темнымъ покровомъ ночи. Зарево пожара, отброшенное западнымъ вѣтромъ въ противоположную сторону, даетъ сюда только легкіе отблески, слегка освѣщающіе поляну и берегъ. Иногда снопъ прожектора съ непріятельскихъ позицій быстрой и яркой стрѣлою прорѣзаетъ тьму, но кустарникъ, глухой и низкій, не даетъ возможности нащупать скрывающійся подъ его сѣнью крошечный отрядъ охотниковъ. А они все ближе и ближе придвигаются къ цѣли.

Временное затишье, наступившее на непріятельскихъ позиціяхъ, даетъ возможность слышать гулъ многихъ голосовъ, шумъ австрійскаго лагеря, сигналы и перекличку караула. Махина моста, кажущаяся темнымъ чудовищемъ, находится въ сторонѣ отъ позицій. Тамъ царитъ сравнительная темнота; предосторожность, принятая противъ снарядовъ русскихъ, направленныхъ въ эту сторону, заставила непріятеля позаботиться о ней.

— Вавиловъ и ты, Борисъ,—говоритъ Бончъ-Старнаковскій.—Вы обойдете кругомъ и снимете часовыхъ. Старайтесь сдѣлать это безшумно. Когда будетъ готово, дадите намъ знать, ну, хотя бы крикомъ совы. По картѣ, въ шестистахъ шагахъ отъ моста покинутый поселокъ. Задворками его вы подберетесь къ караулу по берегу. Мы пополземъ полемъ; я самъ заложу подъ мостъ взрывчатыя шашки. Когда я свистну, всѣмъ бѣжать къ поселку. Я приказалъ Никитину доставить туда навстрѣчу намъ лошадей. Ну, а теперь помогай Богъ, братцы! Впередъ!

— Все будетъ исполнено, — твердо произноситъ Мансуровъ и вмѣстѣ съ Вавиловымъ словно тотчасъ же проваливается сквозь землю.

Малорослый, едва доходящій до пояса взрослому человѣку, кустарникъ уже кончился. За нимъ лежитъ темное и влажное отъ ночной сырости картофельное поле. Приходится лечь плашмя на землю и ползти змѣею, не отдѣляясь отъ этой мокрой травы. Холодъ и сырость даютъ себя замѣтно чувствовать Анатолію. Зубы его дробно стучатъ. Онъ стискиваетъ ихъ съ силой и, хотя весь смокъ отъ росы, попрежнему продолжаетъ пробираться впередъ ползкомъ.

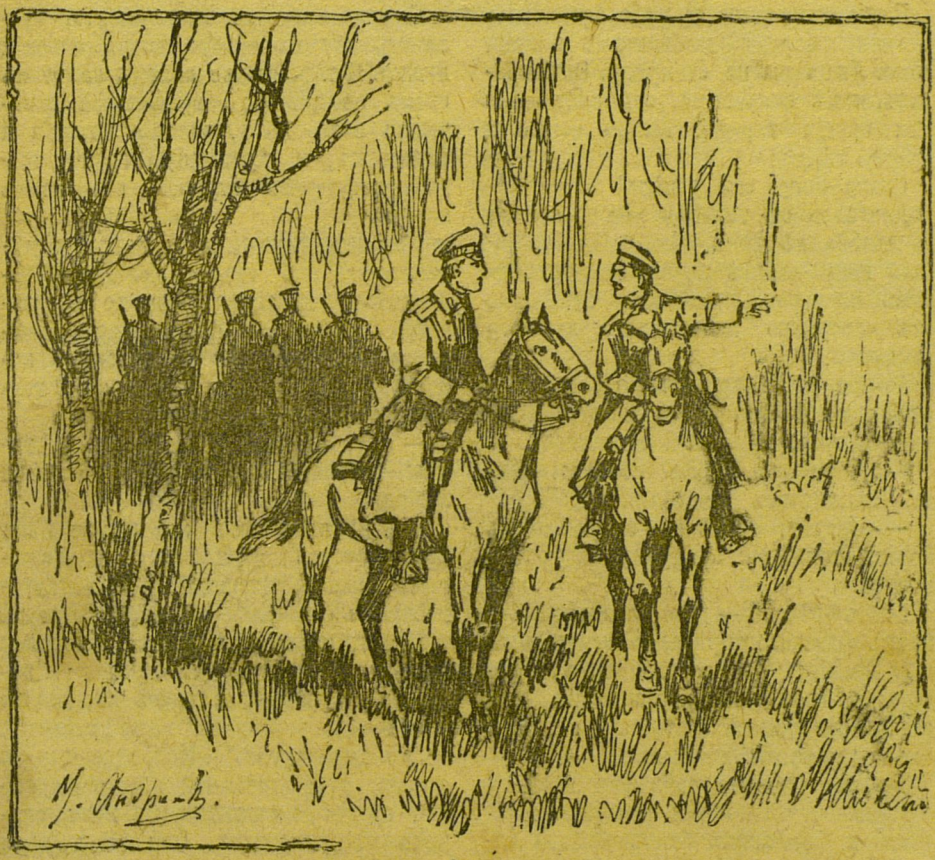
— Ваше высокоблагородіе, никакъ мы уже близко,—шепчетъ за нимъ Сережкинъ,—такъ что его дюже хорошо слыхать. Близехонько онъ, значитъ.

Дѣйствительно непріятельская позиція теперь отъ нихъ находится всего въ какихъ нибудь пятидесяти шагахъ, и огромная махина моста неожиданно вырастаетъ предъ ними. Тамъ дальше траншеи на холмахъ на лѣвомъ флангѣ линіи, тамъ артиллерія и окопы. Здѣсь же какъ будто вымерло все вмѣстѣ съ покинутымъ маленькимъ поселкомъ.

Анатолій приподнимается на локтѣ и смотритъ внимательно, силясь разглядѣть что либо въ полутьмѣ. Низкорослый кустарникъ тянется до самаго берега. Здѣсь рѣка даетъ выгибъ, и до моста теперь рукой подать.

— Не робѣй, братцы, за мною!—шепчетъ онъ.

Спина ноетъ отъ неестественнаго, согнутаго положенія, руки закоченѣли отъ сырости и холода. Но это—вздоръ, пустое въ сравненіи съ тѣмъ, что имъ



«—Ваше высокородіе, къ самой переправѣ никакъ невозможно подобраться лѣсомъ. Я лучше другою дорогою проведу васъ къ мѣсту». (Ст. 220.)

предстоитъ. Они уже не ползутъ дальше, а идутъ, скорчившись въ три погибели, стараясь не превысить фигурами высоты кустовъ. Вотъ уже совсѣмъ близко желанный мостъ и берегъ. Чуть слышно поблизости плещетъ рѣка. И опять гулъ голосовъ, долетающій слѣва, съ непріятельскихъ позицій, то и дѣло нарушаетъ тишину ночи.

Они теперь идутъ уже вдоль берега. Вотъ вошли въ заросли камыша. Зашуршало что-то.

Остановились, замерли отъ неожиданности и испуга съ холодными каплями пота, мгновенно выступившаго на лицахъ. Ничего какъ будто...

Снова тишина. Стоятъ всѣ трое съ минуту и ждутъ прислушиваясь. Все опять тихо.

Вдругъ желанный крикъ совы нарушаетъ тишину. Это значитъ, что часовые сняты... безшумно сняты.

„Экіе молодцы!“ — и, просіявъ отъ счастья, Анатолій первый быстро и легко проползаетъ подъ мостъ.

Пироксилиновыя шашки при немъ; фитили, патроны динамита и спички тоже. Лишь бы не отсырѣли. Онъ прятaлъ, какъ сокровище, эти смертоносныя орудія взрыва. Теперь можно и приступить.

Слава Богу, они у цѣли!

Двигаясь въ темнотѣ между сваями по-колѣно въ водѣ, Бончъ-Старнаковскій нащупываетъ первый столбъ. Острымъ кинжаломъ сдѣлавъ отверстіе, онъ осторожно вкладываетъ въ него динамитъ.

То же самое продѣлываетъ, по его указанію, Сережкинъ у другой сваи. Еще минута, и фитили подожжены.

— А теперь маршъ обратно! Живо!—командуетъ Анатолій.

— Скорѣе, скорѣе! — откуда-то съ берега слышится придушенный голосъ Бориса.

Опять рѣзкій — уже двоекратный— крикъ филина прорѣзаетъ относительную тишину. Это оставшійся при лошадяхъ Никитинъ даетъ знать, что успѣлъ проскакать объѣздомъ и ждетъ ихъ со стороны поселка.

Теперь, уже не соблюдая прежней осторожности, спѣша и волнуясь, Анатолій и Сережкинъ быстро-быстро несутся отъ обреченной на гибель громады моста.

Къ нимъ присоединяются вынырнувшіе изъ мрака Вавиловъ и Борисъ.

— Безшумно... духомъ справились съ обоими: накинули веревки на шею—и не вскрикнули даже,—прерывисто докладываетъ на-бѣгу первый.

— Молодцы!—начинаетъ Анатолій,— я такъ и...

Онъ не договариваетъ. Оглушительный, громоподобный гулъ съ ужаснымъ трескомъ раздается за ихъ спиною, и вся махина моста по эту сторону рѣки взлетаетъ, какъ щепка, вмѣстѣ съ огнемъ, дымомъ и осколками къ небу.

Словно внезапно проснувшись, грохочутъ ему въ отвѣтъ непріятельскія пушки. И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ снопъ австрійскаго прожектора освѣщаетъ поле, лѣсъ, русскія позиціи и фольваркъ, и крошечную группу людей, несущуюся стрѣлой отъ мѣста взрыва.

Отъ непріятельскихъ траншей отдѣляется другая группа, во много десятковъ разъ сильнѣйшая по количеству всадниковъ. Полуэскадронъ мадьяръ вылетаетъ съ австрійскихъ позицій и несется вдогонку за этой горстью смѣльчаковъ.

— Ну, „Коринна“, не выдавай, милая!—шепчетъ Анатолій на-ухо своей лошади.

Шпоры вонзаются въ крутые бока красавицы-кобылы, и она съ налившимися кровью глазами, вся натянувшаяся, какъ стрѣла, летитъ впередъ.

Цѣлый градъ пуль летитъ вдогонку за бѣглецами. Мадьяры стрѣляютъ наскаку, не цѣлясь, и орутъ что-то (что именно—не разобрать: не то „виватъ“, не то „сдавайтесь“). Направленныя въ сторону этой ничтожной горсточки людей орудія посылаютъ въ нихъ снарядъ за снарядомъ. Они то и дѣло шлепаются поблизости.

— Недолетъ, — глухо выкрикиваетъ Анатолій всякій разъ, когда результатъ удара уже очевиденъ, и все поддаетъ и поддаетъ шпорами быстроту бѣга „Коринны“. — Перелетъ,—торжествующе вскрикиваетъ онъ, когда разрывается далеко впереди страшная граната.

Но вдругъ Бончъ-Старнаковскій сразу смолкаетъ при новомъ ударѣ.

„Коринна“, какъ-то странно дрогнувъ задними ногами, подскакиваетъ вверхъ и тяжело валится на бокъ. Въ тотъ же мигъ какой-то страшный толчекъ заставляетъ Анатолія податься впередъ, перелетѣть черезъ голову окро-

вавленной лошади и распластаться навзничь въ пяти шагахъ отъ нея. Точно темная, непроницаемая завѣса задергивается въ ту же минуту надъ его головою.

— Стой, братцы, корнета убили!— и Мансуровъ на всемъ скаку удерживаетъ своего коня.

Маленькая группа всадниковъ останавливается тоже.

Рискуя собою, пренебрегая падающими вокругъ снарядами, Борисъ Александровичъ быстро подбѣгаетъ къ упавшему.

Съ минуту онъ не разбираетъ ничего.

— Живъ, кажется, живъ,—шепчетъ онъ, наклоняясь надъ безпомощно распростертымъ тѣломъ.

Легкій стонъ какъ бы подтверждаетъ его слова.

— Братцы, не выдавай своего начальника!—срывается съ губъ Мансурова, и ротъ у него высыхаетъ отъ волненія сразу.—Давайте мнѣ раненаго, я доставлю его до нашихъ позицій,—говоритъ онъ, тотчасъ же вскакивая въ сѣдло.

Солдаты осторожно, почти нѣжно поднимаютъ окровавленное тѣло и молча, съ суровой сосредоточенностью передаютъ его на протянутыя руки Бориса. Мансуровъ обвиваетъ одной рукой плечо раненаго, другою туго натягиваетъ поводья.

— Впередъ!—командуетъ Вавиловъ, замѣнившій сраженнаго начальника,— они уже совсѣмъ близко, спасайся, братцы!

— А мостъ все-таки взорванъ! Слава Тебѣ, Господи! — слышенъ тихій, какъ шелестъ листьевъ, шепотъ Анатолія,—и теперь имъ уже некуда будетъ отступить.

И Борисъ Александровичъ видитъ, какъ слабо трепещетъ рука раненаго, дѣлая усилія перекреститься.

VI.

Снова вечеръ, мокрый, дождливый, осенній. Снова въ большой столовой Отраднаго ярко свѣтитъ электрическая лампа и четыре женскія фигуры сидятъ за столомъ. Впрочемъ сидятъ только трое надъ остывшими чашками чая, четвертая же маячитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Муся и Варюша тѣсно прижались другъ къ другу, и въ глазахъ у обѣихъ явное смятеніе и страхъ. Маргарита Федоровна трясущимися, холодными руками перетираетъ чашки. Вѣра шагаетъ крупными шагами отъ окна къ печкѣ и обратно и отъ времени до времени похрустываетъ пальцами.

А за окномъ мракъ. Ночь и тоска, тоска и ужасъ. Дождливая октябрьская ночь, жуткая своей чернотою; однообразно и гулко шлепаютъ капли дождя по крышѣ дома; глухимъ, угрожающимъ воемъ воетъ вѣтеръ; трещитъ навязчивыми звуками нудная трещотка ночного сторожа.

Въ этотъ хаосъ тоскливыхъ, душу выматывающихъ звуковъ вдругъ неожиданно врываются новые — тихіе и пѣвучіе звуки флейты. Они несутся изъ флигеля, почти приникающаго къ господскому дому. Это новый управляющій, замѣнившій отрѣшеннаго хозяиномъ отъ должности Августа Карловича, диллетантъ - флейтистъ, каждый вечеръ услаждаетъ себя игрою на флейтѣ.

Какъ-то странно дисгармонируютъ эти нѣжные тонкіе, пѣвучіе звуки съ глухимъ осеннимъ туманомъ за окномъ; и не радуютъ сердца эти звуки.

Дѣвушки молчатъ. Муся машинально постукиваетъ ложечкой по блюдцу и думаетъ о Борисѣ. Зина написала имъ съ дороги, что встрѣтила его, что онъ думаетъ поступить въ дѣйствующую армію. Куда, въ какой полкъ,— не спросила. Ну, что же, пускай! Те-

перь ничто уже не испугаетъ и не удивитъ Муси. Убьютъ, не убьютъ—все равно: ея любовь останется одинаковой какъ къ мертвому, такъ и къ живому. А что касается до него самого, то, разъ душу его убила Китти, развѣ смертъ—не лучшее, что онъ можетъ желать? А гдѣ-то теперь сама Китти? Попрежнему во Львовѣ сестрой или пробралась дальше? Гдѣ Тольчикъ, милый, родненькій Тольчикъ, всеобщій любимецъ? Какъ давно нѣтъ извѣстій о нихъ! И Зина не возвращается. Неужели нельзя возвратиться, нельзя получать извѣстій оттуда потому только, что „они“ идутъ „сюда“? И неужели правда, что „тѣ“ идутъ „сюда“... идутъ къ Ивангороду и къ Варшавѣ. Боже, какъ близко отъ нихъ! А уѣхать нельзя: мамѣ опять хуже. Теперь у нея уже ежедневно повторяются припадки, да и общая болѣзнь прогрессируетъ. Начался отекъ ногъ. Если ее тронуть съ мѣста, она умретъ въ дорогѣ. А безъ нея ни Муся, ни Вѣра не рѣшатся ѣхать. Впрочемъ Вѣра говоритъ, что и незачѣмъ ѣхать, что нѣмцы—не варвары, что съ женщинами они не воюютъ, а держатъ себя рыцарями, и что если и явятся сюда, то не причинятъ имъ ни малѣйшаго безпокойства. Хороши рыцари! А что они сдѣлали съ Льежемъ, Брюсселемъ, Лувэномъ?

Муся при одномъ этомъ воспоминаніи сотрясается всѣмъ своимъ худенькимъ тѣломъ и роняетъ ложечку на полъ.

— Ахъ, Господи, вотъ напугали-то!—внезапно вскрикиваетъ Маргарита Федоровна.

— А вы думали, нѣмцы?—пытается пошутить дѣвочка.

— Типунъ вамъ на языкъ, Марія Владиміровна! Эдакій ужасъ, подумать надо, сказали! Да я о нихъ, звѣряхъ, галахъ этакихъ, и думать-то боюсь, а вы еще пугаете!—съ искреннимъ страхомъ и негодованіемъ восклицаетъ хохлушка.

— И очень глупо дѣлаете, что боитесь, Маргоша,—неожиданно подходя къ столу, говоритъ Вѣра. — Бояться, въ сотый разъ повторяю, вамъ нечего. Нѣмцы—культурные люди, а не дикари, и никого не съѣдятъ.

— А какъ же въ газетахъ-то... Вѣдь сами объ ужасахъ читали...

— Врутъ ваши газеты, вздоръ пишутъ, раздуваютъ все!—рѣзко восклицаетъ Вѣра.—А вотъ доведись нѣмцамъ придти сюда...

— Чуръ васъ! Тьфу, тьфу! Чуръ васъ, что еще выдумаете! — замахала на нее руками Маргарита.

— Такъ сами увидите,—не слушая ея, продолжаетъ Вѣра.—Смѣшно и глупо бояться европейскую, просвѣщенную націю, какъ какихъ-то краснокожихъ, дикарей.

— Они хуже дикарей, Вѣрочка, хуже!—звенитъ натянутый, какъ струна, голосокъ Муси.

— Не говори глупостей!—строго обрываетъ ее сестра.—Развѣ Рудольфъ—дикарь? Самый обыкновенный молодой человѣкъ, какимъ дай Богъ быть каждому русскому изъ тѣхъ же представителей нашей jeunesse dorée *). А Августъ Карловичъ что за милѣйшій старикъ!

— То-то и видно, что милѣйшій,—капризно надувая губки, продолжаетъ Муся,—то-то и видно, если этихъ милѣйшихъ людей папа за порогъ дома выгналъ!

Все смуглое лицо Вѣры внезапно заливается густой краской при этихъ словахъ.

— Молчи и не разсуждай о томъ, чего ты сама не понимаешь!—строго говоритъ она младшей сестрѣ.—А сей-

*) Золотая молодежь.

«Оглушительный, громоподобный гулъ раздается за ихъ спиной, и вся махина моста по эту сторону рѣки взлетаетъ, какъ щепка, вмѣстѣ съ огнемъ, дымомъ и осколками». (Ст. 227.)

часъ совѣтую тебѣ идти спать. Это будетъ по крайней мѣрѣ самое лучшее—поменьше глупостей говорить будешь.

— Адски-остроумное рѣшеніе, нечего сказать!—ворчитъ себѣ подъ носъ дѣвочка.

— Пойдемъ, Мусикъ, право! — ласково уговариваетъ подругу и тихая Варюша.

— Чтобы валяться безъ сна въ постели и вздрагивать при каждомъ стукѣ? О, Господи! Но, если тебѣ такъ этого хочется, Вѣрочка, я пойду,— тотчасъ же смиряясь, соглашается Муся и, поцѣловавъ старшую сестру, покорно выходитъ объ-руку со своей „совѣстью“ изъ столовой.

Вѣра смотритъ ей вслѣдъ смягчившимися глазами.

Вслѣдъ затѣмъ она говоритъ:

— Бѣдная дѣвочка, какъ она изнервилась! Да и всѣ мы нервничаемъ, всѣ выбиты изъ колеи. Болѣзнь мамы, война, всѣ эти ужасы хоть кого съума свести могутъ.

Она присаживается къ столу и смотритъ на Маргариту Федоровну усталыми, встревоженными глазами. Она машинально слѣдитъ за тѣмъ, какъ та перебираетъ дорогой севрскій фарфоръ, потомъ безмолвно встаетъ и направляется къ двери. Въ смежной со спальней больной матери комнатѣ Вѣра стоитъ нѣсколько минутъ, чутко прислушиваясь къ тяжелому дыханью спящей за дверью, а потомъ проходитъ къ себѣ.

Она спитъ въ бывшей комнатѣ Китти, перебравшись сюда съ момента отъѣзда старшей сестры, чтобы быть каждую минуту готовой помочь больной среди ночи.

Въ этой комнатѣ жила когда-то, очень давно, ихъ бабка, мать отца, словно передавшая ей, Вѣрѣ, свой темпераментъ, свою способность любить на-смерть и весь скрытый трагизмъ страстности ея натуры. Недаромъ она такъ полюбила и Вѣру и оставила ей все, что имѣла, послѣ себя. Она точно предчувствовала повтореніе себя,

своего типа, въ этой тогда еще крошкѣ-дѣвочкѣ. Уже будучи матерью женатаго сына, покойная Марина Бончъ-Старнаковская бѣжала съ красивымъ полякомъ, австрійскимъ гусаромъ, къ нему на родину. Когда же красавецъ-австріякъ разлюбилъ ее и промѣнялъ на другую, болѣе молодую, любовницу, Марина Дмитріевна вернулась въ Отрадное съ тѣмъ, чтобы поцѣловать маленькихъ тогда внучатъ, особенно свою любимицу Вѣру, испросить прощенія у мужа и покончить самоубійствомъ. Ее вытащили мертвую изъ пруда, отнесли къ обезумѣвшему отъ горя мужу, простившему ей все и обожавшему эту странную и мятежную до сѣдыхъ волосъ женщину.

Вѣра знала, что въ ея жилахъ течетъ та же горячая, не знающая удержа, кровь бабки Марины Дмитріевны. Недаромъ и похожа она на нее, какъ двѣ капли воды.

Неужели и ее ждетъ такая же печальная участь?

Нынче она думаетъ объ этомъ снова и блѣдная, встревоженная подходитъ къ окну. Дождь идетъ не переставая, и звуки флейты еще поютъ тамъ, среди ночной темноты. Когда замолчитъ этотъ Размахинъ? Душу надрываетъ его игра! Съ нею острѣе чувствуются боль тоски и муки воспоминаній.

„Что-то онъ дѣлаетъ теперь? Гдѣ онъ сейчасъ?“.

— Гдѣ ты, солнышко мое? Гдѣ ты, моя радость? — страстно шепчетъ дѣвушка, протягивая впередъ смуглыя гонкія руки.

Въ теченіе этого времени разлуки она не охладѣла, не измѣнилась къ Рудольфу; наоборотъ, ея чувство какъ будто выросло и окрѣпло, и нѣтъ ни одного часа на дню, чтобы она не думала о немъ.

* * *

Муся просыпается среди ночи и садится встревоженная на постели.

Прислушавшись она говоритъ спящей тутъ же подругѣ:

— Варюша, проснись... что это такое? Какъ будто пожаръ? Ты слышишь? Что это за шумъ, Варюша?

Темная головка „мусиной совѣсти“ съ трудомъ отрывается отъ подушки, спокойный голосъ бормочетъ спросонокъ:

— Спи, спи! Чего тебѣ не спится? Еще рано! Спи!

Но шумъ многихъ голосовъ, какіе-то крики, пыхтѣнье автомобиля, лошадиный топотъ и ржанье, ворвавшееся какъ будто во всѣ углы и закоулки усадьбы, сразу протрезвляютъ заспавшуюся Карташову.

— Боже мой, Мусикъ! Неужели же это—нѣмцы?

Муся вся съеживается отъ ужаса.

— Такъ скоро, не можетъ быть?

— Ахъ, Господи, все можетъ быть въ это ужасное время! Одѣвайся скорѣе! Или нѣтъ, постой, я раньше посмотрю.

Варюша вскакиваетъ съ постели и бѣжитъ къ окну босая, похолодѣвшей рукой отдергиваетъ штору и съ крикомъ отступаетъ назадъ, вглубь комнаты.

На дворѣ свѣтло, какъ днемъ. Нѣсколько ручныхъ фонарей движутся во всѣхъ его направленіяхъ. Огромный костеръ пылаетъ на площадкѣ предъ домомъ. Вокругъ него стоятъ какіе-то люди въ каскахъ и шинеляхъ въ накидку. Они кажутся сейчасъ исчадіями ада въ невѣрномъ освѣщеніи костра. Привязанныя къ деревьямъ лошади фыркаютъ и ржутъ. Въ сторонѣ пыхтитъ автомобиль. Кто-то отдаетъ приказанія твердымъ, громкимъ энергичнымъ голосомъ.

Муся вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и спрашиваетъ подругу:

— На какомъ языкѣ онъ говоритъ, Варюша? Что?

— Нѣмцы! Нѣмцы пришли! Все пропало!—шепчетъ вмѣсто отвѣта та, и лицо у нея и губы сейчасъ бѣлы отъ ужаса.

Гдѣ-то за стѣною слышится негромкій, жалобный плачъ женщины.

— Ануся! Боже мой, это плачетъ Ануся. Или Вѣрочка? Вѣрочка, сюда, къ намъ!—лепечетъ растерянная Муся и безцѣльно бѣгаетъ по комнатѣ, хватая ненужные, попадающіеся подъ руку, предметы, торопливо одѣваясь и наскоро закалывая косы.

— Одѣваться... одѣваться скорѣе!—роняютъ дрожащія, блѣдныя губы Карташовой.

Стукъ въ дверь, сильный и рѣзкій, заставляетъ дѣвушекъ рвануться другъ къ другу и замереть такъ, обнявшись, молча, съ округлившимися отъ ужаса глазами глядя на дверь.

— Успокойтесь, дѣвочки, ради Бога! Это—я, Вѣра.

— Боже мой!—восклицаетъ Варя.—А мы думали...

— Нечего бояться. Вотъ дурочки! И чего вы боитесь? Ну, да, нѣмцы здѣсь. Непріятельскій отрядъ зашелъ сюда, по дорогѣ къ крѣпости... кажется, драгуны. Офицеры были очень корректны и просили разрѣшить имъ черезъ управляющаго пробыть на постоѣ въ усадьбѣ съ эскадрономъ одну эту ночь. Я велѣла сказать, что мама больна. Они обѣщали быть тихими. Солдаты расположились во дворѣ, офицеры въ домѣ. Я распорядилась подать имъ ужинъ.

— Ужинъ нашимъ врагамъ?—почти съ ужасомъ восклицаетъ Муся, отскакивая отъ сестры.

— Что ты хочешь, дѣвочка?—останавливаетъ ее та.—Лучше мы сами предложимъ имъ, нежели они...

— Но вѣдь ты говорила, что они—рыцари. Такъ по какому же праву они требуютъ?

— По праву воюющихъ. Что вы? что вамъ надо, Маргоша?—неожиданно обращается Вѣра къ хохлушкѣ, въ эту минуту, какъ пуля, влетѣвшей въ комнату.

Та, задыхаясь отъ волненія, молчитъ нѣсколько секундъ и лишь затѣмъ отвѣчаетъ:

— Вѣра Владиміровна, голубочка моя! Да что же это такое? Да есть ли силы терпѣть эти гадости, мерзости эти! Вы имъ ужинъ приказали подать, а они шампанскаго и коньяка требуютъ. Я по-ихнему бормотать не умѣю, а Ануська научилась... она у Августа Карловича долго жила. Ей нѣмчуры такихъ пакостей наболтали, что дѣвченка сама не своя, сейчасъ реветъ, ручьемъ разливается.

Вѣра прерываетъ ее:

— Постойте, постойте, Маргоша! толкомъ объясните, кто наговорилъ и что и кто шампанское требовалъ. Ничего не понимаю.

— Всѣ требовали, всѣ галдѣли... и старшій ихъ. Гостя они сюда, видите ли, еще изъ своихъ какого-то ждутъ, такъ угостить хотятъ чужимъ добромъ на-славу. И еще, голубочка Вѣра Владиміровна, хотѣла я севрскій сервизъ да серебро спрятать, такъ куда тебѣ: присосались къ нимъ они, прости Господи, какъ клещи.

Лицо Вѣры нахмуривается, въ глазахъ видно недоумѣніе, но она все же говоритъ:

— Дайте имъ все, что надо, лишь бы не напугали мамы.

— Да, вотъ еще: васъ они требуютъ...

— Какъ это требуютъ? Кто смѣетъ требовать?—и станъ Вѣры выпрямляется, а глаза зажигаются гнѣвомъ и начинаютъ сверкать.

— Ануся говоритъ. Ей приказали.

«—Добрый вечеръ, барышни!»—говоритъ высокій бѣлокурый офицеръ, бѣглымъ взглядомъ окидывая четырехъ сбившихся въ тѣсную группу дѣвушекъ». (Ст. 241.)

„Веди,—говоритъ,—сюда твоихъ молодыхъ хозяекъ; намъ скучно ужинать безъ дамскаго общества. Да и сама,—говоритъ,—приходи; и на тебя,—говоритъ,—охотники найдутся".

— Что?—Губы Вѣры дергаются, тревожный огонь загорается въ глазахъ.—Я выйду къ нимъ. Мнѣ кажется, здѣсь что-то не то, очевидно какое-то недоразумѣніе, — взволнованно говоритъ она и твердыми шагами направляется къ двери.

Вдругъ Муся вскидывается, какъ птичка, со своего мѣста и поспѣшно бросается за нею.

— Не пущу тебя одну, не пущу, ни за что! Вмѣстѣ пойдемъ, Вѣрочка, пойдемъ вмѣстѣ!—лепечетъ она, цѣпляясь за платье сестры.

— И я, и я тоже!—присоединяетъ къ ней свой дрожащій голосъ и Варюша.

— Ой, напрасно, барышни, ой, куда лучше было бы задними ходами да прочь отсюда! — останавливаетъ ихъ Маргарита.—Сердце мое чуетъ бѣду, да и карты въ послѣдніе дни плохо показывали: все слезы и кровная потеря выходила. Ужъ куда лучше было бы бѣжать!

— Бѣжать безъ мамы? А какъ мы съ мамой убѣжимъ?—тихо роняетъ Муся.

— Вздоръ одинъ! Никуда мы не убѣжимъ, никуда намъ бѣжать не надо, да и никакихъ ужасовъ въ томъ, что нѣмцы пришли сюда, еще нѣтъ. Конечно лучше всего обратиться къ ихъ командиру или начальнику и попросить его покровительства,—и Вѣра, говоря все это, хмуритъ свои черныя брови.

Муся чувствуетъ себя при этихъ словахъ, какъ подъ ударомъ бича.

— Просить покровительства у нашихъ враговъ, — восклицаетъ она,—у людей, которые убиваютъ мирныхъ жителей, насилуютъ женщинъ, приканчиваютъ раненыхъ? Да я скорѣе дамъ себя разстрѣ...

Дѣвочка не доканчиваетъ. Въ сосѣдней комнатѣ слышатся звонъ шпоръ и грокіе голоса.

Проходитъ еще мгновеніе—и у две-

рей появляются четыре высокія фигуры въ офицерскихъ мундирахъ прусскаго кавалерійскаго полка.

— Guten Abend, meine Fräulein *)!— говоритъ высокій, бѣлокурый офицеръ, бѣглымъ взглядомъ окидывая четырехъ сбившихся въ тѣсную группу дѣвушекъ, и дѣлаетъ общій поклонъ.

Кланяются и остальные трое, съ порога комнаты съ любопытствомъ разглядывая этихъ испуганныхъ обитательницъ дома.

— Не волнуйтесь, барышни,—говоритъ первый офицеръ по-нѣмецки, — и успокойтесь пожалуйста! Никто не причинитъ вамъ ни малѣйшаго вреда. Напротивъ, мы всѣ—я и мои товарищи — просили бы васъ оказать намъ честь и отужинать за столомъ вмѣстѣ съ нами.

Новый поклонъ и непродолжительная пауза.

*) Добрый вечеръ, барышни!

Вдругъ Муся съ горящими ненавистью глазами выступаетъ впередъ.

— Милостивый государь,—отвѣчаетъ она по-нѣмецки звонкимъ, рвущимся на высокихъ нотахъ голоскомъ, — я и моя сестра настоятельно просили бы васъ вотъ именно избавить насъ отъ этой чести.

— Муся, Муся, безумная!—испуганно шепчетъ Вѣра, изо всѣхъ силъ дергая дѣвочку за руку. — Что ты говоришь, Муся?

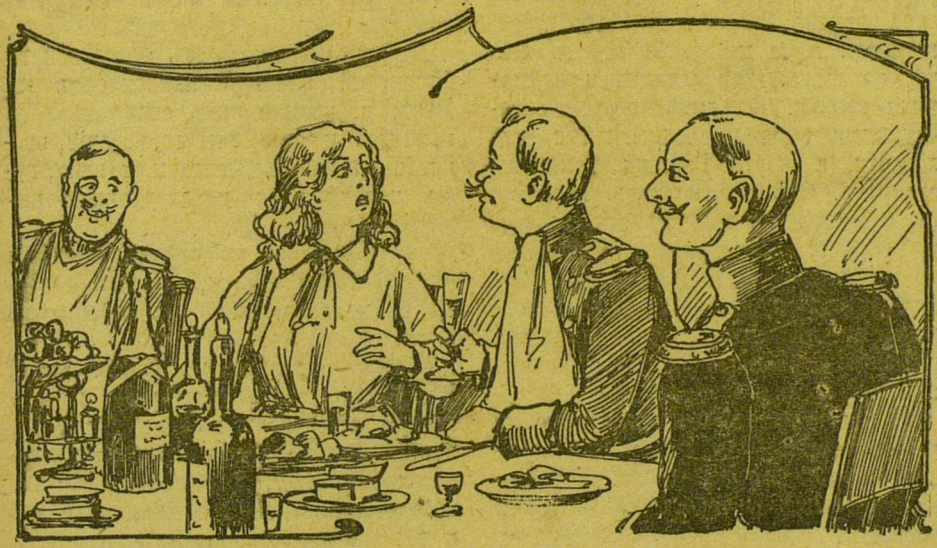
Пруссаки опѣшили въ первый моментъ.

Однако бѣлокурый нахмурился и снова говоритъ:

— Но почему же? Я не вижу пока никакой причины пренебрегать нашимъ обществомъ.

— Муся! Ради Бога, Муся! Ты погубишь насъ!—лепечетъ чуть слышно блѣдная, какъ смерть, Карташова.

Но дѣвочка только встряхиваетъ въ отвѣтъ кудрями и, пряча презритель-



«—Подлый нѣмецъ! Смѣй только, смѣй только! Я ненавижу всѣхъ васъ съ вашимъ ужаснымъ войскомъ, съ вашимъ безумнымъ кайзеромъ!»—звенитъ отчаянный крикъ Муси. (Ст. 246.)

ную улыбку, готовую соскользнуть у нея съ губъ, отвѣчаетъ съ великолѣпнымъ жестомъ королевы:

— Хорошо! Скажи имъ, Вѣрочка, что мы окажемъ имъ эту честь, но я надѣюсь, что и они не заставятъ насъ раскаяться въ нашей любезности.

Вслѣдъ за тѣмъ Муся первая съ гордо поднятой головой проходитъ мимо озадаченныхъ пруссаковъ.

VII.

Всѣ комнаты стараго дома нынче освѣщены, какъ въ дни празднествъ. Въ столовой сегодня особенно ярко и свѣтло. Горятъ всѣ свѣчи въ люстрѣ, всѣ лампочки и бра на стѣнахъ. За столомъ сидятъ нѣсколько прусскихъ офицеровъ, съ ротмистромъ во главѣ. Самъ онъ уже не молодъ, но повидимому не прочь провести время въ обществѣ интересныхъ женщинъ и барышенъ. Его глаза то и дѣло обращаются въ сторону Вѣры, которая, по настоянію непрошенныхъ гостей, заняла за столомъ мѣсто хозяйки дома. Муся и Варюша сидятъ молча, съ вытянутыми лицами и поджатыми губами. Въ лицѣ первой запечатлѣлось выраженіе ненависти и гадливости, а черты Варюши искажены страхомъ. Обѣ онѣ молчатъ, несмотря на всѣ старанія нѣмцевъ втянуть ихъ въ разговоръ. Маргарита Федоровна не садится; она хлопочетъ съ закуской и ужиномъ, помогая Анусѣ, ошалѣвшей отъ страха. Вся остальная прислуга разбѣжалась и спряталась, гдѣ кто успѣлъ.

Нѣмцы ѣдятъ такъ, какъ будто не имѣли во рту ни кусочка всю недѣлю, но пьютъ еще больше. Поминутно смѣняются бутылки на столѣ и хлопаютъ пробки отъ шампанскаго. Ихъ лица раскраснѣлись, языки развязались. Шутки стали нахальнѣе, смѣлѣе.

Маленькіе глазки ротмистра уже все чаще и чаще останавливаются со страннымъ выраженіемъ на строгомъ лицѣ Вѣры; ему положительно импонируетъ эта оригинальная внѣшность русской. Онъ любитъ такихъ смуглыхъ цыганокъ съ черными этакими глазищами. Надоѣли, пріѣлись бѣлобрысыя, безцвѣтныя Амальхенъ и Клерхенъ тамъ, у него на родинѣ.

А четыре молодые лейтенанта увиваются вокругъ подростковъ. Одинъ изъ нихъ, съ рыжими распушенными, какъ у кота, усами, особенно липнетъ къ Мусѣ. И бѣлокурый — тотъ, что пришелъ къ нимъ во главѣ депутаціи приглашать ихъ къ ужину, тоже не отстаетъ отъ него. За Варюшей, испуганно и растерянно мигающей отъ страха, увиваются тоже двое пруссаковъ: одинъ—совсѣмъ еще молодой, другой — толстый, круглый, съ осовѣвшимъ отъ вина взглядомъ. Три другихъ офицера мало обращаютъ вниманія на дѣвушекъ и исключительно занялись ужиномъ и виномъ.

Вдругъ осовѣлый отъ шампанскаго бѣлокурый офицеръ наклоняется къ Мусѣ, и, прежде чѣмъ она успѣваетъ крикнуть и отстраниться, горячія, пропитанныя запахомъ сигары и вина, губы касаются ея похолодѣвшаго маленькаго ушка.

— Что? Какъ вы смѣли? Какъ вы смѣли?—топая ногами, кричитъ дѣвочка съ исказившимся отъ отвращенія и гнѣва лицомъ.

Ротмистръ, только что доказывавшій Вѣрѣ всю несправедливость создавшагося о нѣмцахъ въ Россіи мнѣнія, выставляющаго ихъ съ самой отрицательной стороны, бросаетъ въ сторону молодежи быстрый, тревожный взглядъ и тотчасъ же останавливаетъ имъ офицеровъ.

— О, ничего особеннаго!—говоритъ онъ.—Не безпокойтесь, барышня, это—

только маленькая шутка. Молодежи такъ свойственно увлекаться. И что въ сущности убудетъ отъ васъ, милая барышня, если васъ поцѣлуетъ одинъ изъ героевъ прославленной прусской арміи?

Но его блестящая рѣчь пропадаетъ даромъ; Вѣра поднимается возмущенная со своего мѣста, ея щеки вспыхиваютъ, глаза загораются.

— Послушайте,—начинаетъ она съ пылающимъ лицомъ, — мы надѣялись, что имѣемъ дѣло съ джентльмэнами, а вы... а вы позволяете себѣ оскорблять беззащитныхъ дѣвушекъ. Стыдитесь, господа.

— Оскорбляемъ беззащитныхъ дѣвушекъ? Ха-ха-ха!.. Но вы преувеличиваете, барышня! — легкомысленно смѣется ротмистръ.—И какое можетъ быть оскорбленіе въ томъ, что господинъ лейтенантъ позволилъ себѣ наградить поцѣлуемъ понравившуюся ему хорошенькую дѣвушку?

— Но вы забываете, что эта дѣвушка — не какая нибудь Эмма или Лизхенъ, маленькая мѣщанка изъ предмѣстья Берлина, а русская дворянка. Мы — Бончъ-Старнаковскія, сударь! — вызывающе говоритъ Вѣра, глядя въ заплывшіе жиромъ глазки начальника отряда.

— Это подло! Это низко!—бросаетъ въ свою очередь Муся, и глазенки ея сверкаютъ отъ негодованія, и вся она дрожитъ.—И если вы осмѣлитесь еще разъ прикоснуться ко мнѣ, то я... то я...

Но возбужденіе этого свѣжаго, прелестнаго ребенка сильнѣе шампанскаго ударяетъ въ голову бѣлокураго пруссака. Въ его мозгу тяжело бродятъ два хмеля: одинъ—отъ близости свѣжей, юной дѣвушки, другой — отъ выпитаго черезъ мѣру вина.

— Бутончикъ! Бѣлый розанчикъ! — шепчетъ онъ, сопровождая свои слова плотояднымъ взглядомъ, и протягиваетъ къ Мусѣ, разгоряченной гнѣвомъ, свои трясущіяся руки.

— Подлый нѣмецъ! Смѣй только, смѣй только! Я ненавижу тебя... ненавижу всѣхъ васъ съ вашимъ ужаснымъ войскомъ, съ вашимъ безумнымъ кайзеромъ... всѣхъ ненавижу и проклинаю!—звенитъ теперь на весь домъ отчаянный крикъ Муси, и, перебѣжавъ комнату, она бросается какъ бы подъ защиту на грудь Вѣры.

— Что такое? Что вы сказали? — слышатся со стороны нѣмцевъ угрожающіе голоса.

Теперь офицеры повскакали со своихъ мѣстъ и, шагая невѣрными, подгибающимися отъ хмеля ногами, окружили дѣвушекъ.

— Да знаете ли вы, что за такія слова...—начинаетъ ротмистръ, хватаясь за столъ и всячески стараясь соблюдать равновѣсіе.

Ревъ автомобиля, раздавшійся во дворѣ, прервалъ его дальнѣйшую тираду.

— Это—онъ!.. Наконецъ-то!—обрадовались кому-то нѣмцы.

Прошло еще съ пару минутъ, и въ сосѣдней комнатѣ раздались твердые шаги. Зазвенѣли шпоры, и вновь пріѣхавшій молодой прусскій офицеръ стремительно вошелъ въ комнату.

Всѣ взгляды немедленно обратились къ нему.

— Наконецъ-то и вы! Признаюсь, вы умѣете заставлять себя ждать, коллега! — и ротмистръ первый шагнулъ навстрѣчу вошедшему.

Вѣра взглянула на него и въ тотъ же мигъ отшатнулась съ крикомъ счастья и неожиданности:

— Рудольфъ!

Да, это былъ онъ. Въ блестящемъ мундирѣ штабнаго офицера, измѣнившійся до неузнаваемости, съ печатью апломба на холеномъ, самодовольномъ

лицѣ, это былъ тѣмъ не менѣе онъ, любимый ею безумно, Рудольфъ Штейнбергъ. Такъ вотъ какого гостя ждали прусскіе драгуны еще сюда!

„О, если такъ... Великій Боже, не шлетъ ли его сама судьба къ намъ на помощь... его, Рудольфа?“ — обожгла Вѣру радостная мысль.

Вѣра протянула руки и съ преобразившимся отъ счастья лицомъ пошла къ нему навстрѣчу.

— Рудольфъ! Рудя! Я знала, что вы вернетесь, что вы вспомните о насъ,—прошептала, какъ во снѣ, дѣвушка, съ восторгомъ и нѣжностью глядя на офицера.

Но онъ не двинулся съ мѣста, а насмѣшливо оглядывалъ ее съ головы до ногъ.

— Что такое? Вы ждали меня? — язвительно переспросилъ онъ послѣ безконечной паузы.—Ждали, послѣ того какъ вашъ драгоцѣнный папахенъ выгналъ меня, какъ собаку, изъ своего дома, и не только меня, но и моего ни въ чемъ неповиннаго отца? Вы очень самонадѣянны, если думали, что все это не повлечетъ за собою наказанія, отмщенія, всего, что хотите. съ моей стороны.

Что? Что онъ говоритъ?.. Рудольфъ? Какого отмщенія?

И послѣ короткаго молчанія Вѣра еще разъ попыталась обратиться къ нему.

— Насъ оскорбляютъ, Рудольфъ. Заступитесь за насъ!—прошептала она теперь тихо и беззвучно.

Штейнбергъ смотрѣлъ на нее попрежнему насмѣшливо и дерзко, потомъ подошелъ смѣясь.

— Что? Да развѣ побѣдители могутъ оскорблять? Ха-ха-ха! Что такое? Мои товарищи, насколько мнѣ извѣстно, поцѣловали вашу сестру? Подумаешь, бѣда какая!—сказалъ онъ уже по-нѣмецки.

— Конечно этой полоумной дѣвченкѣ слѣдовало влѣпить пулю, а не поцѣлуй за ея оскорбительныя выраженія о славной германской націи и о главѣ ея — нашемъ всемилостивѣйшемъ кайзерѣ, — началъ коснѣющимъ отъ черезъ мѣру выпитаго вина языкомъ ротмистръ.

— Именно такъ... пулю, а не поцѣлуй... такъ! — послышались пьяные голоса остальныхъ.

— Постойте, мы придумаемъ нѣчто иное, и это будетъ во сто разъ остроумнѣе, чѣмъ всякое другое наказаніе,—произнесъ Штейнбергъ со своей прежней ужасной улыбкой.

— Ру-до-льфъ... вы?.. и вы тоже заодно съ ними?—потрясенная до глубины души, срывающимся шепотомъ произноситъ Вѣра.

— Что значитъ это „и вы тоже“? Я прежде всего — пруссакъ и врагъ славянства, а, во-вторыхъ... Но не стоитъ говорить объ этомъ! Позовите-ка лучше сюда вашу красавицу, старшую сестру. Куда она спряталась? чего испугалась?—внезапно переходя на русскій языкъ и улыбаясь тою же наглой улыбкой, продолжаетъ Штейнбергъ.—Я хочу показать моимъ друзьямъ, которые по моей рекомендаціи и приглашенію заѣхали сюда по дорогѣ, хочу показать имъ лучшую жемчужину вашей семьи. Да и самъ я не прочь взглянуть на прелестную Китти, послѣ того какъ мнѣ удалось снискать ея расположеніе у себя, за границей,—поспѣшилъ онъ докончить, дерзко поглядывая на испуганныхъ барышенъ.

— Что? Это что?—вырвалось у тѣхъ четырехъ сразу однимъ, полнымъ ужаса, звукомъ.

Дыханіе, казалось, остановилось въ этотъ мигъ въ груди Вѣры. Сердце словно перестало биться, и только искаженное судорогой страданія лицо

жило еще одними своими, полными мрака и муки, глазами.

— Онъ лжетъ! Онъ лжетъ, этотъ подлецъ! Нельзя ему вѣрить ни слова,—неожиданно вырвалось изъ груди Маргариты Федоровны, и она, какъ дикая кошка, рванувшись къ Штейнбергу, вцѣпилась пальцами въ его рукавъ. — Ты лжешь, мерзавецъ, проклятый нѣмецъ, собака! Чтобы наша барышня, наша красавица, умница и тебя... могла... тебя...—въ какомъ-то изступленіи, трясясь всѣмъ тѣломъ, лепетала хохлушка.

Но Рудольфъ даже не взглянулъ на нее: онъ такъ сильно тряхнулъ рукою, что Марго, какъ слабая былинка, отлетѣла отъ него въ сторону.

Затѣмъ, обращаясь теперь къ одной Вѣрѣ, онъ заговорилъ снова съ циничной усмѣшкой на лицѣ:

— Вы-то, надѣюсь, повѣрили мнѣ, милѣйшая фрейлейнъ, повѣрили тому, что ваша гордая, прекрасная сестра—Бончъ - Старнаковская—а не кто нибудь другая, замѣтьте!—принадлежала мнѣ, какъ самая заурядная любовница, что она промѣняла на меня господина Мансурова, что она...

— Это—ложь, ложь! Не смѣйте клеветать на Китти! Низкій, грязный человѣкъ!—внѣ себя закричала Муся и разразилась истерическимъ плачемъ.

— Вы можете не вѣрить, и я не стану настаивать на этомъ! — пожавъ плечами, продолжалъ Штейнбергъ. — Мнѣ важно только, чтобы въ это повѣрили вы, фрейлейнъ Вѣра. И по вашимъ глазамъ я вижу, что вы повѣрили мнѣ. Правда, о такихъ случаяхъ честные люди не говорятъ гром-

«— Онъ лжетъ! Онъ лжетъ, этотъ подлецъ! Нельзя ему вѣрить ни слово!» — неожиданно вырвалось изъ груди Маргариты Федоровны». (Ст. 249.)

ко. Но со мною здѣсь, въ этомъ домѣ, поступили безчестно, и это даетъ мнѣ право въ свою очередь не считаться въ условностяхъ. Итакъ, я утверждаю еще разъ, что дѣвушка изъ прекрасной русской дворянской семьи, кичившейся своимъ именемъ, своими связями, аристократическимъ

происхожденіемъ и своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, была моей любовницей. Вашъ отецъ не пожелалъ отдать васъ мнѣ въ жены и оскорбилъ меня, какъ послѣдняго вора и преступника. Ну, такъ вотъ я и взялъ у него за это большее: взялъ въ наложницы его гордость, его старшую дочь, вашу сестрицу Китти!

— Да замолчите ли вы, проклятый?—сорвалось съ губъ Маргариты, тогда какъ Вѣра угрюмо молчала съ застывшимъ, какъ мраморъ, лицомъ.

— Еще одно оскорбленіе, и я прикажу васъ разстрѣлять, сударыня! Въ моемъ лицѣ вы оскорбляете мундиръ всей нашей прусской арміи, — произнесъ Рудольфъ спокойнымъ тономъ, причемъ его выпуклые глаза обдали Маргариту уничтожающимъ взглядомъ, а рука стиснула эфесъ сабли.

— Молчите, Марго, молчите, ради Бога!.. Вѣрочка! Вѣрочка!.. Что ты? Что съ тобою?—испуганно пролепетала Муся, бросаясь отъ сестры къ Маргаритѣ и съ плачемъ ломая руки.

Съ помертвѣвшимъ лицомъ и помутившимися глазами Вѣра смотрѣла съ секунду въ самые зрачки Штейнберга и вдругъ неожиданно и тихо-тихо, какъ подкошенная, упала на полъ.

— Это ничего. Маленькій обморокъ. Поваляется и встанетъ. Во всякомъ случаѣ такое ничтожное обстоятельство не должно мѣшать, господа, разъ уже намѣченной программѣ вечера, — небрежно бросилъ Штейнбергъ, обращаясь къ своимъ коллегамъ. — Насколько я понялъ васъ, эти дѣвчурки позволили оскорбить честь нѣмецкаго мундира?—послѣ минутной паузы спросилъ онъ у нихъ.

— Хуже, коллега, хуже! Онѣ непочтительно выражались о его величествѣ, самомъ всемилостивѣйшемъ кайзерѣ, — послышался чей-то нетвердый голосъ.

— Ага, такъ-то! Ну, въ такомъ случаѣ я заставлю ихъ искупить эту вину,—продолжалъ Штейнбергъ, сдвигая брови. Пусть кричатъ „ура“ его величеству императору Германіи и королю Пруссіи.

— Или?

Рудольфъ, презрительно усмѣхнувшись и злобно сверкнувъ глазами, отвѣтилъ:

— Да развѣ нѣтъ у насъ солдатъ? Пускай расправляются съ ними, какъ хотятъ!

* * *

Въ полутемной кухнѣ горѣла одна только свѣчка. Рожокъ на стѣнѣ былъ разбитъ кѣмъ-то изъ пруссаковъ подъ пьяную руку вдребезги. Нѣсколько драгунъ только что покончили съ обильнымъ возліяніемъ и ужиномъ, были почти совершенно пьяны и собирались размѣститься на покой.

Изъ комнатъ къ нимъ сюда доносились крики, шумъ и женскія отчаянныя слезы подъ аккомпанементъ пьянаго хохота.

Солдаты прислушивались къ нимъ нѣсколько минутъ.

— Ужъ эти господа офицеры!—смѣясь сказалъ сивоусый унтеръ, — умѣютъ, нечего сказать, провести времечко! Давеча обходили всѣ комнаты и забирали все, что можно забрать; оправдывались все реквизиціей. Недурное дѣло—эта реквизиція, право! Управляющаго приказали разстрѣлять за то, что онъ отказался открыть конюшню, прислугу выгнали изъ дома, а теперь потѣшаются вволю,—пугаютъ здѣшнихъ хозяекъ дома.

— Умора!—воскликнулъ другой солдатъ. — Штабный офицеръ тутъ пріѣхалъ, такъ тотъ все здѣсь знаетъ, каждую нитку. Онъ, говорятъ, и отрядъ на постой пригласилъ сюда, и указывалъ нашимъ, гдѣ и что спря-

тано, а теперь никакъ допрашиваетъ хозяекъ, не осталось ли у нихъ еще что нибудь.

— Какое допрашиваетъ,—вмѣшался въ разговоръ третій,—просто душу отводитъ. Подходилъ я послушать у дверей. Штабный велитъ дѣвченкамъ „ура“ кричать нашему кайзеру и арміи. Ну, а тѣ упрямятся. Смѣхъ, да и только!

— Стойте, стойте, товарищъ!.. кажется, идутъ сюда...

Солдаты вскочили, и руки по швамъ вытянулись въ струнку. Уже подъ самыми дверьми были слышны сейчасъ слезы, мольбы и вопли женщинъ, а громкій мужской голосъ, взбѣшенный и грубый, кричалъ на весь домъ, на всю усадьбу:

— Эй, вы, кто тутъ есть! Сюда, драгуны! Живо сюда!

VIII.

Эти крики, дикій хохотъ и полный жуткаго значенія и угрозы голосъ достигли до слуха больной Софьи Ивановны, и она внимательно и чутко прислушивалась къ нимъ. Она проснулась давно. Пламя костра, разложеннаго на дворѣ, освѣщало, какъ зарево, ея комнату.

Въ спящемъ сознаніи больной медленно и лѣниво проползла мысль-догадка:

„Гдѣ-то горитъ!.. Гдѣ-то пожаръ! Надо сейчасъ же, скорѣе поднять, разбудить дочерей“.

Больная сдѣлала усиліе встать. Какъ тяжело двигаться отекшимъ ногамъ!.. Едва передвигая ими, она встала съ постели, кое какъ нашла и надѣла капотъ... туфли.

— Китти! — жалобно прошептала она, — гдѣ ты, голубка?—и ея лицо исказилось гримасой плача.

Вдругъ остро и назойливо толкнулась въ спящее сознаніе мысль:

„Это Китти кричитъ... Зоветъ на помощь... Надо идти, скорѣе идти... надо... помочь!“.

Медленно и тяжело шагая, Бончъ-Старнаковская пошла, хватаясь за встрѣчные предметы, ища въ нихъ поддержку.

Она тихо вышла изъ спальни, миновала корридоръ, затѣмъ комнату Китти, пріоткрыла дверь въ нее и заглянула туда. Тамъ не было никого, комната была пуста. А крики по-сосѣдству все усиливались.

„Теперь Мусичка какъ будто кричитъ, — съ трудомъ соображала больная, — ея голосокъ... Зоветъ на помощь“.

— Не пущу! Не дамъ въ обиду, не дамъ!—пролепетала она съ блуждающей улыбкой и живо распахнула дверь, за которой звенѣлъ раздирающій душу крикъ.

Пятеро пьяныхъ, едва имѣющихъ силы стоять на ногахъ, нѣмецкихъ солдатъ метались по буфетной, распластавъ руки, стараясь схватить двѣ тонкія, маленькія фигуры, то и дѣло быстро ускользавшія у нихъ изъ-подъ ихъ пальцевъ.

А за стѣною слышались тѣ же пьяныя пѣсни и крики.

Муся и Варюша, нѣсколько минутъ тому назадъ втолкнутыя къ пьянымъ драгунамъ, съ отчаяніемъ и ужасомъ кружились по комнатѣ, стараясь миновать протянутыя къ нимъ руки солдатъ.

„Нѣтъ, нѣтъ! Лучше смерть, нежели этотъ ужасъ,—вихремъ пронеслось въ головѣ юной хозяйки Отраднаго.— Вѣдь не побоялись же мы съ Варей ослушаться ихъ, не кричали же мы по ихъ требованію „ура“ Вильгельму. Такъ неужели же теперь мы задумаемся обѣ предъ тѣмъ, что выбрать, неужели не сумѣемъ предпочесть смерть позору?“.

Вслѣдъ затѣмъ Муся, сдѣлавъ по-

« — Кто это? Дьяволъ? Привидѣнье вѣдьма? Исчадіе ада наконецъ?—послышались возгласы». (Ст. 256.)

слѣднее усиліе, бросилась въ уголъ, чтобы миновать сидящаго на табуретѣ нѣмца.

Вдругъ потныя, противныя руки схватили ее.

— А-а-а!—вырвалось воплемъ ужаса изъ горла Муси.—А-а-а... спасите, спасите!

Но огромная ладонь въ ту же минуту зажала ей ротъ, а лоснящееся отъ пота лицо, дыша винным перегаромъ, низко-низко склонилось надъ ея лицомъ.

— Ну-ну. Зачѣмъ такъ кричать? Зачѣмъ такъ биться? Лучше обними меня, сердечко мое, да поцѣлуй послаще, дѣточка!—глухо, едва выговаривая слова, прозвучалъ надъ нею пьяный голосъ.

— Вѣрочка! Вѣрочка! Спаси! Марго! Варя!—изступленно крикнула Муся, отчаянно отбиваясь отъ стиснувшихъ ее объятій.

Въ слѣдующій затѣмъ мигъ такой же крикъ, но болѣе глухой и жуткій, пронесся по всѣмъ закоулкамъ больного дома.

Дверь буфетной распахнулась наотмашь, и всѣ находившіеся здѣсь солдаты замерли на мѣстѣ съ испуганно вытаращенными глазами.

— Кто это? Дьяволъ? Привидѣніе, вѣдьма? Исчадіе ада наконецъ? — послышались возгласы.

Она была дѣйствительно страшна, эта женщина: худая, высохшая, какъ скелетъ, въ бѣломъ, сидящемъ на ней, какъ на вѣшалкѣ, халатѣ, съ сѣдыми волосами, разбросанными по плечамъ, съ жуткой, блуждающей улыбкой и съ совершенно пустымъ взглядомъ безумныхъ глазъ. У нея было

желтое, какъ воскъ, лицо и огромныя, распухшія ноги. И, улыбаясь своей страшной улыбкой, она лепетала одно и то же:

— Не пущу, не пущу, не пущу!

Всю жизнь будутъ помнить дѣвушки тотъ ужасъ, ту панику ворвавшихся къ нимъ мучителей въ минуту появленія Софьи Ивановны. Они заметались и забѣгали по буфетной, отыскивая орудіе, шепча что-то безсвязное себѣ подъ носъ.

Обѣ онѣ, и Варя, и Муся, воспользовались этой сумятицей и выскочили черезъ буфетную на террасу, а оттуда — въ садъ.

Тамъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, онѣ робко притаились въ отдаленномъ углу въ стѣнахъ старой бесѣдки, неподалеку у пруда.

* * *

Вѣра очнулась и открыла глаза, когда октябрьское утро уже свѣтило въ комнату. Она съ трудомъ подняла голову.

Всюду вокругъ валялись пустыя и битыя бутылки, коробки отъ консервовъ, куски хлѣба, слѣды ночного пиршества отпечатывались на всемъ. Но въ комнатѣ никого не было; только на одномъ изъ стульевъ лежала второпяхъ забытая кѣмъ-то изъ нѣмцевъ каска.

Дѣвушка съ трудомъ приподнялась на ноги и, едва находя въ себѣ силы двигаться отъ слабости, вышла въ гостиную. Здѣсь все носило слѣды разрушенія и погрома: разбитое зеркало, сорванныя портьеры, исчезнувшіе ковры.

И въ ея комнатѣ, и у Китти, и у дѣвочекъ все было также разграблено и опустошено. Были выдвинуты ящики комодовъ, гдѣ теперь и слѣда не оставалось отъ бѣлья, опустошены платяные шкафы и буфеты; всѣ они наглядно говорили о происшедшемъ здѣсь полномъ разграбленіи.

Двигаясь, какъ автоматъ, Вѣра пошла дальше, въ спальню матери, и, къ своему ужасу, не нашла въ ней больной.

« — Бабушка! Это — ты? Иду! Иду къ тебѣ, родная!» — прошелестѣлъ чуть слышный шепотъ надъ прудомъ».
(Ст. 261.)

Она позвонила. Никто не явился на зовъ. Позвонила еще разъ—то же молчаніе и абсолютная тишина царили въ домѣ, точно все вымерло въ немъ.

Съ ледянымъ холодомъ въ сердцѣ дѣвушка прошла дальше, черезъ парадныя комнаты въ людскую и осмотрѣла ее.

Тамъ тоже не было ни души.

На порогѣ буфетной что-то рѣзко бѣлѣло на паркетѣ.

Вѣра приблизилась къ огромному, распластанному на полу, предмету и съ тихимъ стономъ отступила назадъ. На нее смотрѣли незрячіе, мертвые, уже успѣвшіе застеклѣть, глаза Софьи Ивановны.

Вѣра ничего не могла сообразить; мозгъ словно застылъ у нея, и она почти безъ сознанія опустилась на близстоявшій стулъ.

Прошло полчаса.

Постепенно Вѣра стала приходить въ себя и сознавать все, что произошло.

— Все кончено, — проговорила она вслухъ самой себѣ, и странно прозвучалъ ея голосъ среди мертвой тишины дома.—Все кончено... Мама скончалась, Мусю они забрали съ собою конечно, Варю тоже. О, они не пощадили бѣдныхъ дѣтей! И все это надѣлалъ Рудольфъ, онъ—главная причина всѣхъ бѣдствій!

Губы дѣвушки произносили это имя, и леденящій душу ужасъ волною захлестнулъ все ея существо. Рудольфъ, тотъ, кого она любила и кого цѣнила, какъ лучшее сокровище въ мірѣ, оказался величайшимъ негодяемъ, преступникомъ, гадиной, о которой страшно подумать даже. Онъ никогда не любилъ ея; она теперь только поняла это.

И что онъ сдѣлалъ съ бѣдняжкой Китти? Да, сейчасъ она, Вѣра, знаетъ, что изъ-за него случилось что-то непоправимое за границей съ ея сестрой. Недаромъ же Китти всю передергивало при одномъ имени Рудольфа въ послѣднее время. А ея отказъ Мансурову, безпричинный, ничѣмъ не вызванный отказъ? А эта рѣзкая перемѣна въ ея внѣшности, ея внезапное поступленіе въ отрядъ Краснаго Креста. Да, несомнѣнно, злодѣй не солгалъ.

А если все обстоитъ именно такъ, то стоитъ ли жить послѣ этого? Ихъ мать умерла—можетъ быть, умерла ужасной смертью, видя безчестіе младшей дочери. И Муси нѣтъ? Что они сдѣлали съ обѣими дѣвочками? куда подѣвали ихъ? И Марго нѣтъ тоже. Проклятый! Это онъ погубилъ ихъ всѣхъ, онъ, когда-то любимый такъ мучительно, такъ нѣжно!

„Неужели же и теперь я люблю его?“—и Вѣра задрожала отъ одной этой мысли.

Любовь... неужели еще не умерло въ ней это чувство къ завѣдомому негодяю и злодѣю? А если нѣтъ, такъ пусть же она погибнетъ, нежели жить дальше съ этимъ полнымъ ужасовъ адомъ въ душѣ!

Она вышла изъ сада и побрела по знакомой аллеѣ. Обрывки мыслей плыли вмѣстѣ съ нею въ ея усталой, измученной головѣ.

Умерла мать... на порогѣ буфетной лежитъ ея тяжелое, остывшее тѣло. Она, Вѣра, такъ и не могла поднять его и перенести на кровать. Погибла Муся... Гдѣ Анатоль, гдѣ Китти? Вернутся ли они? Ахъ, если бы вернулись! Но осиротѣетъ тогда старикъ-отецъ. Ей, Вѣрѣ, нельзя жить вовсе дольше съ этимъ бременемъ въ душѣ, мозгу и въ сердцѣ. О, она теперь не боится ничего! Смерть... какой вздоръ! Жизнь страшнѣе... жизнь во мракѣ, съ камнемъ въ сердцѣ отъ поруганной

любовь. Да, да, она рѣшила безповоротно! Это—неизбѣжно.

Черные глаза и строгое смуглое лицо встало предъ нею на мгновенье, жуткое лицо! Она едва помнила черты своей бабушки въ дѣтствѣ, но сейчасъ онѣ до нелѣпости рѣзко выступили въ ея памяти. Глаза старухи улыбались ей издали и манили куда-то. Вѣра знала—куда. Недаромъ же всѣ находили у нея поразительное сходство съ бабкою, недаромъ же съ особенной нѣжностью ласкала Маріанна Дмитріевна ее, Вѣру, когда она была еще ребенкомъ. Можетъ быть, она предчувствовала судьбу внучки, аналогичную со своей.

Вотъ и прудъ, холодный и молчаливый, съ суровой ласковостью играющій на солнцѣ. Голыя ветлы отражаются въ немъ. И сѣрое небо тоже.

Вѣра остановилась на берегу пруда, посмотрѣла съ минуту въ воду, и оттуда опять взглянули на нее смуглое лицо съ трагической складкой около рта, черные глаза, полные мрака, и сурово сдвинутыя брови.

— Бабушка, это—ты? Иду! Иду къ тебѣ, родная! — прошелестѣлъ чуть слышный шепотъ надъ прудомъ.

Или то игралъ ветлами осенній вѣтеръ?

* * *

— Вѣрочка! Вѣра!—послышался отчаянный вопль со стороны сада, и Муся, а за нею Варюша и Маргарита Федоровна побѣжали со всѣхъ ногъ къ пруду.

Но Вѣра не слышала этого вопля, этого призыва живыхъ. Ея душа уже заглянула за грани иного міра. Быстро сотворила знаменіе креста ея смуглая рука. Короткій всплескъ, широкіе круги на водѣ—и все было кончено.

Муся долго разсказывала потомъ, исходя въ слезахъ, какъ увидѣли онѣ изъ своей засады прибѣжавшую къ пруду Вѣру, какъ поняли, зачѣмъ она явилась сюда, какъ мчались предупредить несчастье и не успѣли, опоздали спасти сестру.

Нѣмцы ушли изъ Отраднаго внезапно. Кто-то пустилъ слухъ, что идутъ казаки. Разграбивъ и забравъ съ собою все, что было возможно забрать и разграбить, враги-насильники бѣжали отсюда среди той же роковой и памятной для обитателей Отраднаго ночи.

Послѣ ихъ ухода понемногу стала стекаться бѣжавшая въ паникѣ прислуга.

Трупъ Вѣры скоро отыскали въ прудѣ и схоронили вмѣстѣ съ тѣломъ Софьи Ивановны—пока что, до поры, до времени—въ саду усадьбы. Погребли рядомъ и жертву нѣмецкаго варварства, никому не сдѣлавшую зла, управляющаго усадьбой. Его флейта теперь замолкла навсегда.

Съ первою же представившеюся возможностью Муся съ Варей Карташовой и Маргарита Федоровна, чудомъ спасшіяся отъ несчастья, поспѣшили уѣхать изъ этихъ жуткихъ мѣстъ въ Петроградъ, къ убитому горемъ, вдвойнѣ осиротѣвшему Владиміру Павловичу. Только тамъ онѣ узнали о пораженіи наглыхъ тевтоновъ подъ Варшавой и безпорядочномъ отступленіи нѣмецкой арміи.

Когда этотъ моментъ наступилъ, Владиміръ Павловичъ Бончъ-Старнаковскій съ младшей дочерью вернулся въ Отрадное за тѣлами дорогихъ усопшихъ и перевезъ ихъ въ столицу, въ фамильный склепъ.

VIII.

Снова пестрый старинный городъ и расцвѣченные флагами дома, снова суета, движеніе, звонки и глухое за-

ванье трамваевъ, снова оркестры музыки, патрули, транспорты раненыхъ, партіи плѣнныхъ — и огромное бѣлое зданіе подъ флагомъ Краснаго Креста.

Къ этому бѣлому зданію подъѣзжаетъ простая сельская галиційская тележка безъ рессоръ, неистово грохочущая по мостовой.

— Сюда! Сюда! Остановитесь пожалуйста! — возбужденно-взволнованно бросаетъ молодая женщина, которую галичанинъ-возница подвозитъ къ крыльцу.

Зина, прокруживъ съ добрую сотню верстъ, прежде чѣмъ попасть снова въ этотъ старый чудесный городъ, снова подъѣхала къ крыльцу главнаго лазарета, гдѣ работаетъ Китти. Когда она хотѣла пробраться на передовыя позиціи, ея не пустили. Анатолій ничего не отвѣтилъ на ея письмо. Ей посовѣтовали уѣзжать обратно и переждать во Львовѣ. Но, прежде чѣмъ попасть сюда, частью по желѣзной дорогѣ, частью въ этой ужасной одноколкѣ, пришлось долго кружить, избирая путь, не занятый войсками и обозами, отважно и безостановочно подвигающимися впередъ. Наконецъ Зина попала снова въ эти шумныя улицы, но съ какою ужасною тревогою на душѣ! Ни вѣсточки, ни единаго слова отъ любимаго человѣка. Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Она ничего не знала о немъ. Теперь оставалась послѣдняя надежда на Китти. Хоть что нибудь да должна она была знать про брата!

И сердце Зины трепетало, когда она вошла въ уже знакомый подъѣздъ съ развѣвающимся надъ нимъ флагомъ съ краснымъ крестомъ.

— Боже мой, Зиночка, на тебѣ лица нѣтъ, родная!—и Китти нѣжно обнимаетъ кузину.

Ланская смотритъ на нее и не узнаетъ двоюродной сестры. Это—не Китти, а лишь ея тѣнь. Какъ исхудала и измѣнилась она!

— Пустяки, работы много,—отвѣчаетъ она на тревожный вопросъ Зины. — Вотъ кончится война, отдохну, отосплюсь, растолстѣю. А ты-то... ты на себя взгляни, Зинушка! Милушка, или случилось что?

— Ужасно, Китти! Просто не знаю, что и подумать. Я ничего не знаю о немъ. Я такъ и не видѣла маленькаго Толи,—отрывисто бросаетъ молодая женщина.

— Боже мой, Зиночка!.. Такъ развѣ ты не знаешь? А я думала, что тебѣ прислали сказать, что тебя уже извѣстили,—смущенно роняетъ Бончъ-Старнаковская.

— Чего не знаю? О чемъ извѣстили? Что такое стряслось? Говори скорѣй, говори все!.. Ради Бога не мучь, Китти!

Кровь отливаетъ отъ лица Зины, и вся жизнь теперь сосредоточивается у нея въ глазахъ.

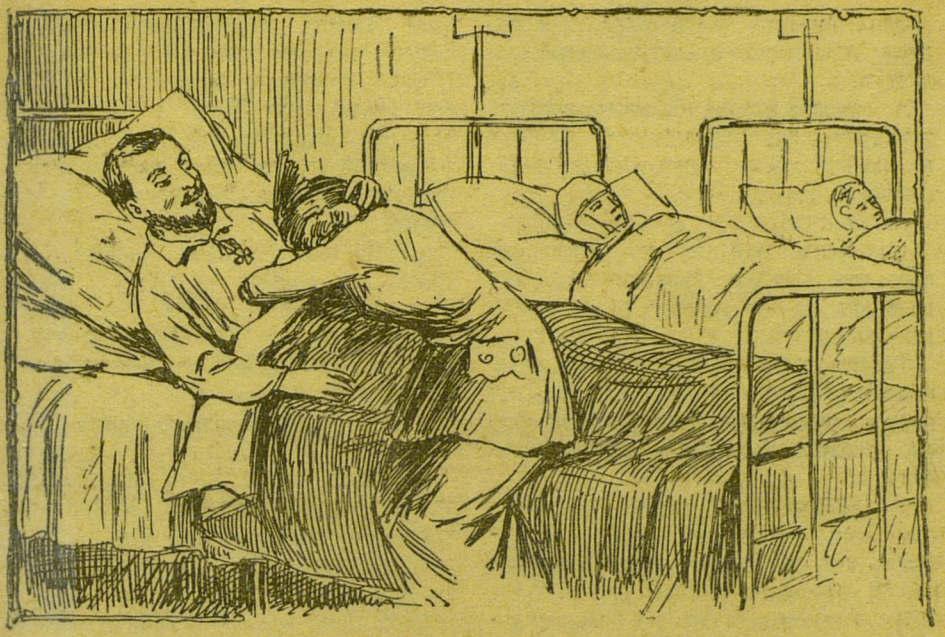
Она безсознательно хватаетъ руку кузины и до боли стискиваетъ ея пальцы.

— Говори! Говори скорѣй! Онъ убитъ? Да? Умеръ? Да?—и ей кажется, что бездна раскрывается у нея подъ ногами въ эти минуты и что кто-то, кто сильнѣе ея, толкаетъ ее внизъ, въ эту бездну.—Скажи, Китти... скажи, что знаешь! Не мучь меня! О, умоляю, не мучь!

Китти, лаская ее, отвѣчаетъ:

— Зиночка, милая, успокойся! Толя живъ. Успокойся, Зина, голубчикъ!.. Онъ только раненъ. И онъ—здѣсь.

— Здѣсь?—воплемъ вырывается изъ груди изстрадавшейся женщины, и она дѣлаетъ страшное усиліе надъ собою, чтобы не рухнуть въ темную бездну, которая тянетъ ее къ себѣ.



«Со стономъ падаетъ Зина на грудь Анатолія головой и цѣлуетъ его плечи, лицо, шею и георгіевскій крестикъ, топя въ безумныхъ слезахъ новое горе, сразившее ее». (Ст. 268.)

— Здѣсь. Собери всѣ силы, голубчикъ, не волнуй его! Ему вредно волненіе. Будь веселой и бодрой, какъ прежде, какъ всегда!—и Китти, взявъ двоюродную сестру за руку, ведетъ куда-то.

Но Ланская рѣшительно не можетъ дать себѣ отчетъ, куда ее ведутъ, не видитъ ни кроватей, ни раненыхъ, ни санитаровъ, ни сестеръ, ни врачей. Только одно лицо, одни глаза она видитъ, слабо блеснувшіе ей навстрѣчу съ крайней койки.

— Зи-и-на-а!—долетаетъ до ея уха какой-то слабый, надорванный, глухой голосъ.

Блѣдное лицо, однотонное съ бѣлизной наволоки, безъ признака живой, теплой крови, поражаетъ своимъ измученнымъ, страдальческимъ видомъ, своей худобой. Огромными кажутся глаза среди осунувшихся чертъ трудно-больного. И только глаза живутъ: они блѣдно сверкаютъ и одни напоминаютъ еще о жизни. Невольно въ полѣ зрѣнія бросаются черная отросшая бородка, заострившійся носъ, впалая грудь и крестикъ Георгія, приколотый поверхъ сорочки на этой исхудалой груди.

— Зи-и-на!

Ланская останавливается въ двухъ шагахъ отъ постели, съ минуту молча смотритъ на это безумно-дорогое лицо, на впалую грудь, на крестикъ-отличіе героя. И вдругъ горячая волна безграничной нѣжности и муки ударяетъ ей въ сердце, толкаетъ ее къ больному, бросаетъ на колѣна. Вслѣдъ затѣмъ, охвативъ его руками, она, не будучи въ силахъ сдержаться, рыдаетъ навзрыдъ.

Зина плачетъ долго-долго, со сладкимъ отчаяніемъ, съ безнадежной радостью.

А раненый нѣжно, съ невыразимымъ, захватывающимъ выраженіемъ шепчетъ на разные лады одно только единственное слово:

— Зи-и-на!

Наконецъ Ланская приходитъ въ себя отъ легкаго прикосновенія его пальцевъ къ ея головѣ, и ея слезы исчезаютъ сразу.

Теперь ея влажные отъ слезъ, сверкающіе глаза вдругъ выбрасываютъ изъ нѣдръ души цѣлое пламя, цѣлый океанъ чувства, а дрожащія губы шепчутъ:

— Любимый мой, герой мой, счастье мое! Зачѣмъ ты тогда не пріѣхалъ, не отвѣтилъ, не позвалъ меня? Я страдала, потому что любила. Вѣдь я любила и люблю тебя, ненаглядный!

— Милая! Я не могъ... Война... порученіе... А потомъ... потомъ меня ранили, Зина, — тихо говоритъ Анатолій.

— Да, да!—подхватываетъ она съ жаромъ.—Я люблю тебя, и никто теперь насъ не разлучитъ. Я умру вмѣстѣ съ тобою. Жить и умереть съ тобою... да, да, только это... иного не хочу и не могу.

— Зиночка, радость моя!

— Какъ ты раненъ? Какъ, любимый мой? Но все равно!.. что бы ни было, я съ тобою... всегда съ тобой!

Анатолій внимательно смотритъ на нее, а затѣмъ тихо спрашиваетъ:

— Даже если я останусь калѣкой, Зина?

— Да, да, да!

Мертвенно блѣдное лицо Анатолія, на которое послѣ заданнаго имъ вопроса легла тѣнь тревоги, вдругъ все свѣтлѣетъ, и онъ, задыхаясь отъ восторга, восклицаетъ:

— Ангелъ мой, спасибо тебѣ! А теперь поцѣлуй меня. Я счастливъ.

Зина порывисто бросается къ своему „маленькому Толѣ“ и въ тотъ же мигъ съ испугомъ за эту свою неосторожность, за этотъ порывъ, откидывается назадъ, вся дрожа отъ волненья.

— Я тебѣ сдѣлала больно? Твои ноги... ты раненъ въ ноги, маленькій? Да? — лепечетъ она, уже издали лаская Анатолія взглядомъ, замѣтивъ судорогу страданія, промелькнувшую у него въ лицѣ.

Бончъ-Старнаковскій горько улыбается.

— Нѣтъ, Зина, мнѣ не больно, успокойся, моя голубка! Моимъ ногамъ не можетъ быть больно... не можетъ потому, что... ихъ нѣтъ... нѣтъ вовсе у меня, Зина...

Что? Или она ослышалась? Какой ужасъ!

Со стономъ падаетъ она на грудь Анатолія головой и цѣлуетъ его плечи, лицо, шею и георгіевскій крестикъ, топя въ беззвучныхъ слезахъ это новое горе, сразившее ее.

А онъ, лаская ея пушистые волосы, говоритъ въ это время тихо, чуть слышно:

— Да, я — калѣка, дѣтка моя. У меня нѣтъ ногъ, ихъ ампутировали обѣ. Мой скромный подвигъ, если можно назвать подвигомъ тотъ случай съ мостомъ, давшій мнѣ сладкое сознаніе, что благодаря намъ удалось еще разъ нашей арміи нанести пораженіе непріятелю,—этотъ случай стоилъ мнѣ моихъ ногъ и сдѣлалъ меня калѣкой. И если ты не знала этого, Зина, и теперь страшная перспектива быть женою калѣки пугаетъ тебя, то лучше откажись, пока есть еще время!

— Молчи, молчи, ненаглядный! Я люблю тебя, каковъ бы ты ни былъ,

я клянусь любить тебя такъ всю мою жизнь..

* * *

Теперь Зина сидитъ долгими часами у постели дорогого раненаго. Скоро она повезетъ его въ столицу. Безногій, обездоленный, онъ ей дороже во стократъ того здороваго и жизнерадостнаго Анатолія, какимъ онъ былъ прежде. Теперь у нея въ жизни новая, прекрасная цѣль: дать счастье несчастному, своей нѣжностью, заботами и любовью заставить его забыть о горѣ, отнявшемъ такъ много у него, такого еще молодого, всецѣло полнаго жизни.

Китти не можетъ смотрѣть безъ слезъ на эту трогательную пару. Она не ожидала отъ Зины, легкомысленной кокетки и эгоистки, какою у нихъ считали въ семьѣ Ланскую, такого удивительнаго самоотверженія, такой жертвы.

И Китти припоминается другой подвигъ самоотреченія, другая жертва. Весь трагическій ея романъ съ Мансуровымъ теперь постоянно проходитъ у нея въ головѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Анатолій разсказалъ ей, кому онъ обязанъ своимъ спасеніемъ, кто подобралъ его подъ пулями непріятеля, презирая опасность, и доставилъ, исковерканнаго снарядомъ, на пунктъ. О, этотъ великодушный Борисъ! Толя нѣсколько разъ звалъ въ бреду Мансурова, и теперь, поправляясь, все чаще и чаще говоритъ о немъ. И изъ этихъ разговоровъ Китти вынесла вполнѣ твердое убѣжденіе, что ея встрѣча съ Борисомъ теперь неизбѣжна.

И дѣйствительно вотъ они стоятъ одинъ противъ другого. Китти не смѣетъ поднять на него взоръ, и сердце ея полно отчаянья и любви.

Пользуясь краткой передышкой въ работѣ, она тутъ, подлѣ Бориса, пріѣхавшаго навѣстить Анатолія, пока ихъ часть, мѣняя расположеніе позицій, идетъ мимо города.

Мансуровъ смотритъ на опущенную золотую головку, на смущенные глаза и истаявшее личико, видитъ волненіе и радость, охватившія Китти при свиданіи съ нимъ, и точно что-то освѣщаетъ его сознаніе яркимъ, непоколебимымъ свѣтомъ. „Эта дѣвушка любитъ тебя!“—говоритъ кто-то въ его душѣ, настойчивый и мудрый, и вливаетъ прежнюю радость въ душу, угасшую было въ горѣ. Онъ весь воскресаетъ снова. Словно раскрываются предъ нимъ двери склепа, въ который заживо погребла его безпощадная жизнь. И, когда онъ уходитъ, сопровождаемый Китти изъ палаты и видитъ все то же взволнованное, блѣдное личико, то смотритъ ей въ глаза и помимо собственнаго желанія говоритъ:

— Екатерина Владиміровна, скажите! Вѣдь то былъ сонъ, мучительный и страшный кошмаръ?

Китти смущенно взглядываетъ на него.

— Да, кошмаръ, Борисъ, да!—слышится ея тихій голосъ.

— И вы не забыли меня?

— Никогда, Борисъ, никогда!—твердо отвѣчаетъ Китти.

— А тогда, когда говорили тѣ жестокія, тѣ жуткія слова, тогда...

— Я говорила ихъ противъ своей воли, Борисъ.

— И...

— И любила васъ, Борисъ, не переставая, все время, все время.

Мансуровъ весь загорается радостью; отъ волненія онъ почти задыхается и лишь съ трудомъ находитъ силы спросить:

— Дитя мое, такъ почему же?

Китти на минуту задумывается, ви-

«—Я буду ждать, Китти. Я запасусь терпѣньемъ, дорогая,—говоритъ Борисъ, цѣлуя блѣдныя руки любимой женщины». (Ст. 272.)

димо борясь съ собой. Наконецъ она тихо говоритъ:

— Послѣ, послѣ, Борисъ. Я вамъ скажу объ этомъ лишь тогда, когда окончательно исчезнетъ мой кошмаръ, когда дальнѣйшіе трудъ, искупленіе, великая любовь и страданье за другихъ окончательно сотрутъ мои собственныя муки.

— О какомъ искупленіи вы говорите, дорогая? Что бы ни было, какая бы страшная вина ни лежала на васъ, я не смѣю даже говорить, заикаться о возможности прощенія. Вы выше всего этого, Китти. И вѣрьте мнѣ, радость моя! Когда бы вы ни позвали меня, я приду къ вамъ и почту за счастье, за особую честь назвать васъ тѣмъ же, кѣмъ вы были раньше для меня.

— Благодарю васъ, Борисъ. Я принимаю отъ васъ это счастье, но пока, милый, дай мнѣ довести мое скромное, маленькое дѣло, дай мнѣ исполнить свою задачу до конца! Я должна на время забыть наше личное счастье и послужить тѣмъ, кто беззавѣтно идетъ на великій подвигъ самоотреченія, а тамъ я — твоя, и уже навсегда, до могилы.

— Я буду ждать, Китти. Я запасусь терпѣніемъ, дорогая, — говоритъ Борисъ, цѣлуя блѣдныя руки любимой женщины.

Они разстаются снова, но каждый уноситъ съ собою радость облегченнаго страданія и пламя новой надежды.

КОНЕЦЪ.

П. 1955 г.
Акт РХ-9609/2
Бр-93868.

ГПБ Русский фонд
65-5
4499